

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

4
1984

Старший лаборант-фармаколог Всесоюзного института лекарственных растений (ВИЛР) Екатерина Васильевна Горюнова сочетает свою работу с активным участием в борьбе за укрепление трудовой и производственной дисциплины в коллективе. Она — председатель товарищеского суда ВИЛРа, депутат Михайловского сельсовета Ленинского района Московской области.

Фото В. Зимина.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

4 (160) АПРЕЛЬ 1984
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Правда»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко
(главный редактор),
И. В. Гранкин (заместитель
главного редактора),
Э. П. Зоринянц (ответственный
секретарь), И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поволяев, А. М. Рекунков,
П. И. Седугин, Ю. С. Семенов,
Е. В. Смирнова, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12

На основе ленинских принципов. Верховному Суду СССР — 60 лет 4

■
Продовольственная программа — всенародное дело

В. СТЕРИН. Люди — страда, страда — людям. Заметки о работе юридической службы РАПО 12

■
Пример добрососедства и сотрудничества. Интервью с министром юстиции Республики Кипр Ф. Клиридисом 18

■
СОБЕСЕДНИК

Л. КУНЕЦКАЯ, К. МАШТАКОВА. У истоков Великого почина 23

В. КУДРИНА. Секреты семейного счастья. Обзор писем 28

К. ХРОМОВА. Люди на болоте. Командировка по тревожному письму 33

Редакции отвечают 38

■
В. ФРАНЮК. Искажение. Судебный очерк 39

■
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Умеете ли вы ходить? Беседа с заместителем начальника главного управления ГАИ МВД СССР Р. С. Дианкиным об ответственности пешеходов за нарушение Правил дорожного движения 44

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Рисунок художника Н. Ладыгина.

Четвертая страница

Байкал находится под особой охраной: ведь озеро это уникальное. Вот почему специалисты по экологической токсикологии Л. Гребенкина и Н. Калинкина постоянно следят за чистотой байкальской воды.

Фото В. Зинина.

■
А. ВАКСЯН. Как шабашник строил котельные 59

■
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ

Новое в законодательстве

М. ПАНКИН, начальник сектора юридического отдела Госком-
труда СССР. В целях укрепления дисциплины труда. 59

Юридический словарь

В. ИВАНОВ, доктор юридических наук. Преступление 63

Л. СЕМЕНОВА. Приписки и другие искажения отчетности 64

В. СТЕПАНОВ, заслуженный юрист РСФСР. Приусадебный зе-
мельный участок 66

Проверьте ваши знания 68

В. ГРИШАЕВА. Совершенствовать правовое воспитание молодежи 69

■
Ю. ЛОБОВ, кандидат юридических наук. Грязная возня вокруг
награбленных сокровищ 70

В. БОГДАНОВ. Наркомания — социальная казнь при капитализме 79

■
А. МОЛЧАНОВ. Перекресток для троих. Повесть. 86

■
В лаборатории криминалиста

Е. ИЩЕНКО. Когда раскрываются тайны 119

■
Именем сатиры

М. ХАЗИН. Жаль, что не ведаю театрами» Фельетон 125

■
Зарубежная мозаика 128

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА.

Сдано в набор 02.02.84 г. Подписано в печать 28.02.—05.03.84. А 07616.
Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,29.
Усл. кр.-отт. 7,56. Изд. № 836. Зак. № 2175.

Отпечатано 1 500 000 экз. (из общего тиража 8 617 000 экз.) с матриц
ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты
«Правда» имени В. И. Ленина в ордена Ленина типографии «Красный
пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 4312.

НА ОСНОВЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ

Верховному Суду СССР—60 лет

Под знаком дальнейшего развития социалистического народовластия, укрепления нерушимого блока коммунистов и беспартийных, тесного сплочения трудящихся вокруг Коммунистической партии прошли выборы в Верховный Совет СССР.

Важным направлением дальнейшего совершенствования советской демократии является укрепление социалистической законности. В речи на внеочередном февральском (1984 года) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии К. У. Черненко указывал, что меры, принятые партией по укреплению социалистической законности, получили поистине всенародное одобрение. Велика роль в этой работе судебных органов, возглавляемых Верховным Судом СССР.

Этот высший судебный орган нашей страны начал свою деятельность 60 лет назад: 19 апреля 1924 года состоялось его первое пленарное заседание. Накануне знаменательной даты наш корреспондент попросил рассказать о Верховном Суде СССР руководителя отдела судостроительства и организации учреждений юстиции ВНИИ советского законодательства МЮ СССР доктора юридических наук Владимира Борисовича Алексеева.

— Вначале следует, очевидно, обратиться к истории. Расскажите, пожалуйста, о том, как был создан Верховный Суд СССР?

— Отметим сразу, что непосредственному созданию высшего судебного органа предшествовали поистине исторические события в жизни нашего государства. На первом съезде Советов 30 декабря 1922 года было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик. Первая Конституция СССР, утвержденная II съездом Советов 31 января 1924 года, законодательно решила основные вопросы, связанные с созданием единого союзного государства. К этому времени в каждой союзной республике уже существовала система судов, организация которых основывалась на таких ленинских идеях, как доступность суда для населения, широкое участие трудящихся в отправлении правосудия, выборность судей и подотчетность их избирателям.

После создания единого союзного государства в форме добровольного объединения равноправных республик возникла настоятельная

необходимость образовать и общегосударственный судебный орган, который возглавил бы систему судебных органов единого союзного многонационального государства, образованного на основе принципа социалистического федерализма. Таким органом стал Верховный Суд СССР, учрежденный в соответствии с Договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Конституцией СССР 1924 года. В главе 7-й Конституции определялись компетенции высшего судебного органа, его структура, состав и порядок комплектования. Кроме того, специально принятыми нормативными актами регламентировался порядок его работы. В январе — феврале 1924 года был сформирован состав Верховного Суда СССР. Возглавил его Александр Николаевич Винокуров, большевик-ленинец, участник Октябрьской революции, человек незаурядных организаторских способностей и глубокого аналитического ума. За четырнадцать лет пребывания на этом ответственном посту он многое сделал для становления социалистической законности в нашей стране.

— Видимо, следует пояснить читателям, что организации новых советских судов уделялось самое серьезное внимание с первых дней существования нашего социалистического государства.

— Конечно. Ведь процесс формирования новых судов был лишь завершен организацией Верховного Суда СССР. С первых же дней Советской власти началось упразднение старых судов. Первым законодательным актом, положившим основу создания подлинно народного суда, явился Декрет о суде № 1, подготовка которого находилась под постоянным вниманием В. И. Ленина. Им были внесены существенные поправки к проекту Декрета, подчеркивающие классовый характер нового суда. Декретом № 1 упразднились органы юстиции и суда царской России. Новые суды образовывались на основе демократических выборов. Были определены организационные принципы системы советских судов: выборность судей, участие трудящихся в судопроизводстве, равенство сторон, право обвиняемого на защиту.

Важно отметить, что законодатель в первые же годы Советской власти устранил множественность судебных инстанций и одновременное функционирование на одном уровне различных судов. В результате получила яркое выражение тенденция организации простого и доступного для широких слоев населения суда.

Сложившаяся система судебных учреждений, задачи и принципы организации судов законодательно были закреплены в Основах судостроительства Союза ССР и союзных республик, утвержденных в октябре того же, 1924 года. Судебная система, основным звеном которой является народный суд, успешно выдержала испытание временем — с учетом изменений, происшедших в жизни нашего социалистического общества, она действует и поныне.

— В системе судебных органов того времени Верховный Суд СССР занимал особое место...

— Это так. И определялось это теми полномочиями, которые возлагались на него. В Конституции СССР 1924 года прямо предусматривалось, что Верховный Суд СССР создается «в целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик». К компетенции Верховного Суда СССР относилась дача верховным судам союзных республик руководящих указаний по вопросам общесоюзного законодательства; он был уполномочен рассматривать и опротестовывать по представлению Прокурора Верховного Суда СССР постановления, решения и приговоры вер-

ховных судов союзных республик, если они противоречили общесоюзному законодательству или если они затрагивали интересы других союзных республик.

На Верховный Суд СССР возлагалось рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц в преступлениях по должности и ряд других важных полномочий.

— С тех пор, как был создан Верховный Суд СССР, прошло шестьдесят лет. Выполняя возложенные на него обязанности, он за эти годы внес большой вклад в развитие и совершенствование советской судебной системы, укрепление социалистической законности. Скажите, пожалуйста, как организован, какие функции сегодня выполняет Верховный Суд СССР?

— Конституция СССР (1977 года) четко определила место Верховного Суда СССР в советской судебной системе: Верховный Суд СССР является высшим судебным органом Союза Советских Социалистических Республик и осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в пределах, установленных законом.

Таким образом, Верховный Суд СССР — это высшее звено советской судебной системы.

Всей своей деятельностью Верховный Суд СССР призван обеспечивать правильное и единообразное применение законов при осуществлении правосудия, воспитывать граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения Конституции СССР и советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

Осуществляя правосудие, Верховный Суд СССР рассматривает дела в качестве суда первой инстанции, в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

Важно подчеркнуть, что при осуществлении правосудия Верховный Суд СССР руководствуется Конституцией СССР, Законом о Верховном Суде СССР, принятым на основе Конституции, другими законодательными актами Союза ССР, а также законодательством союзных и автономных республик.

В Верховном Суде СССР рассматриваются не только конкретные гражданские и уголовные дела. Для того, чтобы иметь полную и объективную картину работы судов различных уровней, систематически изучается и обобщается судебная практика, анализируется судебная статистика. На основе полученных данных судом даются руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства. Это помогает судьям при рассмотрении конкретных гражданских и уголовных дел. Да и не только судьям: руководящие разъяснения пленума Верховного Суда СССР обязательны и для других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение.

— Наверное, все это во многом способствует правильному, единообразному применению законов при осуществлении правосудия?

— Это в основном и имеется в виду. На протяжении всех лет своего существования Верховный Суд СССР придавал и придает исключительное значение неуклонному и точному соблюдению правовых норм как в своей деятельности, так и в деятельности других судебных органов. Так, в специально принятом постановлении пленума Верховного Суда СССР «О строгом соблюдении законов при рас-

смотрении судами уголовных дел» было обращено внимание судов на то, что каждое уголовное дело, независимо от характера и тяжести совершенного преступления, служебного и общественного положения обвиняемого, должно разрешаться в точном соответствии с требованиями норм уголовного и уголовно-процессуального права. При этом подчеркивалось, что никакие нарушения законности не могут быть оправданы ссылками на то, что это необходимо якобы в целях усиления борьбы с преступностью. В другом постановлении пленума, «О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел», указывалось на необходимость обеспечивать правильное, и, что не менее важно, эффективное разрешение гражданско-правовых споров. Важные рекомендации были даны судам в постановлении пленума «О задачах судов в свете решений XXVI съезда КПСС».

— Из вашего сообщения видно, что руководящие разъяснения Верховного Суда СССР не обязательно раскрывают содержание какой-то одной правовой нормы, а посвящены в ряде случаев целому комплексу вопросов, связанных с деятельностью судов по осуществлению правосудия.

— Совершенно верно. Замечу, что, например, наиболее актуальные категории судебных дел вообще постоянно находятся в поле зрения Верховного Суда СССР, который рассматривает материалы обобщений судебной практики и судебной статистики, а также представления Генерального прокурора СССР и министра юстиции СССР. Судам систематически даются руководящие разъяснения по вопросам применения трудового, жилищного, брачно-семейного законодательства. Это по гражданским делам. Что касается уголовных дел, то здесь серьезное внимание уделяется таким вопросам, как борьба с хищениями социалистической собственности, с преступлениями против личности, с хулиганством, хозяйственными и должностными преступлениями, рецидивной преступностью.

— Чтобы у наших читателей была полная ясность, надо, очевидно, отметить, что руководящие разъяснения пленума Верховного Суда СССР представляют собой не новую правовую норму и не дополнение или изменение закона.

— Правильно. Руководящее разъяснение пленума Верховного Суда СССР, раскрывая смысл уже существующего закона, объясняет, как следует его применять в процессе судебной деятельности. Оно вытекает из содержания самого закона и должно полностью соответствовать ему. А поскольку руководящие разъяснения пленума Верховного Суда СССР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение, то тем самым достигается единообразие применения этого закона.

— Но ведь может случиться так, что после долгих лет применения та или иная правовая норма или даже целый комплекс правовых норм, что называется, «устаревают», перестают соответствовать тому новому, чем определяется содержание нашей работы по укреплению социалистической законности на определенном этапе развития общества. Или бывает так: жизнь выдвигает в этой области проблемы, которых не существовало раньше, и теперь они настоятельно требуют правового урегулирования.

— Это важный вопрос, имеющий прямое отношение к задачам совершенствования законодательства.

Социалистическая законность — незыблемый ленинский принцип нашего общественного строя, нашего правосудия, принцип, закрепление которого в Конституции обеспечивает точное и неуклонное соблюдение, исполнение и применение законов, правовых норм и других юридических актов всеми, кому они адресованы.

В результате изучения и обобщения судебной практики, рассмотрения гражданских и уголовных дел порой возникает необходимость ставить вопрос о совершенствовании самого законодательства, не отвечающего требованиям сегодняшнего дня: о восполнении имеющихся в нем пробелов, внесении в его нормы изменений и дополнений, об отмене отдельных устаревших норм. О том, что отдельные правовые нормы нуждаются в совершенствовании, порой свидетельствуют данные научных исследований, предложения, поступающие с мест и т. д. Ученые нашего института, осуществляющие научную разработку вопросов совершенствования советского законодательства и практики его применения, ведут большую работу по подготовке соответствующих предложений на основе изучения практики применения действующего законодательства судами и всеми учреждениями юстиции. Однако следует подчеркнуть, и это главное, что до тех пор, пока закон не отменен и не изменен, он является единственной основой деятельности всех органов, всех судов, в том числе и Верховного Суда СССР.

— И к нам в редакцию, к слову сказать, поступают письма от читателей с предложениями об изменении законодательства. Мы их обобщаем и направляем в соответствующие компетентные органы.

— Правильно. Что касается нашего ВНИИ советского законодательства, изучение и обобщение таких предложений составляет важную часть научной и профессиональной работы соответствующих подразделений. По поручению Министерства юстиции СССР сотрудники института участвуют, совместно с работниками многих правоохранительных органов, в том числе Верховного Суда СССР, в их анализе, обобщениях, подготовке соответствующих рекомендаций.

Понятно, что такие же письма приходят и в Верховный Суд СССР. Они учитываются вместе с другими данными, свидетельствующими о необходимости принятия нового или изменения действующего закона. Вполне естественно, для того, чтобы обеспечить правильное и единообразное применение законов при осуществлении правосудия, Верховный Суд СССР должен обладать возможностью активно содействовать совершенствованию применяемого законодательства. Вот почему в соответствии с Конституцией СССР высшему судебному органу страны предоставлено право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР. Работники Верховного Суда СССР постоянно участвуют в законотворческой деятельности. Они дают отзывы на законопроекты, разработанные другими государственными органами, общественными организациями или должностными лицами. Участвуют в работе подготовительных комиссий, рабочих и консультативных групп по совершенствованию общесоюзных и республиканских законодательных актов. В необходимых случаях Верховный Суд СССР использует свое право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР. Достаточно сказать, что за последние двадцать лет работники высшего судебного органа, равно как и сотрудники ВНИИ советского законодательства, в той или иной мере участвовали в подготовке практически всех законопроектов, казавшихся деятельности суда.

— Вернемся к праву законодательной инициативы Верховного Суда СССР. Я понимаю, что тема эта большая и заслуживает отдельного, более подробного разговора. Но для того, чтобы наши читатели получили некоторое представление о характере данной работы высшего судебного органа, прошу вас привести пример, когда по инициативе Верховного Суда СССР был принят законодательный акт.

— На одном из пленумов Верховного Суда СССР обсуждался протест по уголовному делу в отношении двух злостных хулиганов. Помимо всего прочего, внимание членов пленума привлекло одно обстоятельство: преступники причинили потерпевшему серьезные телесные повреждения, он длительное время находился в больнице, и на его лечение государством были затрачены немалые средства. Потерпевшему, естественно, лечение ничего не стоило, так как медицинская помощь в нашей стране всем нуждающимся в ней оказывается бесплатно. Но закономерно возник вопрос: а почему, собственно, от возмещения расходов, понесенных государством, освобождены виновные? По логике вещей должно быть так: если преступники причинили ущерб, только они, и никто другой, обязаны возместить его. Пленум пришел к выводу о необходимости законодательно урегулировать вопрос о возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий. Спустя некоторое время в Президиум Верховного Совета СССР было внесено соответствующее представление. Президиум Верховного Совета СССР нашел его обоснованным и 25 июня 1973 года принял Указ «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий». Отныне средства, затраченные на стационарное лечение человека, пострадавшего от преступных действий, взыскиваются с осужденных в доход государства. Закон сейчас широко применяется на практике. Понятно, что он в определенной степени способствует предупреждению преступлений.

— Верховный Суд СССР, как уже отмечалось, сам непосредственно осуществляет правосудие. Разумеется, как высшему судебному органу, ему приходится рассматривать дела исключительной важности.

— Да. Все судебные коллегии Верховного Суда СССР полномочны на рассмотрение таких дел. В подтверждение приведу пример. На территории нашей страны в разное время были разоблачены шпионы Калинин и Филатов. Они получали от своих заокеанских хозяев задания собирать сведения, составляющие государственную тайну. Их дела были рассмотрены Военной коллегией Верховного Суда СССР в качестве суда первой инстанции. После тщательного анализа всех доказательств, свидетельствовавших о преступных действиях этих отщепенцев, им было вынесено суровое наказание.

Конечно, в качестве суда первой инстанции Верховный Суд СССР рассматривает дела не только о шпионаже, такие дела, кстати, редкость, а и дела о хозяйственных, должностных и иных преступлениях, а также дела о гражданских спорах.

— В нашей редакционной почте встречаются письма, в которых читатели интересуются порядком избрания Верховного Суда СССР.

— Этот порядок четко регулируется законом. Верховный Суд СССР избирается Верховным Советом СССР сроком на пять лет. Вопрос о его избрании решается на первой сессии вновь избранного Верховного Совета СССР. На совместном заседании обеих палат депутаты голосуют по каждой кандидатуре в отдельности или по всем кандидатурам одновременно, либо в ином порядке по реше-

нию Верховного Совета СССР. Таким образом, сроки полномочий Верховного Совета СССР и избираемого им Верховного Суда СССР совпадают.

— Основным Законом страны предусмотрено, что судьи и народные заседатели ответственны перед избирателями или избравшими их органами и отчитываются перед ними и могут быть ими отозваны в установленном Законом порядке.

— Это важное конституционное требование в равной мере относится к судьям и народным заседателям Верховного Суда СССР. Поскольку они избираются Верховным Советом СССР, то подотчетны этому высшему органу государственной власти страны. Верховный Суд СССР не реже одного раза за период полномочий представляет отчет о своей деятельности Верховному Совету СССР и систематически докладывает о ней Президиуму Верховного Совета СССР.

— Судьями высшего судебного органа страны, конечно же, избираются наиболее знающие юристы, до этого работавшие в юридических органах, — многолетний опыт и обширные познания в области права помогают им четко и квалифицированно рассматривать самые сложные дела. А вот кого обычно избирают народными заседателями Верховного Суда СССР?

— Участие общественности в отправлении правосудия — важный принцип организации и деятельности советской судебной системы. В соответствии с Конституцией СССР рассмотрение дел во всех судах осуществляется коллегиально, в суде первой инстанции — с участием народных заседателей. Исключение не составляет и Верховный Суд СССР.

В числе народных заседателей высшего судебного органа страны имеются представители всех союзных республик. Какие у них профессии? Самые разные. Среди этих народных заседателей есть рабочие, инженеры, агрономы, врачи, ученые, военнослужащие. Многие из них за свой труд отмечены высокими государственными наградами. Иными словами, народными заседателями Верховного Суда СССР избираются лучшие представители трудящихся. Вместе с профессиональными юристами они осуществляют правосудие.

— Скажите, а что им в этом помогает? Ведь соответствующей теоретической и практической подготовки, без которой, казалось бы, в судебной работе не обойтись, у них нет?

— Это не совсем так. Народные заседатели получают необходимую правовую подготовку. Судьи одновременно знакомят их с материалами дела и законами, которые необходимы для его разрешения, дают им квалифицированные ответы по всем возникающим вопросам. В целях расширения правового кругозора народным заседателям периодически направляются «Бюллетень Верховного Суда СССР» и другие юридические издания. Народные заседатели регулярно приглашаются для участия в работе пленума Верховного Суда СССР. Полученные таким образом знания помогают им разбираться в сложных юридических вопросах. Кроме того, народные заседатели обладают большим жизненным опытом, разносторонними знаниями, они вносят в зал судебных заседаний новизну впечатлений. Все это является ценным дополнением к глубоким профессиональным знаниям и большому опыту постоянного судьи.

Подчеркну, что народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи.

— Во время нашей беседы вы неоднократно упоминали пленум Верховного Суда СССР. Расскажите, пожалуйста, о его роли в деятельности высшего судебного органа страны.

— Постараюсь ответить коротко. В соответствии с законом Верховный Суд СССР действует в составе: судебной коллегии по гражданским делам, судебной коллегии по уголовным делам, военной коллегии и пленума.

При важности всех этих подразделений Верховного Суда СССР пленум среди них играет особую роль. Пленум — это полный состав Верховного Суда СССР, включая его председателя, заместителей, членов Верховного Суда СССР, а также председателей Верховных судов союзных республик. Он созывается и проводит свои заседания периодически, но не реже одного раза в четыре месяца. О том, как он дает судам руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства, достаточно подробно говорилось выше. Кроме того, пленум действует как высшая в стране судебная инстанция, которой принадлежит право рассматривать судебные дела в порядке судебного надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам в случаях и пределах, предусмотренных законом.

В соответствии с законом о Верховном Суде СССР в заседаниях пленума участвуют Генеральный прокурор СССР и министр юстиции СССР.

— На декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что ключ к успеху в наших хозяйственных делах — в повышении ответственности кадров, в высокой требовательности к ним за безукоризненное исполнение своих обязанностей, четкость и инициативу, безусловное выполнение стоящих перед ними задач...

— Всем юристам близки и понятны эти требования. Советские судьи, работники всех правоохранительных органов стоят на страже социалистической законности во всех областях жизни нашего общества, всемерно охраняют предоставленные гражданам права и свободы. Сегодня, в свете новых задач, этой важной работе уделяется особое внимание. Поддерживая тесную связь, органы юстиции, прокуратуры, внутренних дел вместе с партийными, государственными органами, с коллективами трудящихся, общественными организациями решают многие проблемы, связанные с дальнейшим укреплением социалистической законности и правопорядка. Не стоим в стороне от этого дела и мы, работники правовых научно-исследовательских учреждений. Указания декабрьского Пленума ЦК КПСС на необходимость повысить общий уровень и качество научно-исследовательских работ, их эффективность имеют для нас особое значение.

продовольственная программа— всенародное дело

Вячеслав СТЕРИН

ЛЮДИ—СТРАДЕ, СТРАДА—ЛЮДЯМ

Заметки о работе юридической службы РАПО

...Невелика Эстония — самая северная республика Советской Прибалтики. Нет здесь широких и раздольных нив, нет обширных заливных лугов, тяжела для обработки пашня — лежат на полях каменные россыпи, торчат, сверкая на солнце упрямыми лбами, серые валуны: не разогнаться комбайнеру, глаз да глаз нужен, земля не сродни кубанским или казахстанским. Однако здешние хлеборобы получают урожаи не ниже кубанских — рубеж в 40 центнеров с гектара в передовых хозяйствах давно перекрыт. И, наверное, потому, что хлеб насущный достается тут особенно трудно (край не обласкан погодой), решились в республике одними из первых на эксперимент, до того неслыханный в сельском нашем хозяйстве. Но решились, основательно подготовившись, взвесив все «за» и «против». Слишком хорошо было известно, чем кончаются иные скороспелые эксперименты, заявившие о себе шумом и треском, но скоропостижно исчезнувшие из поля видимости, оставив после себя в душах людей пепел несбывшихся надежд. Эстонцы, известные именно своей основательностью, знали, что экономика — дама серьезная и пренебрежительного отношения к себе не прощает. Сурово наказывает за наивность и верхоглядство.

...Девять лет назад в республике пришли к выводу, что дальнейшее развитие колхозно-совхозного производства сдерживается сложившейся системой управления. И чтобы производить больше хлеба и мяса, надо было менять структуру руководства. Каждому ясно: это очень непростой шаг для всех. Любая ломка сразу же отражается на производстве и на отношениях людей — не все сразу понимают выгоду нововведений. Тут действует закон инерции: не каждый согласен менять то, что гарантирует спокойную жизнь! Однако спокойная жизнь противопоказана хозяйствам, которые стремятся увеличить производство. А такая потребность уже настоятельно стучалась в дверь ко всем, кто за это в ответе. Нужно было приводить в движение новые силы, искать новые резервы, создавать новый механизм хозяйствования, более динамичный и гибкий. Нужно было искать, разрабатывать, юридически обосновывать и новые формы поощрения коллективов.

Потому и решили в одном районе — Вильяндиском — попробовать объединить в единую систему все предприятия агропромышленного комплекса по территориальному принципу. В Российской Федерации, в других союзных республиках тоже предпринимались попытки сгруппировать хозяйства и предприятия в единый комплекс. Но там избрали другой принцип: объединяли по отраслям, создавали межколхозные объединения на базе крупных колхозов и совхозов, кооперируя силы и средства для производства какого-то одного вида сельскохозяйственной продукции. Этот путь для маленькой республики не годился: он был чреват опасностью распыления средств со всеми нежелательными последствиями. Практики и ученые-экономисты пришли к единому мнению: в Эстонии лучше иметь дело со всеми видами продукции, сохраняя при этом принцип специализации районов.

Так возник агропромышленный комплекс в Вильяндиском районе. Район был поделен на восемь регионов, или так называемых производственных зон. Были продуманы оптимальные планы специализации растениеводства и животноводства, и уже на основе этих планов в каждой зоне началась реконструкция сельскохозяйственного производства. Зоны строились по «базовому принципу» — вокруг передового и мощного хозяйства, оставаясь юридически самостоятельными, группировались «середнячки» и «отстающие».

Всем известно, что некоторые районы в стране ходят в «середняках» только за счет высокого уровня производства в отдельных передовых хозяйствах, тогда как в остальных дела, мягко говоря, обстоят совсем не блестяще. А в Вильяндиском объединении возникла возможность всем создать равные условия хозяйствования. Фонды и технику район теперь распределял исходя из планов реконструкции производства. Ясно, что больше всего в них нуждались отстающие, у передовых и так всего хватало. «Бедные» колхозы до эксперимента не могли себе позволить приобрести то, что им необходимо, — не было средств. Теперь благодаря партнерам по объединению это стало возможным.

Прошло несколько лет, и все увидели — эксперимент удался. Доходы хозяйств возросли более чем на 2 миллиона рублей. Рядовали показатели надоев и привесов в животноводстве. И тогда были созданы централизованные фонды объединения. Их оказалось четыре: 1) фонд развития производства, 2) фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, 3) фонд материального поощрения и, наконец, 4) фонд взаимной помощи, или резервный фонд. Отчисления в них производились из прибыли хозяйств после определения коэффициента комплексной оценки условий хозяйствования. Для краткости его зовут коэффициентом рентабельности. Объединение на своем совете определило норму отчислений в 8 рублей 58 копеек с одного гектара пашни. Общая сумма отчислений определялась умножением 8 рублей 58 копеек на коэффициент, с последующим умножением полученной суммы на общее количество гектаров пашни. Это и составляло сумму отчислений каждого хозяйства. Теперь, после создания РАПО, норма отчислений с гектара увеличена до 10 рублей, что само по себе свидетельствует о возросших экономических возможностях хозяйств.

В районе тогда же решили отказаться от строительства 21 сениарника в колхозах, а сосредоточить все средства на сооруже-

нии крупного свинооткормочного комбината в совхозе-техникуме имени Ю. Гагарина. В итоге возникла ощутимая экономия средств на капитальные вложения в один миллион рублей. План продажи государству свинины комбинат успешно выполнял, производительность труда там была в три раза выше, чем в маломощных свинарниках колхозов.

После ноябрьского (1982 года) Пленума ЦК КПСС на базе объединения возникло Вильяндиское РАПО. Но если для других районов республики создание РАПО было делом новым, то в Вильянди процесс организации и реорганизации прошел безболезненно. Ведь, по сути, здесь уже несколько лет хозяйством управляли так, как этого требует Положение о РАПО. Все достигнутое на практике в районе нужно было юридически закрепить, чтобы правильно регламентировать права и обязанности всех членов объединения, беря за основу Типовое положение, но не забывая и о местных условиях. Пришлось немало поработать юридическому отделу РАПО.

Взять хотя бы статьи Положения о централизованных фондах. Следовало придумать свое, районное положение, чтобы эти фонды не превратились в «кормушку» для тех, у кого низкий уровень производства и руководства. Нужно было определить направление использования централизованных фондов, продумать систему их распределения. Решили, что хозяйствам с низкой рентабельностью при критических ситуациях можно выдавать единовременные пособия для покрытия недостатка оборотных средств. Новая система потребовала от руководителей, чтобы они шли в ногу со временем, иначе сбой в одном звене повлек бы сбой и в других. Ведь теперь все зависело от конечного результата, доходов от проданного государству урожая.

Уже набирают силу новые отношения между членами РАПО. Пульс их наиболее четко прослеживается в работе юридического отдела. Раньше интересы хозяйств и предприятий района, обслуживающих эти хозяйства, не всегда совпадали. Ведомственные барьеры — не выдумка журналистов. «Сельхозтехнике» и «Сельхозхимии», а также управлению мелиорации и водного хозяйства из их министерств спускались планы, которые выполнялись порой в ущерб колхозам и совхозам. А претензии не предъявлялись — руководители хозяйств не рисковали портить отношения с всемогущими своими партнерами. Что скрывать: порой вместо мелкого ремонта трактора «Сельхозтехника» навязывала капитальный ремонт, ей для скорейшего выполнения плана было выгодно получить большую сумму, а колхоз оставался в накладе. К сожалению, от такого выполнения не становилось больше зерна в закромах, не поступало больше молока с ферм. Нынче же, если отбросить ненужные нам для рассказа сложности бухгалтерского учета, все сводится к одному показателю: сколько продукции продали колхозы и совхозы, каков был урожай? Больше продали — больше премий и доплат получают их партнеры.

Теперь многое зависит от умения, профессиональной зрелости и оперативности юристов района. Они координируют деятельность партнеров на основании действующих правовых норм, а это единственно верный путь к достижению ритмичного и эффективного хозяйствования. Благодаря этому создаются новые отношения, постепенно исчезают межведомственные барьеры.

Главные усилия юристов района и хозяйств направлены на то, чтобы следить за неукоснительным соблюдением всеми договорной

дисциплины. Прежде при подготовке типового договора хозяйства, если их что-то не устраивало, свои замечания и пожелания партнерам включали в так называемый протокол разногласий. Но другая сторона часто не принимала этих поправок, и хочешь не хочешь, а руководителем колхозов и совхозов приходилось подписывать не устраивающий их договор.

— Сейчас положение иное. Если возникают противоречия,— говорит начальник юридического отдела Вильяндиского РАПО Мати Лоога,— вмешиваются не только юристы, но и совет РАПО.

Он вспоминает историю с договором колхоза «Киндел теа» с «Райсельхозтехникой». Договор предусматривал обслуживание ферм. Если, скажем, из строя выходило холодильное оборудование, то заявку на ремонт полагалось делать не позднее десяти часов утра. Только при этом условии механик прибывал на ферму в течение дня. Опоздал с заявкой — он придет лишь на следующий день. Между тем молоко в емкостях не охлаждалось, что приводило к большим потерям. В этом году правление колхоза по совету юрисконсульта указало в протоколе разногласий, что заявка должна приниматься круглосуточно, а механик обязан явиться на вызов в течение 2—3 часов. В противном случае ответственность за испорченное молоко должна нести «Сельхозтехника». Но там и слышать не пожелали о такой поправке к договору.

Тогда протокол обсудили на очередном заседании совета РАПО. Председатель совета заранее попросил экономистов подсчитать, какие убытки могут возникнуть только на одной ферме из-за отказа холодильной камеры, и умножить эту сумму на количество ферм в районе. Полученные данные он и доложил на заседании. Члену РАПО, руководителю «Сельхозтехники» при этом сказал: «А ведь ваши премии в конце года теперь тоже зависят от рентабельной работы всех хозяйств. Согласны обойтись без премий, можете не подписывать протокола разногласий...» Протокол разногласий на этот раз был подписан без дополнительных дискуссий.

Теперь в Эстонии юристы РАПО обязательно участвуют в подготовке вопросов для очередных заседаний совета. Кому, как не им, надлежит знать, на какой правовой основе и что нуждается в согласовании районного руководства?! Да и решения совета будут таким образом целиком соответствовать нормативным актам и инструкциям!

Сейчас в республике остро стоит проблема взаимоотношений хозяйств с мясокомбинатами. В чем ее суть? В том, что на мясокомбинате принято учитывать закупленную у хозяйств продукцию после убоя скота и разделки туш, так сказать, в чистом выходе. Хозяйства же взвешивают скот ДО отправки на мясокомбинат. Ясно, что разница в пользу мясокомбинатов бывает весьма значительной. При заключении договоров на 1983 год в протокол разногласий включили пункты, требующие, чтобы скот взвешивался до забоя. Мясокомбинат в поселке Выхма отказался подписать его. Тогда юристы РАПО опять-таки подготовили вопрос на совет. При этом, поискав заранее в нормативных актах, они обнаружили, что еще в апреле 1982 года министерство мясной и молочной промышленности республики приняло решение, обязывающее взвешивать скот до убоя и разделки туш. Тут уж спорить было бесполезно. Так юристы помогли отстоять правильную, экономически обоснованную точку зрения.

Начальник юридического управления при Агропроме республики

Мати Вок рассказал о довольно громком деле, которое выиграли сельские юристы, избавив свои хозяйства от уплаты крупных сумм по претензиям «Эстрыбснабсбита». Он поставлял на корм животным белковые добавки по 20 копеек за килограмм. С января 1983 года оптовые цены на этот продукт решением Госкомитета по ценам были повышены в два раза. Но «Эстрыбснабсбит» вовремя оповестить своих клиентов об этом попросту «забыл». «Забычивость» грозила хозяйствам солидными взысканиями. Недаром руководители, знакомясь со счетами за этот «деликатес», в ужасе хватались за головы. Например, колхоз «Каркси» должен был отдать ни много ни мало 120 тысяч рублей. И хотя это хозяйство богатое, передовое, имеющее солидные прибыли, но могло оно в итоге закончить год и с убытком. А что уж говорить о «середнячках»? Юрисконсульт колхоза Анела Кюльм отказалась от уплаты и, в свою очередь, предъявила претензию республиканской конторе «Эстрыбснабсбита», которая явно нарушила нормы права. Дело было решено в пользу колхоза.

Мати Вок говорит:

— После образования Агропрома мы много положили сил, чтобы научить юристов работать по-новому. Раньше они как бы ревизовали деятельность хозяйственников, отмечая, какие приказы, распоряжения и другие акты противоречат нормам права. Теперь же юристы сами принимают участие в подготовке этих приказов. Отмен стало меньше. Да и интересы колхозов и совхозов соблюдаются гораздо лучше — налажен учет исковой работы, претензий.

Он же сообщил весьма характерные цифры: усилиями сельских юристов в пользу хозяйств за прошлый год было взыскано 3 миллиона рублей! Сама по себе эта цифра убеждает: содержать юристов экономически выгодно!

А еще юристы положили конец практике «взаимного амнистирования», когда руководители не предъявляли претензий к «Сельхозтехнике» и «Сельхозхимии», не желая портить отношений. Теперь счета за ремонт, наладку и комплектование техники просматривают юристы — получать деньги за произведенную работу уже не удастся. Не то что прежде, когда колхозным механизаторам приходилось комплектовать в своих мастерских полученный новенький комбайн, хотя деньги за эту работу перечислялись «Сельхозтехнике»!

Мати Лоога, вспоминая, как начинал функционировать юридический отдел РАПО, добавляет:

— Пришлось разработать схему подчинения и служебных функций каждого должностного лица. Мы не подменяли инструкций, не предписывали, что делать, скажем, заведующему фермой или председателю колхоза. Но определили в схеме четкий порядок подчинения от района до колхоза. Теперь каждому работнику точно известны его прямые функции. В случае ЧП в колхозах знают, к кому надо обратиться и от кого что зависит!

В Вильяндиском районе в связи с организацией РАПО еще шесть лет назад разработали нормативы поощрений и теперь помогают в этом другим районам республики. И весьма успешно.

Юридический отдел РАПО Харьского района, расположенного вокруг Таллина, возглавляет энергичная молодая женщина Хелли Сипельгас.

После окончания Тартуского университета она уехала в село, несколько лет поработала юрисконсультком в колхозах, так что

сельское хозяйство знает не понаслышке. Видимо, это и определило ее выдвижение. Деятельность руководимого ею отдела начала с того, что решила разработать служебную инструкцию-письмо для всех материально ответственных лиц района. Необходимость в ней — подробной и толковой — диктовалась самой жизнью. В самом деле, все ли кладовщики, экспедиторы колхозов и совхозов знают, как правильно, в соответствии с законом оформлять прием и выдачу вверенных им ценностей? Особенно много путаницы было во взаимоотношениях с железной дорогой: многие кладовщики толком и не представляли, как оформлять получение грузов, проверять качество (качество) доставленных ценностей, как, наконец, составлять документы на недостачу. А неправильное оформление накладной на прием от железной дороги груза лишало возможности требовать возмещения ущерба, предъявлять претензии. Недостачу возмещали, радуя избежавших ответственности жуликов, сами материально ответственные лица, не будучи в ней виноваты. Разослав инструкцию, Хелли Сипельгас проверила хозяйства, и убедилась: ее труд помог людям избавиться от ненужных неприятностей.

Так, в совхозе «Кехра» не приняли лизин в цистернах: не было пломб. Юрист совхоза предъявил претензии управлению железной дороги. Та вынуждена была претензию удовлетворить и принять меры к пресечению подобных фактов. Цистерны стали тщательнее пломбировать, подвергать осмотру перед наполнением.

Инструкция действовала.

И еще одно интересное новшество в Эстонии. Идя дальше по пути объединения сил, тут упразднили министерство сельского хозяйства, комитеты «Сельхозтехники», «Сельхозхимии», управление мелиорации и водного хозяйства. На их базе создан единый республиканский Агропром. На правах управлений в него вошли бывшие комитеты, все вопросы теперь можно решить в одном здании.

Юхан Александрович Салум, начальник главного управления кадров Агропрома, убежден, что теперь ведомственные барьеры, разделявшие партнеров по аграрному производству, рухнут.

— Мы все нынче — работники «Сельхозтехники», «Сельхозхимии», мелиораторы — сотрудники одного учреждения. Все, что нас разделяло, упразднено, любую возникшую проблему можно решить на заседании совета Агропрома. Немаловажно и то, что и премии мы получаем тоже по результатам года, то есть по' конечному результату. Взаимных упреков, неразберихи будет меньше... Но не все зависит от нас.

Мати Вок дополнил:

— Сейчас видно, что некоторые наши законодательные акты нуждаются в уточнениях. Например, исходя из каких норм нужно обеспечивать молодых специалистов жильем? Много неясностей, как уже говорилось, в отношениях между хозяйствами и мясокомбинатами; требует уточнения и система взысканий за падеж скота. Конечно, если есть вина конкретного человека, все ясно. Но порой доярка, телятница не виноваты, работают хорошо, честно, а падеж тем не менее происходит. По разным причинам — несовершенство построенных зданий, ошибки в проекте, да и попросту слабое потомство. На наш взгляд, нужно разработать нормы естественной убыли молодняка, его отхода. Проблем и вопросов у нас хватает. Но уже сейчас ясно: перестройка управления была необходима, без нее не обойтись, если мы хотим, чтобы на любой должности человек чувствовал себя хозяином.

ПРИМЕР ДОБРОСОСЕДСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА

В Москве состоялось подписание Договора между СССР и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, призванного способствовать дальнейшему развитию и укреплению правовых отношений между СССР и Республикой Кипр на принципах мирного сотрудничества, равенства, взаимности, уважения независимости и суверенитета обоих государств.

Договор подписали: по уполномочию Президиума Верховного Совета СССР — министр юстиции СССР В. И. Теребильов и по уполномочию Президента Республики Кипр — министр юстиции Республики Кипр Ф. Клиридис.

При подписании договора присутствовали заместитель министра иностранных дел СССР Б. И. Аристов, посол Республики Кипр А. Ангелидис, другие официальные лица.

Наш корреспондент встретился с Фивосом Н. Клиридисом и взял у него интервью.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Господин министр, первый вопрос о значении сегодняшнего события. Что внесет в советско-кипрские отношения Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам?

Ф. КЛИРИДИС: Мне придется начать с краткой общей характеристики договорно-правовой базы двусторонних советско-кипрских

отношений. Между нашими странами эти отношения успешно развиваются уже добрых два десятилетия. После февраля 1964 года заключены соглашения о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве, развитии экономического и промышленного сотрудничества, воздушном сообщении, о сотрудничестве в области науки, образования и культуры, о туризме, об избежании двойного налогообложения доходов и имущества, о сотрудничестве в области телевидения и радиовещания, консульская конвенция. Сейчас готовятся к подписанию соглашения о торговом судоходстве и протокол об эквивалентности документов об образовании ученых степеней и званий.

Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, подготовка которого экспертами завершилась за очень короткий срок, является еще одним подтверждением стабильных дружественных связей между нашими двумя странами. В будущем он явится эффективным и полезным инструментом взаимного выполнения всех многочисленных и разнообразных соглашений, заключенных нашими странами. Ведь в соответствии с договором граждане Советского Союза и Кипра имеют право беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру и иные учреждения этих государств, к компетенции которых относятся гражданские и уголовные дела. Они освобождаются от судебных расходов и пользуются льготами и бесплатной юридической помощью на тех же основаниях, что и собственные граждане.

Суды, органы прокуратуры, учреждения юстиции и другие правоохранительные органы договаривающихся государств будут взаимно выполнять поручения о производстве процессуальных действий и, в частности, вручать документы, проводить экспертизы, допрашивать свидетелей, стороны, экспертов и так далее.

Каждое из договаривающихся государств предоставляет по просьбе одной стороны в установленном порядке документы о регистрации актов гражданского состояния и иные документы, касающиеся личных и имущественных прав граждан другой стороны.

Предусмотрено взаимное признание и исполнение обоими государствами решений судов и других учреждений юстиции по гражданским делам в порядке и на условиях, определенных договором. Урегулированы также вопросы взаимной выдачи и уголовного преследования лиц, действия которых признаются уголовно наказуемыми на территории обеих договаривающихся сторон.

Оба государства обязуются в лице своих центральных органов предоставлять друг другу по просьбе информацию о действующем на их территории законодательстве и о судебной практике по правовым вопросам, подлежащим рассмотрению в соответствии с положениями заключаемого договора.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что можно сказать о состоянии экономических и торговых отношений между нашими странами?

Ф. КЛИРИДИС: Я хотел бы подчеркнуть, что торговые и экономические связи между двумя странами расширяются удовлетворительными темпами. Советско-кипрский товарооборот увеличился за последние пять лет в полтора раза и достиг в 1982 году 49,1 миллиона рублей. Примерно 3,6 процента внешнеторгового оборота Кипра приходится на торговлю с СССР. Советский Союз является крупнейшим покупателем продукции виноградарства, что имеет жизненно важное значение для широких слоев нашего крестьянства.

С помощью Советского Союза мы построили первую очередь завода по производству серной кислоты мощностью 180 тысяч тонн в год. В июне 1983 года в Москве подписано соглашение между Аэрофлотом и компанией «Бритиш Петролеум Сайпрус лимитед» о сооружении в Ларнаке топливно-заправочного комплекса Аэрофлота. Его строительство завершено.

Советский Союз оказывает помощь в подготовке национальных кадров специалистов для разных отраслей народного хозяйства Кипра. В СССР обучаются около 300 наших юношей и девушек.

Активный характер носят советско-кипрские культурные связи, работа обществ дружбы.

Успешно развиваются связи между нашими странами и по линии православной церкви.

КОРРЕСПОНДЕНТ: А что вы можете сказать о политическом сотрудничестве наших стран!

Ф. КЛИРИДИС: Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить глубокую признательность народа и правительства Республики Кипр правительству и народу Советского Союза за ту твердую и неизменную поддержку и помощь, которую они оказывают кипрскому государству в ООН, в том числе в Совете Безопасности.

Республика Кипр, расположенная на стыке трех континентов, веками была жертвой иностранных стратегических притязаний, подрывного вмешательства. А в последние годы враги единства и целостности Кипра осуществили преступное вторжение, оккупацию, содействовали предательскому перевороту.

Тем, что Кипр существует как государство, мы обязаны в большой степени поддержке, оказываемой вашей страной в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН. В нынешний критический для нашей страны период, вызванный раскольническим шагом лидера турецкой общины Денкташа, мы надеемся на продолжение бескорыстной поддержки и солидарности Советского правительства.

Мы особенно благодарны за прямое осуждение провозглашения Денкташем псевдогосударства, что направлено на раздел Кипра. Мы признательны за твердую и постоянную солидарность Советского правительства и народа с борьбой кипрского народа за мирное, справедливое и перспективное решение, основанное на соглашениях на высшем уровне и резолюциях ООН.

Советский Союз поддержал резолюцию № 541 Совета Безопасности ООН, которая обеспечивает защиту нашей государственности. Данная резолюция, подкрепленная инициативой генерального секретаря ООН, должна осуществляться незамедлительно, без дальнейшей отсрочки.

Хочу добавить, что считаю очень удачным и символическим совпадение, что Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам подписан в день, когда весь народ Кипра участвует в «Марше любви», посвященном памяти архиепископа Макариоса — первого президента Кипра, основоположника нашей политики непризнания, мирного сосуществования, разоружения, обеспечения независимости и суверенитета стран — членов ООН...

Международное движение солидарности и поддержки справедливой борьбы нашего народа всегда находит понимание в Советском Союзе. Он активный защитник независимости Кипра и своей бескорыстной и безоговорочной поддержкой не допускает и не до-

пустит превращения нашего острова в стратегический объект иностранных притязаний.

Всем нам хотелось бы, чтобы в 1984 году восторжествовало справедливое дело нашего народа, чтобы было найдено справедливое и эффективное решение, восстановлен мир на острове и благополучие обеих общин.

Должен также подчеркнуть, что в целом позиции Кипра, СССР и других социалистических стран совпадают или очень близки по вопросам разрядки и разоружения, по Ближнему Востоку, Средиземноморью, общеевропейскому процессу. Кипр, в частности, приветствует продолжение духа Хельсинки в международной политике.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Господин министр, буквально несколько слов о вашем пребывании в нашей стране. Вы впервые в Москве!

Ф. КЛИРИДИС: Нет, во второй раз. Впервые я был вашим гостем в 1962 году и ознакомился с достопримечательностями вашей столицы и ряда других городов довольно обстоятельно. Нынешний мой визит очень краток, а программа его насыщена деловыми встречами и переговорами.

И все же для меня выкроили время на поездку в Загорск, в Троице-Сергиевскую лавру. В Большом театре я слушал оперу «Война и мир»... Был на концерте мастеров танца Советского Узбекистана.

Но главным образом, повторяю, я встречался с юристами, что имеет для меня огромное познавательное значение. Я многое узнал, многому научился в Москве, что позволит по-новому взглянуть и на многие аспекты моей работы на родине.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вы впервые выступаете на страницах журнала «Человек и закон». Что вы могли бы сказать его восьми с половиной миллионам подписчиков!

Ф. КЛИРИДИС: Вашим читателям и всем юристам Советского Союза я желаю успехов в работе, счастья в жизни и мира на земле.

В последнем отношении мы, юристы, особенно единодушны. Само юридическое мышление предполагает неукоснительное соблюдение конституций государств и всего национального законодательства, подлинное уважение к нормам международного права, всегда направленным на поддержание мира и безопасности народов, на сохранение суверенитета и территориальной целостности государств.

Нет и не может быть юристов, которые признавали бы «закон» силы, «право» на вмешательство в жизнь народов и посягательство на независимость государств.

Пусть же право, справедливость, закон, а шире говоря — человеческий разум будут сильнее всяких авантур и происков против всеобщего мира и безопасности.

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

К 65-летию первых коммунистических субботников

Дорогая редакция! В двухтомнике «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров» увидел снимок — Владимир Ильич Ленин работает на субботнике во дворе Кремля. Как же нам всем повезло, что в тот исторический день оказался неподалеку корреспондент, что сохранилась эта замечательная фотография... Смотришь и думаешь: сколько лет уже прошло! Великий почин прочно вошел в нашу жизнь. Каждый год мы выходим на коммунистический субботник и ударной, безвозмездной работой отмечаем наш рабочий праздник. Дорогая редакция! Очень прошу рассказать подробнее об участии Владимира Ильича Ленина в субботнике в Кремле и о том, как начинались коммунистические субботники.

И. ГОРЯЕВ, рабочий

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Начать эти заметки хочется с 12 апреля 1959 года. Страна отмечала сорокалетие первого коммунистического субботника. В музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» пришла группа ветеранов труда, лучшие люди депо Москва-Сортировочная.

«С глубоким волнением посетили мы кабинет и квартиру вождя и организатора нашей партии — Владимира Ильича Ленина. Мы счастливы, что именно Ленин заметил ростки нового, коммунистического отношения к труду, которые проявились в нашем депо 40 лет назад — 12 апреля 1919 года, на первом коммунистическом субботнике, названном Владимиром Ильичем Великим почином.

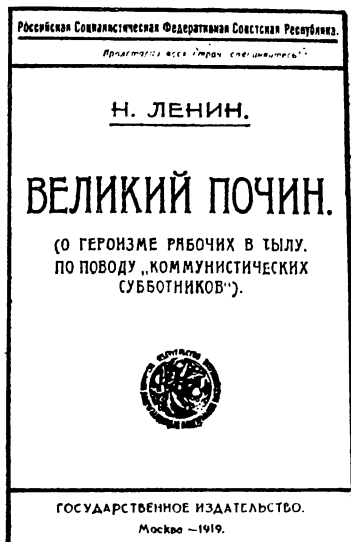
Будем всегда верны делу Ленина и делами своими будем претворять в жизнь его заветы. Коллектив тепловозоремонтного цеха коммунистического труда и рабочие депо Москва-Сортировочная М.-Ряз. ж. д. Лебедев, Павлов, Казарин и другие».

Такова запись, которую оставили они в нашем музее, в Кремле.

Часто экскурсанты говорят: «Кажется, что время остановилось, и Ленин по-прежнему работает, только вышел на минутку...» Здесь действительно все хранит память о Владимире Ильиче, и ничто не изменилось в кабинете за 62 года. Да, за этим столом, освещенным точно такой же 16-свечовой настольной лампой, писал он свою знаменитую работу «Очередные задачи Советской власти». Это было вскоре после переезда Советского правительства в Кремль. Здесь родились бессмертные строки: «Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена».

Фронт нуждался в оружии, боеприпасах, продовольствии... Шел 1919 год.

12 апреля вечерние выпуски столичных газет сообщили об интереснейшем, доселе невиданном событии: рабочие станции депо Моск-

СТОЙ ТОВАРИЩ!

Ты знаешь что завтра в воскресенье 28 ноября с 8 часов утра будет Субботник!

Наши дети в школах забнут за отсутствием дров.

Их ожидают последствия — Т И Ф!

Если ты дорожишь чтоб наше молодое поколение было твердой опорой наших завоеваний

иди на субботник!

И этим самым проявишь заботу о них.

Ваша помощь не будет забыта нами!

Все на субботник, на вывозку дров!

Сборный пункт у здания Исполкома в 8 часов утра.

Штаб Тройки Субботников.

Бюро Юношеского Коммунистического Союза

На снимках: титульный лист первого издания работы В. И. Ленина «Великий почин»; листовка 1920 г., призывающая на коммунистический субботник.

Материалы предоставлены дирекцией Музея «Великого почина» (депо Москва-Сортировочная).

ва-Сортировочная Рязанской железной дороги работали весь день в субботу безвозмездно, намного перевыполнив обычную норму.

Зародилось замечательное движение — коммунистические субботники и воскресники.

Примеру рабочих станции Москва-Сортировочная последовали рабочие других предприятий.

10 мая 1919 года первый массовый субботник провели рабочие Московско-Казанской железной дороги, а через неделю, 17 мая, субботник состоялся на Александровской железной дороге.

О том, как работали железнодорожники во время субботника, «Правда» сообщила своим читателям.

Эту публикацию Владимир Ильич дословно приводит в статье «Великий почин». Он подчеркивает: «Коммунистические субботники не только ценны как фактическое начало коммунизма».

Коммунистические субботники неоднократно проводились и на территории Кремля. В декабре 1919 года, когда в Москве были очень серьезные трудности с топливом, В. И. Ленин вместе с Ф. Э. Дзержинским, М. И. Калининым и И. И. Скворцовым-Степановым работал в Кремле на пилке и переноске дров.

1 мая 1920 года по всей стране был объявлен коммунистический субботник-маевка. В то весеннее, щедро залитое солнцем утро 425 тысяч жителей столицы приняли самое активное участие в коллективном празднике труда. Жители Кремля, сотрудники Совнаркома по призыву партийной ячейки приступили к работе вместе со всеми москвичами. Убирали территорию Драгунского плаца. На субботник вместе со всеми пришли В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский. Владимир Ильич работал наряду со всеми. В паре с комиссаром пулеметных курсов И. И. Бо-

рисовым он переносил длинные бревна. Владимира Ильича просили не переутомляться, но он неизменно отвечал: «Я тоже житель Кремля, меня это тоже касается...» Товарищи, бывшие в этот день с Лениным, вспоминали: «Работал он замечательно, выбирая работу потяжелее, ходил быстро, и мы обгоняли другие пары.»

Присутствие Ленина вдохновляло всех работающих, поднимало общее настроение. «Он не только умел воодушевлять своим примером, но своей жизнерадостностью вселял в нас веселое настроение — и работа кипела», — читаем в воспоминаниях бывшего кремлевского курсанта, участника гражданской и Великой Отечественной войн С. В. Алексеева.

Четыре часа проработал Владимир Ильич на Первомайском субботнике. К нему подошел управляющий делами В. Д. Бонч-Бруевич и о чем-то ему напомнил.

Ленин, прежде чем уйти, сказал своему напарнику, что больше работать не сможет, потом разыскал И. И. Борисова, сообщил ему, что вынужден покинуть субботник, и только тогда ушел.

Уже в 14 часов он звонил из кабинета секретарю МК РКП(б) А. Ф. Мясникову и просил его проехать вместе с ним вечером в районы Москвы для участия в Первомайских митингах. После обеда, в третьем часу дня, Владимир Ильич направляется на автомобиле на площадь Свердлова, к месту закладки памятника К. Марксу. Ленин выступает на митинге с краткой речью. Затем Владимир Ильич специальным металлическим карандашом подписывает закладную доску, закапывает ее и кладет в фундамент тринадцать первых кирпичей.

Около 15 часов машина Ленина въезжает на Пречистенскую набережную. Ветеран партии, участник первой русской революции 1905 года, а тогда секретарь Петроградского комитета партии П. С. Заславский вспоминал: «После субботника мы собрались на набережной Москвы-реки на митинг, посвященный закладке памятника Освобожденному труду. Часа в три сюда пришел Владимир Ильич.

— С пролетарским праздником Первого мая, товарищи! — поздравил он нас и всем, кто стоял поблизости, сердечно пожал руки.

На трибуну поднимается Ленин. Могучий взрыв оваций, и... тишина — говорит Ленин:

«Товарищи! На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника освобожденному труду. Капиталисты называли труд свободным, когда крестьяне и рабочие были принуждены продавать им свой труд и в результате были свободны умирать с голоду. Мы называем такой труд наемным рабством. Мы знаем, что нелегко как следует организовать свободный труд и работать в условиях переживаемого тяжелого времени. Сегодняшний субботник является первым шагом на этом пути, но, так идя далее, мы создадим действительно свободный труд».

Последние слова Ильича утонули в буре оваций...

Автомобиль Ленина направляется дальше — в Пресненский район, затем в Большой Харитоньевский переулок, к Рабочему дому, затем в Замоскворецкий район. И всюду — выступления, беседы с рабочими.

Последний раз в этот день Владимир Ильич выступает на открытии Рабочего дворца им. В. М. Загорского, по приглашению рабочих Благуше-Лефортовского района. Это был день, когда в каж-

дом выступления Ленин говорил о Великом покое, о новом выдающемся повороте в отношении к труду, к социалистическому строительству.

А 2 мая 1920 года однодневная газета «Первомайский Субботник» напечатала только что написанную статью В. И. Ленина «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке».

Страстно, убедительно, исторически точно звучат слова Ленина: «Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда!»

Сегодня в «Кабинет» и квартиру В. И. Ленина в Кремле приходят лучшие посланцы рабочего класса — члены известных всей стране бригад коммунистического труда. Вот их слова: «Великий покой стал нормой жизни и труда миллионов советских людей. Бескорыстно отдавая свой труд во имя блага Родины, мы помним о том, что в новом отношении к труду воплощаются мечты Ленина... Мы, члены бригад коммунистического труда, будем стремиться быть похожими на Ильича, будем жить и работать по-коммунистически, по-ленински.

Участники совещаний бригад и ударников коммунистического труда Урала, Сибири, Башкирии, Липецкой, Воронежской и Амурской областей».

Можно привести и немало других, подобных этим, взволнованных строк...

«Красная суббота» — весенний праздник труда, одна из самых замечательных, бережно хранимых традиций советского народа. Трудовые коллективы добиваются в этот день наивысшей производительности труда, выпускают продукцию на сэкономленном сырье, материалах, электроэнергии.

Работать по-ударному, по-коммунистически — патристический долг каждого советского человека. Сегодня партия концентрирует внимание трудящихся на решении задач, выдвинутых XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК нашей партии. И при этом огромное значение приобретает борьба за дальнейшее укрепление дисциплины — плановой, трудовой, договорной, технологической, финансовой...

«Мы не должны забывать, — говорил В. И. Ленин, — что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых».

Воля миллионов советских трудящихся, их пожелания, предложения воплощены в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда». И в этой связи с целью совершенствования законодательства об укреплении трудовой дисциплины внесены изменения и дополнения в некоторые законодательные акты СССР о труде.

Дисциплина в нашем обществе, обществе зрелого социализма, создается демократическими методами, самими трудящимися. Коммунистическая партия, Советское государство, выполняя заветы Ильича, держат твердый курс на дальнейшее развертывание социалистической демократии. Именно так воспринял советский народ Закон СССР о трудовых коллективах, открывший новые возможно-

сти для повышения производственной и социальной активности каждого труженика, для упрочения коллективной ответственности перед обществом, дальнейшего развития подлинного социалистического самоуправления. Сегодня, когда на всех предприятиях развернулось всенародное движение за выполнение задачи, выдвинутой декабрьским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС,— повысить производительность труда не менее чем на 1 процент и снизить себестоимость продукции дополнительно на 0,5-процента,— трудящиеся добиваются того, чтобы неукоснительно исполнялась каждая статья Закона СССР о трудовых коллективах.

И опять вспоминаются ленинские слова: «...издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни».

Л. КУНЕЦКАЯ, К. МАШТАКОВА;
старшие научные сотрудники музея
«Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»,
заслуженные работники культуры РСФСР

ОБЗОР ПИСЕМ

Секреты семейного счастья

Ольга В. из Новосибирска написала письмо в редакцию. Написала, желая получить совет по поводу своей дальнейшей жизни. Ольге 26 лет. У нее двое детей от разных мужей. В прошлом — два брака по расчету. «В первый раз вышла замуж за калеку, рассчитывая, что будет сильнее «любить», второй — за пьяницу в надежде, что тот образумится». А сейчас опять встретился Ольге человек, за которого можно выйти замуж. И опять не по любви...

«Любви к нему не ощущаю, — пишет она, — но потянулась всей душой. Не знаю, как быть. Вдруг снова осечка? Говорят, стерпится — слюбится...»

Письмо Ольги В., опубликованное в № 9 нашего журнала за 1983 год, взволновало многих. В редакцию пошли письма со всех концов страны от людей разного возраста, разного общественного положения. Прямо советовать, как поступить, решились не многие. Ольге рассказывают о своей жизни, размышляя вместе с ней, стараясь понять ее и себя, оценить прожитое, помогают строить планы на будущее.

В некоторых письмах, особенно если их авторы — молодые женщины, отчетливо звучит разочарование в семейной жизни, стремление понять, почему, поначалу радостная и лучезарная, она постепенно обростала тяжким грузом обид и взаимного непонимания.

«С мужем жили дружно, понимали друг друга, уважали, — вспоминает Ольга В., — и всюду были вместе. С рождением ребенка все переменялось... Я очень хотела стать матерью. А он считал, что еще рано детьми обзаводиться. Не послушалась я его, родила сына, и мы сразу резко отошли друг от друга... Он решил, что сыном должна заниматься мать, я же считаю, что эти заботы должны быть общими».

Но вот что думает об этом Е. Привалов из города Борисова Белорусской ССР: «Вы пишете, Оля, что муж и жена в семье все должны делать наравне. Но ведь каждый человек что-то делает с охотой, а что-то ему неприятно. Умная жена считается с этим и, стараясь не вызывать лишних конфликтов, избегает приказного тона: сделай то, сделай это... А хороший муж не позволяет жене делать тяжелую работу».

В семейных отношениях,— записано в статье 3 Кодекса о браке и семье РСФСР,— женщина и мужчина имеют равные личные и имущественные права. Однако в семье должно быть естественное разделение труда, учитывающее не только возрастные, физические особенности супругов, но также их желания. Здесь не должно быть места «принудилровке», и, вероятно, стоит поступиться капризным приказом «сделай» ради покоя и мира. Стоит ли спорить, когда речь идет о мелочах? Надо ли супругам обращаться, например, к закону, чтобы решить вопрос... кому мыть за собой тарелку? Не так уж трудно научиться уступать взаимно, если действительно хочешь иметь семью.

И еще во многих других письмах читатели напоминают Ольге, что семейная жизнь — это еще и будни, непрерывный труд, забота... Тем более после рождения нового человека, когда, собственно, и начинается семья. Наступает сложное время, и надо быть морально к нему готовым. Не только матери, но и отцу тоже. Здесь должна проявиться чисто женская мудрость. Следует проявить терпение и такт по отношению к отцу ребенка.

Конечно, желание стать матерью — естественное стремление каждой женщины. Но можно ли игнорировать мнение отца? Стоило, может, повременить и не испытывать прочность отношений, терпеливо и спокойно убедить мужа, что рождение ребенка сделает брак счастливее?

А что вышло в семье Ольги В.? «Муж стал злоупотреблять спиртным, а я озлобилась». Она убеждена в том, что виноват только муж.

Так ли все просто?

Вот что пишет о рождении отцовского чувства гениальный писатель, великий знаток человеческой души Лев Николаевич Толстой в романе «Анна Каренина».

Акушерка Елизавета Пегровна поднесла Левину его новорожденного сына.

«Прекрасный ребенок!» — сказала Елизавета Петровна.

Левин с огорчением вздохнул. Этот прекрасный ребенок внушал ему только чувство гадливости и жалости. Это было совсем не то чувство, которого он ожидал. И далее: «Ничего веселого и радостного не было в этом чувстве. Напротив, это был новый мучительный страх. Это было сознание новой области уязвимости».

И только спустя несколько месяцев, когда ребенок подрос и уже стал узнавать своих, Левин понял, что любит его.

Каждому чувству нужно созреть, а для этого нужно время. И если далеко не каждая женщина сразу становится любящей матерью, то можно ли требовать полной самоотдачи от мужчины, да еще если этот мужчина достаточно молод и стал отцом, не достигнув и двадцати лет, как сплошь и рядом это случается? А в результате частые ссоры и разводы, от которых обязательно страдают дети.

«Ты в первую очередь думаешь не о детях, а о себе,— пишет Екатерина Черняк из Кировограда,— ты боишься за себя, боишься остаться одной в свои 26 лет, а каково будет детям? Ты задумалась об этом?»

Многие читатели считают, что Ольга В.— человек эгоистичный, что она, судя по письму, легкомысленна в своих поступках и суждениях. «У нас с отцом,— писала Ольга,— были нелады, хоть я у них единственный ребенок. Не видела отцовской ласки, лишь постоянные окрики, ругань. Всю жизнь он был всем и всеми недово-

лен. Вот мне и захотелось поскорее уйти из дома». О матери она не упоминает вообще, как будто ее и нет, хотя, судя по фразе «я у них», она существует, жива, имеет лицо, характер.

Можно предположить, что неуважительный тон, который явственно звучит в словах Ольги о родителях, неумение дорожить родной семьей сыграли немалую роль и в ее собственных семейных горестях. Ведь там, где есть уважение к отцу, к матери, привычка к нормальным семейным отношениям, там вырастает человек, способный уважать и беречь других людей. Лишь в этом случае имеются предпосылки к тому, что и собственная жизнь сложится счастливо.

«Понимаешь, Оля, встречаются в жизни два совершенно разных человека,— рассуждает Галя Ш. из Ленинграда:— Сколько надо терпения и времени, чтобы эти люди друг друга поняли. Как надо любить и уважать, чтобы пройти через трудное первое время, через неизбежные неурядицы. Нужно доверять друг другу. Сейчас с мужем у нас все это уже позади, а сколько было ссор и непонимания. Сейчас мы самые счастливые, как будто только что встретились. И растет у нас дочка — ей уже два года».

Ольга В. вспоминает о своем муже: «...Даже на работе мы старались выкроить минуту, чтобы встретиться,— ведь работали на одном заводе, в одном цехе... Люди удивлялись — что я хорошего нашла в этом человеке? Удивлялись и завидовали».

Это удивительно, но во многих письмах читаешь: «Мы жили хорошо и счастливо, и соседи нам завидовали». А дальше — рассказ о том, как и почему семья распалась. Неужели это так важно, чтобы соседи завидовали? Откуда это непонятное стремление выставить свое чувство напоказ, на всеобщее обозрение и зависть?

Разве супружеская жизнь, любовь мужчины и женщины не есть святая святых? И когда встречаешь в письмах снова и снова «мы жили хорошо, и соседи нам завидовали», то начинаешь невольно сомневаться, а не было ли ошибки в самом начале, не было ли замужество вызвано стремлением кого-то поразить, кому-то что-то доказать, а вовсе не желанием найти себе достойного спутника и пройти с ним рука об руку всю жизнь?

Грустно читать такие письма. Не видят их авторы, что важен для них странный, а по сути своей ложный стандарт престижного семейного счастья! Счастливая семья, считают они,— это семья, где имеются... За этим может следовать перечень предметов обихода, начиная с автомобиля и кончая пресловутой дубленкой. Счастливая семья — это если родители не пожалели на свадьбу столько-то рублей и было столько-то гостей, никак не меньше, чем у соседей. А то чему же «завидовать»?

Такие представления чужды советской морали. И если для кого-то стали так важны ценные, «на зависть», подарки и крупные суммы денег, истраченные для того, чтобы «семейная лодка» двинулась в плавание, то не говорит ли это о бедности духовной? И нужно ли удивляться, что потом, когда начинается испытание буднями, выдерживают их не все такие семьи?

Ольга В. пишет, что она не знает нужды. Что ее отношение к людям свободно от материального расчета, а беспокоит ее только то, что дети вырастут, разлетятся, а она останется одна; вот почему хочет выйти замуж в третий раз. А как же судьба первого мужа? Второго? Это, судя по всему, ее интересует меньше. Вот что пишут Ольге В. из Горловки Донецкой области:

«Как вы можете, Ольга, называть своего первого мужа калекой?! Ведь калека уже в силу своей болезни или врожденного физического недостатка остро чувствует. Ему же больно... А разве он виноват? Это жестоко и непорядочно».

Трогательное письмо написала ей Валентина Н. из Мончегорска: «Я вышла замуж второй раз в 26 лет с ребенком. А сейчас мой муж тяжело болен, и врачи сказали, что нет ни малейшей надежды. Я уже год за ним хожу, как за больным ребенком. С ним в палате лежат другие мужчины, и мне больно смотреть, как придут их жены на двадцать минут, поставят на тумбочку передачу — отметились, а больного надо перевернуть, поднять, помыть, приласкать. Жены уходят, а мужчины эти отворачиваются к стенке и плачут, как дети. В жизни все может случиться, и вот мой совет: не любите человека — не калечьте ему жизнь».

Да, бывают в нашей жизни трудные, порой трагические ситуации, когда семейная жизнь сродни подвигу. Задумывалась ли над чем-либо подобным Ольга В.? Непохоже... Ведь и второй брак, судя по ее словам, был «тоже по расчету». Выходя замуж за пьяницу, надеялась, что рождение ребенка заставит его бросить пить. Не знала, не подумала о том, как опасно иметь ребенка от человека, страдающего алкоголизмом. Сегодня ее дочь еще очень мала. Будем надеяться на лучшее, но ведь ни один врач еще не сможет сказать, будет ли она здорова психически, не станет ли отставать в учебе... А виной тому неумный житейский расчет: рожу ребенка — бросит пить.

26 лет. Разбитая жизнь. И двое детей, растущих без отца. А всего этого могло и не быть, если бы Ольга дала себе труд думать о последствиях своих поступков. «Думать, думать и думать, — как пишет одна из наших читательниц, — думать и отвечать перед собственной совестью».

Так как же быть Ольге? Выходить ли ей замуж в третий раз по расчету, или нет? Но, вероятно, неправильна сама постановка вопроса, если исходить из того, что счастливым может быть только брак по любви «с первого взгляда». А как же заочные знакомства по картотеке или по письму? Ведь существуют даже клубы знакомств, получающие сегодня все большее распространение. Сколько одиноких людей находят друг друга с их помощью!

Согласитесь, что не стоит исключать участие разума в выборе супруга. Можно ли пускаться в брачное плавание, имея за душой только немотивированный взрыв симпатий, чистые эмоции? Хотим мы или не хотим в этом признаваться, но каждый из нас, выбирая спутника жизни, мысленно прикидывает свои и его возможности. Не так уж плохо перед тем, как вступить в брак, рассудить, устраивают ли нас особенности характера, профессия, интересы и даже, если хотите, семейные традиции будущего супруга. Почему любовь должна совершенно исключать разумный подход в выборе супруга?

И еще об одной стороне супружеских отношений, которая имеет немаловажное значение для того, чтобы создалась счастливая семья.

«Я ждала своего парня два года из армии, — пишет Екатерина Л. из Ростовской области. — Два года и шесть писем в неделю, добрых и нежных. Когда он пришел из армии, мы поженились. Жили мы дружно, все было хорошо, полное взаимопонимание. Но он считал, что я слишком стеснительна в интимной жизни. И вот встретил другую женщину — смелую и попроще. У нас к тому времени

родился ребенок. Было все — и слезы, и уговоры, и мольбы... Но ему нужна была та женщина. Я терпела. И год и два... У нас было уже двое детей. Он одумался, бросил ее, хотя и не так легко. Росли мальчишки. Жили мы без скандалов и ссор. Но в конце концов он все-таки ушел. Не к той, что в первый раз. Теперь уже к другой. Как он теперь живет? Пьет. Женщины: день к одной, потом к другой. Так и не сложилась жизнь».

Область интимных отношений в семейной жизни — одна из самых деликатных и сложных. Сейчас в крупных городах созданы консультации по вопросам семьи и брака, где можно получить квалифицированный совет психолога, врача-сексолога. Такая консультация практически нужна каждой семье, но почему-то не многие решаются к ней прибегнуть, предпочитая набираться опыта у знакомых, подруг... А сколько бед и недоразумений можно было избежать! Обратись Екатерина Л. вовремя к медикам (а такие врачи сейчас есть повсеместно), ее семья могла, быть может, сохраниться. И так, Ольга В., ее письмо, ее судьба взволновали многих наших читателей, потому что «здоровье» семьи, ее прочность важны для всех, и в первую очередь для детей.

Ребенок, его воспитание, ответственность за его рождение — это вопросы, которые волнуют наших читателей.

Валентина С. из города Уфы пишет: «У меня есть сын, и я не вправе выходить замуж опростчиво». Н. Карагод из Барнаула с гордостью рассказывает о том, что его сын, когда приехал на побывку домой, сказал матери: «Я, мама, как на крыльях летел. Так соскучился по вас с папой, по дому...» «Вечером он все рассказывал и рассказывал нам и все не мог остановиться, — пишет Карагод. — Это и есть настоящее счастье, Оля, когда видишь лицо сына, который с радостью возвращается в родительский дом».

Так что же мы коллективно посоветуем Ольге В.? Как ей поступить, выходить ли ей замуж в третий раз? По расчету... Или ждать, когда придет к ней наконец настоящая любовь?

Наверное, нужно согласиться с мнением большинства наших читателей, что решать Ольга В. должна сама. Разумеется, она может выйти замуж и в третий раз. Имеет право... По закону. Но закон (статья 53 Кодекса о браке и семье) напоминает ей еще и о том, что «защита прав и интересов несовершеннолетних детей лежит на их родителях». Можно только посоветовать ей не спешить, подумать хорошо. В ее сегодняшнем положении еще одна ошибка в выборе спутника жизни обойдется слишком дорого. И ей и ее детям...

Виктория КУДРИНА

КОМАНДИРОВКА ПО ТРЕВОЖНОМУ ПИСЬМУ

Люди на болоте

«Дорогая редакция! Обратиться к вам меня заставило вот что. Наш колхоз уже который год подряд не может обеспечить себя хорошими кормами. А причина в том, что иные наши колхозники работают из рук вон плохо. И что самое обидное — те же люди неделями торгуют дикорастущими ягодами на рынках Орши, Смоленска, Минска, Москвы, Донецка. Многие, что называется, прямо бросились в лес за черникой, голубикой, брусникой, клюквой. Они как будто забыли, что состоят членами колхоза, имеют приусадебные участки по 0,4 гектара, пользуются всеми сельхозугодьями. Совсем потеряли совесть: годами бездельничают, обманывают государство, наш народ...»

Это строки из письма, пришедшего недавно в редакцию из деревни Славное. По всему чувствовалось — тут мнение сознательного, за справедливость и порядок болеющего душой человека. И чем больше я разбиралась в ситуации, тем больше убеждалась — так думают там многие.

Еще в Витебске знающие люди уверяли, что факты подтвердятся, много, дескать, наслышаны о злополучной клюкве и «людях на болоте». Так что стоит ли забираться в глубинку?! Но, как говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Скажу сразу — неделю я провела в Толочине и Славном¹, но с ягодниками-«чемпионами» так и не познакомилась. Избы некоторых из них встречали замками: продавцы не вернулись еще из города. А чтобы у них не появилось конкурентов по прилавку, родственники тщательно скрывали их маршрут, называя Смоленск, Минск, а то и Москву.

Все упомянутые в письме ягодники (а их набралось больше десятка!) характеризуются автором как «тунеядцы и закоренелые спекулянты, пользующиеся снисхождением местных властей». Прямо надо сказать, обвинение против односельчан серьезное. А может, «переборщил» автор письма? Ведь, в конце концов, сбор и продажа лесных ягод на колхозных рынках — дело незапрещенное. Напротив, сборщики этих богатых витаминами дикоросов приносят немалую пользу, доставляя ягоды как можно ближе к потребителю — прямо на городской базар. Выгода тут двойная: богаче, питательнее становится рацион людей, да и собиратели-продавцы получают весомую прибавку к своему семейному бюджету. Упускать такую возможность было бы не по-хозяйски, раз уж так повезло здешним жителям с дарами природы. А им действительно повезло...

Славное — известное на Витебщине местечко. Нынче округа с таким названием включает территорию четырех колхозов. Под одной крышей с сельсоветом правление колхоза «Красное знамя». Отсюда до райцентра около тридцати километров, до шоссе Москва — Минск — меньше десяти. Зато деревни по местным понятиям рядом: до самой дальней верст десять не наберется.

* Эти город и деревня упоминались в письме.

По какому поводу ни вспомнишь Славное, собеседник тут же уточнит: «Как же, знаю, там еще клюквенные болота есть». Деревни Авхуты, Зяблица, Горожены и Залазье — по ту сторону центральной усадьбы, отрезаны от большака болотами, бездорожьем. Но в ягодную пору здесьлюдно, и на устах у всех одно: «Клюква, клюква». Страда, жаркое время. В негласном соревновании между добравшимися сюда горожанами и местными, конечно, побеждают последние. Пока городские приспособятся, с какой стороны удобнее ведро поставить, те уже наполнят ягодой корзину. В Славном набирают клюквы килограммов по триста, а продают стаканом. Безусловно, нравственным это беззащитное стремление к наживе не назовешь. Но не менее важно и другое.

Никто, конечно, не против использования даров богатой природы — этого нашего всенародного достояния и богатства. Есть также право у всех. Однако есть при этом у граждан и обязанности перед обществом — моральные и юридические. И главная из них — добросовестный труд не только на свое, но и непременно на общее благо. Здесь же эту обязанность соблюдают отнюдь не все колхозники.

В колхозе «Красное знамя» установлен минимум отработки — 260 рабочих дней в году для женщин и 280 — для мужчин. А вот выполняет этот минимум, как мне пришлось убедиться, далеко не каждый. Многим «мешает» клюква.

По моей просьбе бухгалтерия колхоза проверила, сколько было выходов на работу в 1983 году у тех десяти человек, чьи имена названы в письме.

И вот какая получилась картина. У Валентины Кондратовой: в мае — 3 выхода, в июне, июле, августе — ни одного. У Марии Лагушкиной: в мае — 14, в июне — 8, в июле — ни одного, в августе — 1, в сентябре — 30. У Анны Козик: в мае и июне — по 16, в июле — 5, в сентябре — 30. У Лилии Жуковской за десять месяцев — всего 28 выходов на работу. У Елены Кувки единственный активный месяц, как, впрочем, у всех без исключения, — сентябрь.

Разгадка проста. Все лето, пока «шла ягода», женские руки без устали заготавливали землянику, чернику, голубику, малину, бруснику, клюкву, то есть трудились на личный кошелек. В августе они косили сено для личных коров и телят. Сентябрь и октябрь пришлось на уборку льна. Дело прибыльное — ежедневный заработок составил 20—30 рублей.

Председатель колхоза «Красное знамя» Петр Иванович Курносоев рассказывал, что правлению эта возмутительная картина, конечно же, известна. Оно даже обратилось за помощью в исполком Славновского сельского Совета — ведь список прогульщиков составил 16 человек!

Председатель исполкома сельсовета Анатолий Васильевич Дроздов наметил меры борьбы с пьяницами, тунеядцами всех колхозов округи. Кое-что было сделано. Устроили на работу двух молодых женщин, которые, словно кукушки, подбросили своим трудоспособным матерям малолетних детей и, не имея определенных занятий, порхали в поисках развлечений. Не удалось спрятаться за спину матери молодому человеку, судимому за угон автомашины, приставившемуся к выпивкам. Определили парня в передвижную механизированную колонну, где коллектив держит его под контролем, — жалоб пока нет. Сорокапятилетний Козловский осужден на два года за паразитический образ жизни. Кстати, за полтора года в списке

тунеядцев остался лишь 30-летний Федорович, нуждающийся в лечении от алкоголизма.

Знакомлю Дроздова с письмом, жду, что скажет про ягодниц, которые на несколько месяцев в году отключаются от общественно полезного труда. Но Анатолий Васильевич ответом своим удивил и озадачил:

— Среди указанных в письме десяти человек в чистом виде тунеядцев нет. У Анны Козик муж — сторож, у остальных — хорошие механизаторы. У женщин на попечении дети или престарелые родители, хозяйство. Забота о муже тоже времени требует.

— Но разве они не члены колхоза? — возражаю я. — Многих из них я уже видела. Им еще далеко до пятидесяти, румянец во всю щеку. Работать в колхозе им некогда, но вот обходиться без предоставленных колхозом льгот они никак не желают: охотно пользуются приусадебным участком, сенокосом, транспортом (лошадь для вспашки личных огородов тоже бесплатно дается колхозом), пастбищем. Так почему же потакать им?

— Но у многих из них еще и подсобные хозяйства, — уже слабее возражал председатель исполкома. — Мы это поощряем.

Итак, подсобное хозяйство — еще одна «причина», мешающая некоторым людям полноценно трудиться в колхозе. Что ж, дело это нужное, но...

Мы беседовали с этими женщинами. Тягостное осталось впечатление. Много говорили они о своих заслугах перед государством: одна сдала свинью, вторая припустила к зиме двух коров, весной «молоком зальет», третья возьмется откармливать бычков. Это удобно — в своем дворе, а главное — прибыльно. Вроде убедительно. Но стоило повернуть разговор на темы общественно полезного труда, тут же находились десятки оправданий, доводов, «уважительных» причин: увы, добросовестно выполнять трудовые обязанности членов колхоза они явно не хотели. Словно никогда не слышали о нашей Конституции, где записано, что каждый человек должен честно трудиться на общее благо.

Так неужели правление не в силах убедительно напомнить этим людям их обязанности перед колхозом? Неужели никто здесь не может твердо и прямо сказать — личное подсобное хозяйство вести можно и нужно, но не в ущерб интересам хозяйства коллективного, не за счет времени, которое должно быть отдано работе на колхозных полях и фермах? Пока, к сожалению, получается, что нет. Сегодня здесь уже мало кто помнит, что Софья Латушкина исключена из колхоза за невыработку минимума 1982 года. Что для нее моральное порицание? А мер экономического характера не приняли: участок остался прежний, корова, свиньи — во дворе. Рынок сбыта есть, клюква рядом.

Итак, для Софьи Латушкиной все осталось, как было: вместе с сестрой пойдут на болото и на рынок, барыш от продажи клюквы составит около полутора тысяч рублей. Вместе отправятся на уборку льна. Разве колхоз откажется от пары крепких рук?! Вот так вольготно живет исключенная из колхоза. Зато никто не придерется к ней: неделю или всю зиму проведет на рынках?

Другой пример. Сорокапятилетняя Феня Ивановна Халецкая в 1982 году умудрилась ни разу не выйти на колхозную работу! Ее пригласил прокурор района, потребовал письменное объяснение. Пришлось изворачиваться, уверять, будто здоровьем слаба, — физический труд не для нее. От волнения забыла добавить, что дома ее ждут две

коровы и пять свиней. Словом, выкрутилась. Но все же, видимо, внушение прокурора возымело действие: за десять месяцев 1983 года Феня Ивановна все же отработала 45 дней.

Встретились мы у нее дома. Высокая, крепко сбитая хозяйка во-зи-лась около печи.

— До обеда едва успеваю со скотиной обрядиться, варю для мужика, отстирываю спецовки, — без передыху говорит. — Четыреста рублей за лен получила. Какая же я тунеядка?! Дроздов не даст соврать: по осени я продала тонну молока, сдала государству корову, свинью, двух больших телят — это тонна мяса.

А. В. Дроздов присутствовал при нашей беседе и утвердительно кивнул.

На следующий день в моем присутствии Халецкая заключила договор о продаже государству продукции личного подсобного хозяйства. Она называла конкретные цифры: сдаст столько-то мяса и молока, тут же уточняла, сколько получит за это комбикормов. По всему было видно, дело в личном подсобном хозяйстве она вела с большим размахом. И не она одна.

...Совместное собрание членов колхоза «Красное знамя» и исполкома Славновского сельского Совета проходило бурно. Наши «героини» прифрантились, в отличие от тех, кто пришел в зал заседаний прямо с фермы или с поля. В сторонке сидели механизаторы. Из Толочина приехали заведующий отделом пропаганды райкома партии Михаил Федорович Завадский, начальник районного отдела внутренних дел Николай Александрович Акулов, прокурор района Эдвард Иосифович Пелудь. Давно здесь не говорили так прямо, резко, откровенно. Прорвало даже тех, кто молчал годами.

Пусть не сложится у читателя впечатление, что в Славном живут одни бездельники. Подавляющее большинство колхозников трудятся в полную силу. Судя по выступлениям и репликам с мест, лентяи и хитрованы здесь далеко не в чести, просто они пользуются слабнкой руководителей.

Деликатный Дроздов жалеет людей, пытается словом убедить, и, бывает, кое-кто злоупотребляет его добротой, нагнет, требует максимума льгот, не давая обществу ничего взамен. Председатель исполкома сельсовета хорошо понимает психологию человека, знает местные условия и производство — сам агроном и экономист с большим стажем. Возможно, впервые он признался собранию в своей мягкости: напрасно жалели некоторых, надо было применять закон, административные меры.

Вот именно, надо! Но ведь не применяли, а потому некоторые из здешних колхозников, как говорится, не мытьем, так катаньем диктуют руководству колхоза свою волю, свои условия, далеко не всегда совпадающие с интересами хозяйства. Например, что лучше и, главное, выгоднее делать: «На лен пойдем, а на покосе пусть горожане попотеют...» Четвертый год председательствует Петр Иванович Курносков и, возможно, впервые так серьезно задумался над существующим положением. Выступал он самокритично: «Три года мы либеральничали. Больше такого не допустим. Конкретно поговорим с каждым членом колхоза, выясним, почему не выполняют минимум, примем строгие меры. Поблажек больше не будет». Слушая его, хотелось сказать с места: «Давно бы так!»

Не случайно ведь разболтались эти люди. Даже такой, казалось бы, из ряда вон выходящий факт, как исключение из колхоза, не

предан широкой гласности. Ни одного из исключенных из колхоза не лишили приусадебного земельного участка.

И еще. Многие добрые начинания не доводятся до конца, а это подрывает авторитет руководителей, местной власти. Прошлым летом, например, районная газета опубликовала решение районного Совета о запрещении сбора клюквы до 15 сентября. Милиция выставила пикеты на бойких дорогах, штрафовала нарушителей. Попадались, как правило, неопытные горожане, которые не читают районную газету. А вот уже известные. «жители на болоте» в то время только посмеивались и, обходя пикеты, собирали ягоду впрок, на продажу. В итоге местные нарушители остались безнаказанными...

Поделилась этой мыслью с прокурором Тслочинского района Эдвардом Иосифовичем Пелудем, поинтересовалась, что делает прокуратура для наведения порядка.

— Конечно же, не сидим сложа руки, — прокомментировал он перечисленные мной факты. — Вместе с исполкомами сельсоветов, милицией и судом ведем работу с уклоняющимися от общественно полезного труда, выносим им официальные предостережения о недопустимости антиобщественного поведения. Но главный наш недостаток — слишком мало опираемся на трудовые коллективы, у которых теперь, после принятия закона о расширении их прав, стало больше возможностей не допускать случаев уклонения от выполнения гражданской обязанности трудиться в общественном хозяйстве. Все это в полной мере относится и к колхозу в Славном. И еще правление колхоза проявило неоправданный либерализм, — прокурор сделал ударение на этом слове, — никого из «клюквенников» не только не обсудили на сходе или общем собрании, но и не наказали в дисциплинарном порядке за множественные прогулы. Не ставился вопрос (хотя это предусмотрено уставом колхоза) об исключении злостных нарушителей с одновременным лишением льгот, предусмотренных для колхозников. А в этом виноваты и мы, надо поправлять положение....

Вот именно! Положение в Славном нужно поправлять срочно, пока вирус стяжательства и разлагающей вседозволенности не нанес хозяйству еще большего ущерба, а окружающим труженикам — нравственного оскорбления.

Клара ХРОМОВА,
наш спец. корр.

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Редакции отвечают

ПРОКУРАТУРА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. Жители Аяно-Майского района Хабаровского края написали в редакцию о том, что при строительстве Нельнанского детского комбината допускались случаи нарушения трудового законодательства.

Факты подтвердились. По представлению прокурора Аяно-Майского района начальник комбината коммунальных предприятий и благоустройства Аяно-Майского райисполкома Вершинин от занимаемой должности освобожден.

ИСПОЛКОМ ГОРЛОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. О невнимательном, бездушном отношении работников гостиницы «Родина» (г. Горловка) написала в редакцию Н. Фищенко из г. Изюма: администрация отказалась предоставить места на одну ночь ей и четырем детям. При проверке выяснилось, что в эту ночь гостиница располагала 90 свободными местами.

За проявленный бюрократизм, бездушное отношение к многодетной матери администратору гостиницы В. Бойко объявлен выговор.

УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИСПОЛКОМА СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. В редакцию обратилась А. Киселева из колхоза им. Энгельса Байкаловского района. Она писала о слабой трудовой дисциплине в коллективе молочнотоварной фермы, грубейших нарушениях технологии кормления и содержания животных, низкой продуктивности молочного животноводства и откорма молодняка крупного рогатого скота, невыполнении производственного плана 1983 года по основным показателям.

Заместитель начальника управления сельского хозяйства Свердловского облисполкома Р. Дубичев сообщил: письмо А. Киселевой проверено, обсуждено в трудовом коллективе. Факты подтвердились.

Заведующая фермой В. Остарнова от занимаемой должности освобождена. Заместитель главного бухгалтера Г. Орлова понижена в должности. Понесли наказание и другие лица, виновные в нарушении трудовой дисциплины. Общественным организациям и руководству предложено усилить воспитательную работу в коллективе.

ИСКАЖЕНИЕ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Слушание этих двух уголовных дел в Харьковском областном суде разделяло время, отличались они и по условиям, в которых были совершены преступления. Не знали друг друга преступники. Но тем не менее поразительно совпадали некоторые особенности их поведения.

...Заводы «КИП» и «Рембыттехника» раньше одинаково числились в городе среди благополучных. Они неизменно выполняли план, считалось, что возглавляли их опытные, авторитетные руководители. Однако к тому времени, когда заместитель директора завода «КИП» Хизов явился к прокурору, этим предприятием уже заинтересовались следователи.

Примерно так же начали складываться отношения с правоохранительными органами и у бытовиков. Правда, те виниться не спешили, но это не помешало соответствующим службам обнаружить в их деятельности вполне определенные нарушения.

А главное, совпадали приемы, какими пользовались на этих двух заводах.

Вызывает, скажем, главный бухгалтер «КИПа» Серафима Андреевна Цыба начальника одного из цехов и предлагает зависеть в ведомости остаток незавершенного производства.

— Извините, Серафима Андреевна, — возражает начальник цеха. — Но это же липа. Увольте, я умываю руки...

— А премии получаете без умывания рук? — Цыба раздраженно набрала номер телефона. — Константин Павлович, помогите, пожалуйста, разобраться с цехом.

— Что значит разобраться? — пожал плечами несговорчивый начальник первого цеха.

— Зайдите к директору.

Директор завода Савченко разговаривал гораздо выдержанней. Он объяснил, что интересы предприятия требуют некоторой корректировки производственных результатов. И завел речь о якобы изготовленных и сданных на склад изделиях.

— Я не совсем понимаю, Константин Павлович.

— Буду с вами откровенен. О положении с планом вы знаете. К концу года нам нужно отправить заказчику приборы. При всем желании это невыполнимая задача. Последствия известны — ни лавров, ни, главное, премий. Надо выходить из положения.

— Да, но каким образом?

А выход Савченко со своим заместителем Хизовым и главбухом Цыбой нашли такой. В декабре с двух заводов-поставщиков прибористы получили несколько партий комплектующих изделий. «КИП» их продукцию отгрузил тресту-заказчику как свою, вклю-

чив ее в выполнение плана реализации. Приписка составила 55 тысяч рублей!

Подумать только, до чего простым и коротким оказался путь к завершению календарного года. С того и пошло...

Приблизительно той же порой в кабинете директора завода «Рембыттехника» Николая Семеновича Кадыгробы проходила планерка руководителей цехов, объединявших множество разбросанных по городу мелких мастерских.

Скромно расположенная в каком-нибудь подвальном помещении, с гуттаперчевой куклой или пестрым зонтиком за витриной, такая мастерская тоже выполняла производственный план. Изготовление по заказам граждан модных жакетов и ремней из искусственной кожи, ремонт художественно оформленных светильников, склеивание старинных фарфоровых и хрустальных ваз... Короче, чтобы выполнить план, нужно было как следует поработать... Из всех цехов наивысших плановых показателей добивался четвертый, руководимый Павлом Даниловичем Гринером. На планерках он ставился в пример остальным, хотя все прекрасно знали, за счет чего Гринер «давал» заводу план...

Так вот, после планерки Гринер остался у директора. Кроме него, главный бухгалтер Михаил Ефимович Шкурпела и начальник планово-экономического отдела Николай Михайлович Герасименко.

Все эти четверо впоследствии сядут на скамью подсудимых. А пока их совместная деятельность сводилась к поиску солидной клиентуры. Причем отношения с такими клиентами приобретали сугубо доверительный характер.

— Что со Свердловском, Николай Михайлович? — открыл совещание в узком кругу директор.

— Обещают сделать, Николай Семенович, как договаривались.

— Какие могут быть обещания? Мы же не частная лавочка. Срочно телеграфируйте, звоните, но чтоб заказное письмо у меня лежало. Что с Донецком?

— Будет. С оформлением на детские сады...

— Не вижу пока документа, — недовольно прервал начальника планово-экономического отдела директор и обратился к Гринеру: — Как наше стекло, Павел Данилович?

О «стекле» речь впереди. Сначала нужно уяснить, из-за чего Кадыгроба выражал недовольство.

Директор «болел» за план. Он прекрасно знал, что, занимаясь ремонтом зонтов, статуэток и зажигалок, выполняя эпизодические заказы на пошив жакетов, автомобильных чехлов, надо как следует «покрутиться», чтобы выполнить задание. Необходимо и рекламу организовать, и оборудование обновлять, и людей учить... Вот и стал налаживать массовое производство крышек для консервирования, металлических эмалевых табличек, оконных карнизов... Но массовое их изготовление никак не вязалось с оказанием коммунально-бытовых услуг населению, больше того, шло в ущерб этому важнейшему делу, а за это, как понимали руководители завода, «по головке не погладят». Тогда-то руководство «Рембыттехники» и начало подыскивать оптовых заказчиков, сговорчиво соглашавшихся указывать в письмах-заказах назначение выполняемых услуг и производимых изделий, которое устраивает завод.

Так, только Свердловская база материально-технического снабжения приобрела оконных карнизов на сорок с лишним тысяч рублей якобы для нужд рабочих общежитий. Управление «Шахтерскантрацит» — на девять тысяч, будто бы для пионерских лагерей, детских садов. То есть создавалась видимость выполнения плана бытового обслуживания населения, а значит, сознательно искажалась государственная отчетность.

Постыдный, преступный опыт создания видимости благополучного завершения календарного года ничему не научил руководителей «КИП». В очередном году выполнение плана там снова было под угрозой. И угрозу эту стали упреждать так. В план реализации готовой продукции, например, включалась ее предварительная оплата заказчиком, без отгрузки ему. Оформлялись фиктивные сохранные расписки и акты о наличии изделий. Иначе говоря, проводились бестоварные операции с возвратом заказчикам денег в последующие месяцы. Или поступавшая для нужд завода продукция сбывалась другим предприятиям без предусмотренной доработки, комплектации.

Естественно, в цехах, на складах, погрузочных площадках об этом не могли не знать люди. Они пытались противостоять махинаторам. Один из работников пришел к директору возмущенный: главбух заставляла его вписывать в наряды операцию (распайку жгутов), которую не делали.

— Константин Павлович, ведь ящики с приборами как поступили от поставщика, так и не распаковывались.

— Вы лично видели, что они не распаковывались?

— Я знаю, что приборы какими прибыли к нам, такими же от нас и пошли к заказчику. Ничего на заводе мы с ними не делали...

Вот тогда Савченко повысил голос — в приемной было слышно. И работник ничтоже сумняшеся подчинился заведомо преступному распоряжению: вернулся в бухгалтерию, взял у Серафимы Андреевны чистые бланки нарядов, выслушал наставление о том, чтобы вымышленная операция копейка в копейку сходилась с оплатой работ, и... переписал начисто. Цыба сверила написанное и на его глазах порвала подлинные наряды.

Так произошло искажение — не только отчетного документа о никогда не выполнявшейся работе — искажалось отношение людей к труду. В ход шли подлоги, разного рода фальсификации. И все ради «выполнения» плана.

Заместитель директора первым захочет отмежеваться от соучастников и явится в прокуратуру, но такой «ход» уже никого не обманет. Ведь следователи установили, что это он во время отпуска Савченко провел бестоварную операцию на сумму свыше 100 тысяч рублей! И это он, Хизов, цинично объяснял подчиненным, что такие партнеры помогают заводу «вытягивать» план.

Позже Хизов, несмотря на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, будет категорически отрицать собственную причастность к преступному сговору, будет ссылаться на свое сообщение в прокуратуру о выявленных им приписках.

На скамье подсудимых они — все трое — будут уличать и винить в случившемся друг друга. И лишь в одном сохранят единодушие: никто — ни Савченко, ни Хизов, ни Цыба — не признавал себя виновным.

Той же тактики придерживались спустя некоторое время в том

же зале областного суда бывшие руководители завода «Рембыттехника».

— Виновным себя не признаю,— заявил директор Кадыгроба.

Следом это повторил главный бухгалтер Шкурпела, начальник планово-экономического отдела Герасименко и начальник цеха Гринер. Каждый утверждал, что никаких хищений не совершал. И лишь факты, свидетельские показания воочию покажут всю несостоятельность доводов подсудимых.

Суд, вскрывая одно служебное нарушение за другим, доказывал, что на «Рембыттехнике» бытовое обслуживание населения **подменяли** массовым производством продукции по заказам предприятий, снабженческих баз и только за счет этого «выполняли» план, получали незаконные премии.

Подобно руководителям завода «КИП» на «Рембыттехнике» стремились во что бы то ни стало сохранить за собой репутацию если уж не передовиков, то, во всяком случае, выполняющих государственные задания. Когда «сошло с рук» массовое производство (под видом бытовых услуг) эмалированных табличек, металлических оградок, оконных карнизов, они решили развернуться еще шире.

В перечне бытовых услуг в четвертом цехе значилось и изготовление по заказам граждан стеклянных изделий «под хрусталь». Харьковчане и не подозревали о таких возможностях неприметных мастерских, а потому и не заказывали такую посуду.

И этим неведением воспользовались дельцы из «Рембыттехники». Они-то знали, что такой товар пользуется спросом. Знали и наладили производство «хрустальных» стаканов, салатниц. Нашли заинтересованных потребителей в торговой сети, и работа закипела.

Кажется, что ж тут предосудительного? Выпускают пользующуюся спросом продукцию, по государственным ценам продают. Покупатель приобретал нужный ему товар, и в конце концов так ли уж важно, получал ли он за свои деньги салатницу, сделанную по личному заказу или выбранную в магазине? Это верно. Но дело в том, что «подхрустальная посуда» тоже изготовлялась по плану... бытовых услуг. За это «Рембыттехнику» хвалили, ставили в пример другим предприятиям, наконец, материально вознаграждали. Из 49 тысяч рублей ущерба, нанесенного незаконной выплатой премий на «Рембыттехнике», более 42 тысяч «числятся» за четвертым цехом, который специализировался на изготовлении этой посуды.

Да, здесь так же, как и на «КИП», происходило нравственное разложение подчиненных. По заведенному порядку на «Рембыттехнике» использовались фиктивные квитанции с указанием несуществующих заказчиков.

Как-то работница, выписывавшая такие бумажки, обратилась к начальнику цеха:

— Павел Данилович, на кого теперь заполнять квитанции?

— Ну, золотце, ты же не ребенок. Мало ли фамилий на белом свете?

— Но адреса, Павел Данилович? Я напишу улицу, а может, там и дома такого нет.

— Кто будет проверять, золотце... Возьми вот телефонную книгу, там сотни адресов...

Однако все проверили! Указанные в квитанциях адреса и фа-

мили. Сверили другие записи, опросили множество свидетелей. Проверка, например, обнаружила лишь двадцать (из многих тысяч!) подлинных заказов на изделия из стекла...

Следствие по делу о приписках и хищении на заводе «Рембыттехника», как и на «КИПе», показало, что и там и здесь виновные пытались обелить себя, говорили о служебных оплошностях, недоразумениях, изъявляли готовность вернуть полученные премиальные деньги, кое-кто успел сдать их в кассу. Но доказательства преступных действий были неопровержимы.

И адреса, взятые из телефонной книги, и регистрация выпуска продукции задним числом — все это ухватки жуликов. Как же получилось, что такое амплуа привлекло руководителей предприятий? Почему эти нечистоплотные махинации сходили им с рук?

Предварительное следствие по обоим уголовным делам, а потом и судебное разбирательство установили поверхностность, формальность проводившихся на обоих заводах ревизий. Стало очевидно, что моральный климат в коллективах нездоровый, воспитательная работа запущена. Как ни обидно, а приходится признать: никто из посвященных исполнителей не решился открыто выступить против нарушителей закона.

В таких вот условиях и стали возможны приписки, которые переросли в хищения государственных средств в особо крупных размерах. На заводе «КИП» было выплачено в виде незаконных премий 43 тысячи, на «Рембыттехнике» — 49 тысяч рублей!

Искажая государственную статистическую отчетность, преступники не только стремились сохранить, так сказать, собственное реноме деловых руководителей. Приписки стали для них своеобразной отмычкой к государственному денежному сейфу. Жульничая с отчетами, они, кроме довольно высокой зарплаты, еще оплачивали «свои» заслуги премиями. Так суд обнажил и их корыстный интерес. И как ни отрицали это преступники на суде, утаить им правды не удалось. Именно стяжательство привело их к припискам, этому опасному преступлению, которым хозяйству страны преднамеренно наносился экономический ущерб, нарушалось плановое производство. Расплата преступникам по обоим уголовным делам тоже последовала почти одинаковая: лишение свободы на длительные сроки (от 6 лет до 12), конфискация личного имущества...

Теперь, когда приговоры вступили в законную силу, можно задаться вопросом: что же привело осужденных к такому итогу? Конечно, пренебрежение законом, нормами нашей морали. И еще: элементарная хозяйственная несостоятельность директоров и их окружения. Из материалов судебных дел явствует, что на этих предприятиях не управляли производственным процессом, а барахтались в бесхозяйственности и махинациях, то и дело пускаясь подтасовывать показатели выполнения планов. Дорого обошлись государству их некомпетентность, беспринципность. Но вряд ли поддается оценке урон, нанесенный искажением нравственных основ нашей жизни.

В. ФРАНЮК

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ХОДИТЬ?

Об ответственности пешеходов за нарушение Правил дорожного движения

Умеете ли вы ходить? Вопрос далеко не праздный. Ведь речь идет не просто об умении передвигаться на ногах, а об умении ходить по улицам, дорогам, тротуарам. Вся серьезность этого вопроса становится очевидной, когда узнаешь, что многие тысячи людей, пренебрегая установленными правилами, погибают, получают тяжелые увечья на дорогах. Это вызывает беспокойство многих наших читателей.

«Объясните, пожалуйста, как наказывается пешеход, нарушивший правила уличного движения? — спрашивает читательница Л. А. Бернатович из г. Гродно. — Хотелось бы прочитать об этом на страницах вашего журнала». И таких писем приходит немало. Откликаясь на просьбы читателей, мы публикуем беседу нашего специального корреспондента В. Стрелкова с заместителем начальника Главного управления Государственной автомобильной инспекции МВД СССР Р. С. ДИАНКИНЫМ.

— Более полувека назад известные советские писатели-сатирики И. Ильф и Е. Петров бросили крылатую фразу: «Пешеходов надо любить». С этого, Рудольф Семенович, наверное, мы и начнем нашу беседу. Потому что любовь между пешеходами и водителями должна быть взаимной. А это порождает и определенные правоотношения, то есть права и обязанности каждой стороны. Но поскольку о водителях, их правах и обязанностях наш журнал рассказывал неоднократно, сегодняшний разговор будет идти главным образом о пешеходах...

— Да, тема эта немаловажная. Ведь пешеходы — такие же активные участники дорожного движения, как и водители. И те и другие находятся на дороге. А дорога — понятие емкое, в не-

го входит не только любая используемая для движения часть дороги, но и улицы, переулки, проезды, площади и многое другое, включая тротуары, обочины и разделительные полосы. Дорогой в этом смысле называется даже пустырь, через который проезжает транспорт, и двор многоквартирного жилого дома, в который заезжают автомобили. Словом, дорога — это все места, которые используются для движения. И, соответственно, на все эти места распространяется действие основного закона дороги — Правил дорожного движения (а не уличного, как ошибочно пишет читательница Бернатович!), которые должны соблюдать не только водители, но и пешеходы.

Правила дорожного движения устанавливают, что пешеход — это любое лицо, находящееся вне транспортного средства на дороге и не выполняющее на ней работу. Пешеходами также считаются лица, которые передвигаются в инвалидных колясках без двигателя, ведут в руках велосипед, везут санки, тележку или детскую коляску.

— Но если пешеходы — такие же активные участники движения, как и водители, то вряд ли можно говорить, что они равноправные участники. Хотя бы потому, что последствия дорожно-транспортных происшествий для пешеходов намного тяжелее, чем для людей, защищенных стальными кабинами и кузовами. Столкновение с автомобилем чревато тяжелыми последствиями для незащищенного пешехода.

— ...Но в то же время нельзя видеть в пешеходе этакую «беззащитную овечку», безобидную жертву автомобилизации. У тех же И. Ильфа и Е. Петрова есть такая мысль: «В нашей обширной стране обыкновенный автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания брательного снаряда». На самом же деле во многих случаях виноват пешеход. Посмотрите, как ведут себя некоторые люди на улице. Одни перебегают дорогу там, где нет пешеходного перехода, другие идут поперек движения транспорта, не обращая внимания на запрещающий красный свет светофора, третьи с протянутой рукой выскакивают на проезжую часть, пытаясь остановить такси... Во всех этих случаях внезапные появления людей перед быстро едущими автомобилями создают аварийную обстановку, водители резко тормозят, происходят столкновения с другими машинами. Бывает, что, пытаясь спасти жизнь пешехода-нарушителя, водитель рискует своей жизнью. За примерами далеко ходить не надо. Так, на Цветном бульваре в Москве водитель автомобиля «Жигули» вынужден был направить свою машину на чугунную изгородь, чтобы не сбить перебежавшего дорогу пешехода. В Киеве водитель резко затормозил, увидев выбежавшего из-за грузовика пешехода, — и его автомобиль врезался в автобус с пассажирами.

Как видите, «беззащитный» пешеход далеко не так безобиден, как это представляется. Вот почему мы обязаны говорить о взаимном строжайшем выполнении Правил дорожного движения — как водителями, так и пешеходами.

— Здесь, очевидно, надо снять определенный психологический барьер во «взаимоотношениях» между водителями и пешеходами, показать пешеходам всю их ответственность за поведе-

ние в дорожном движении, убедить, что они не только рискуют собой, но из-за них могут пострадать и другие. Заметнее всего это проявляется, когда вчерашний пешеход получает водительские права и садится за руль. Мне пришлось разговаривать с несколькими такими людьми. «Когда я не водил машину, — рассказывал один из них, — мне ничего не стоило перейти улицу в непопозволенном месте, перебежать дорогу перед едущим автомобилем. И на пешеходных переходах никогда не дожидался зеленого света. Мне казалось, что я всегда успею проскочить, что машина меня никогда не заденет. Но вот когда я впервые сел за руль сам, то тут же пришел в ужас. В первые же минуты я возненавидел всех пешеходов. Мне казалось, что они стараются попасть под колеса именно моего «Москвича», что все они просто какие-то самоубийцы. А потом я вспомнил, что только еще вчера сам был таким же пешеходом...» Мне кажется, эти слова наиболее точно выражают впечатления пешехода, оказавшегося в роли водителя.

— И мне тоже много раз приходилось слышать такие же откровения. И вот что важно: при анализе происшествий оказывается, что пешеходы, имеющие водительские права, реже, чем другие, попадают в дорожно-транспортные происшествия. И не только потому, что они побывали в роли водителей и посмотрели на свое поведение как бы со стороны. А еще и потому, что, готовясь стать водителями, они основательно изучают Правила дорожного движения, им прививается чувство ответственности, строгой дисциплины. И, как правило, все эти качества большинству из них сопутствуют всю жизнь. Так, пешеход, имеющий водительские права, вряд ли станет перебежать улицу перед идущим транспортом, не пойдет на красный свет светофора.

Другая сторона дела — понятие неотвратимости наказания за свой проступок. Водитель знает, что нарушение Правил дорожного движения неминуемо приведет к наказанию: штрафу, лишению права управлять транспортным средством и так далее. Но относится это не только к водителям.

Справедливости ради нужно сказать, что в нашей стране есть города, где и пешеходы отличаются повышенным чувством ответственности за соблюдение Правил дорожного движения. Например, в Минске вы редко увидите, чтобы кто-то переходил улицу при красном свете светофора, если даже улица свободна от транспорта.

— При этом пешеходы находятся в намного более выгодном положении, чем водители, потому что объем знаний Правил дорожного движения им требуется намного меньший, и не так уж сложно знать все необходимые требования. Водителю надо помнить более 230 пунктов Правил, около 200 дорожных знаков и обозначений дорожной разметки. А общие обязанности пешеходов и пассажиров состоят всего из десяти пунктов, да еще необходимо помнить несколько дорожных знаков и специальных для пешехода разметок. И все же было бы неплохо, чтобы вы рассказывали подробнее о правилах для пешеходов.

— Вы верно заметили: обязанности пешеходов несложны. И запомнить их нетрудно. Прежде всего главное правило: пешеходы должны ходить по тротуарам или пешеходным дорожкам.

Это — специально предназначенные для них участки дороги, на которые заезжать транспорту запрещено, и поэтому здесь гарантирована безопасность людей. Если же тротуаров или пешеходных дорожек нет, то разрешается идти по обочине или же по велосипедной дорожке, конечно, если это не затрудняет движение велосипедистов.

Может случиться и так: отсутствует пешеходная дорожка, нет обочины или велосипедной дорожки, либо движение по ним невозможно. В таких случаях разрешается идти по краю проезжей части в один ряд, а на дорогах с разделительной полосой — по внешнему краю. При этом надо учесть и такое важное правило: за пределами населенных пунктов пешеходы должны идти навстречу движению транспортных средств. Это установлено для того, чтобы человек мог видеть идущий навстречу транспорт и вовремя уступить ему дорогу. Желательно в вечернее или ночное время идти с фонариком в руке. Водители в таких случаях заметят пешехода и примут меры предосторожности.

А вот люди, передвигающиеся в инвалидных колясках без двигателя, ведущие в руках мотоцикл или велосипед, в таких случаях должны следовать по ходу движения транспортных средств. Это понятно: коляски, мотоциклы и велосипеды оборудованы световозвращателями. И заметны водителям транспорта издали.

Наверное, нелишне еще раз напомнить незыблемые правила для пешеходов при переходе улицы. Знают их очень многие, тем не менее почему-то пренебрегают ими или считают, что писаны они не для всех. Так, если человеку потребовалось перейти дорогу, то идти он должен по подземному переходу, пешеходному мостику, либо же в местах, обозначенных разметкой типа «зебра» или знаками «пешеходный переход». На тех же участках дорог, где обозначенных пешеходных переходов нет, переходить дорогу разрешается на перекрестках по линии тротуаров или обочин, а между ними — под прямым углом в местах, где дорога хорошо просматривается. Обратите внимание: я говорю о переходе дороги, а не только о переходе улицы.

Во время перехода через дорогу пешеходы должны быть внимательны, не должны задерживаться или останавливаться без необходимости. В случае же приближения транспортного средства, которое подает специальные звуковые либо проблесковые световые сигналы красного или синего цвета, а в ряде случаев и те и другие, пешеходы должны немедленно освободить проезжую часть или, если находятся на тротуарах, воздержаться от перехода. Ожидать автобус, троллейбус, трамвай, такси разрешено лишь на посадочных площадках, если же их нет — на тротуаре или обочине. И уж ни в коем случае нельзя выскакивать на дорогу, пытаясь остановить проезжающую машину, скажем, такси.

Как видите, правила эти несложны и вполне доступны для того, чтобы помнил их каждый.

— Очевидно, что именно поэтому Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 года «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения» особое внимание уделил ответственности пешеходов. Поскольку Указ этот введен в действие с 1 сентября 1983 года и в нем содержатся принципиально новые положения, расскажите, пожалуйста, Ру-

дольф Семенович, о тех статьях, которые непосредственно касаются пешеходов.

— Статья 10 Указа устанавливает, что пешеходы, велосипедисты, возчики и другие лица, пользующиеся дорогами, за неподчинение сигналам регулирования дорожного движения, за несоблюдение требований дорожных знаков или разметки проезжей части дорог подвергаются предупреждению или штрафу в размере трех рублей. Обратите внимание: не до трех рублей, а именно — трех. А вот если в результате такого нарушения произошло повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества, то указанные выше лица подвергаются штрафу в размере от пяти до тридцати рублей. За иные нарушения правил дорожного движения пешеходы, велосипедисты, возчики и другие могут быть предупреждены или оштрафованы на один рубль. Административная ответственность за нарушение правил дорожного движения наступает с 16-летнего возраста.

— А каков порядок наложения административного взыскания и кто имеет право его применять?

— Если совершено нарушение, за которое установлен штраф в размере одного или трех рублей, и нарушитель не оспаривает налагаемое на него административное взыскание, штраф может быть уплачен без составления протокола работнику милиции на месте совершения нарушения. Пешеходу-нарушителю выдается квитанция установленного образца. В иных случаях протокол об этом составляется работником милиции, а в его отсутствие — уполномоченным на то народным дружинником.

В Указе содержится и такое важное положение: в целях пресечения нарушения Правил дорожного движения работник милиции вправе подвергнуть лицо, совершившее правонарушение, административному задержанию на срок не более трех часов. Дела о нарушениях, предусмотренных статьей 10 Указа, рассматриваются должностными лицами Государственной автомобильной инспекции. В рассмотрении таких дел могут принимать участие представители трудовых коллективов и общественных организаций.

Надо отметить и такую особенность Указа: в нем большое внимание уделяется воспитательной роли общественности. Ведь для нас важно не столько наказать рублем нарушителя, сколько перевоспитать его, заставить уважать основной закон наших дорог. Вот почему лицо, совершившее нарушение правил дорожного движения, может быть освобождено от административной ответственности с передачей материалов на рассмотрение товарищеского суда, общественной организации или трудового коллектива, если с учетом характера совершенного правонарушения и личности нарушителя к нему целесообразно применить меру общественного воздействия. Разбор такого дела послужит наглядным примером и для других, будет хорошей профилактикой нарушений правил дорожного движения. Конечно, если общественные организации будут подходить к этому вопросу со всей ответственностью, а не отделяться формальными отписками.

— Однако, Рудольф Семенович, бывает и так, что в результате нарушения пешеходом Правил дорожного движения наступают

и тяжелые последствия: например, столкновение автомашин привело к существенному ущербу, получил увечье другой пешеход и так далее. Однажды мне пришлось присутствовать на суде, где пешехода приговорили к пяти годам лишения свободы за то, что из-за грубейшего нарушения им правил дорожного движения погиб ребенок. Думается, нашим читателям полезно узнать и об уголовной ответственности пешеходов.

— Да, знать это необходимо. И в Указе этот момент особо подчеркивается: административная ответственность наступает в том случае, если нарушения правил дорожного движения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с законодательством уголовной ответственности. К уголовной ответственности пешеход-нарушитель может быть привлечен по соответствующим статьям Уголовного кодекса и осужден к лишению свободы.

Кроме того, необходимо напомнить и о праве на возмещение ущерба в гражданском порядке. Потерпевший может предъявить в суд иск о взыскании с пешехода-нарушителя ущерба, который был причинен в результате нарушения правил дорожного движения. Виновный будет вынужден возместить потерпевшему причиненный вред. В случае же причинения увечья или иного повреждения здоровья ответственные за вред, согласно статье 459 Гражданского кодекса РСФСР и подобным статьям гражданских кодексов других союзных республик, обязаны возместить потерпевшему заработок, утраченный им вследствие потери трудоспособности или уменьшения ее, а также расходы, вызванные повреждением здоровья: усиленное питание, протезирование, посторонний уход и так далее.

В заключение хочу сказать, что в нашей стране делается очень много для того, чтобы максимально обезопасить движение на наших дорогах. Здесь и забота о наших маленьких гражданах, и большая воспитательная работа, которая проводится с ними в детских садах, школах, пионерских лагерях, и значительные средства, которые выделяются на строительство детских автодромов и игровых площадок, и многое другое. Здесь и широкая пропаганда правил дорожного движения среди взрослых, и создание самых безопасных условий для движения пешеходов: строительство подземных переходов, пешеходных мостиков, и так далее. Во многих городах сейчас создаются бестранспортные зоны, то есть такие, где движение транспорта либо совсем запрещено, либо в определенной мере ограничено. А в Каунасе, Паневежисе, Сухуми и многих других городах страны центральные улицы вообще закрыты для транспорта и полностью предоставлены только пешеходам. Еще раз повторяю: делается для безопасности пешеходов очень многое. И пешеходов мы любим, как того и желали И. Ильф и Е. Петров. Но, в свою очередь, надо, чтобы и пешеходы чтили и уважали, четко соблюдали Правила дорожного движения — основной закон наших дорог.

Как шабашник строил котельные

Разговор, начатый во втором номере журналистом Ю. Михайловым, продолжает юрист А. ВАКСЯН

НУ И НУ!

Бухгалтеру одного из колхозов Каменецкого района Молдавии — Клавдии Родионовне Стрельчук выдали путевку в дом отдыха, над которым шефствовало ее хозяйство. Замечу, осуществлялось это шефство весьма оригинальным способом: колхоз перестраивал в доме отдыха котельную.

Клавдия приехала в дом отдыха «Березка» в час пополудни. Было время обеда. Она заняла свое место в столовой. За столиком напротив оказался мужчина, сутуловатый, сажень в плечах. Заговорил с приятной хрипотцой:

— Человек живет, чтобы есть, или ест, чтобы жить? Никак не пойму. Особенно в этой столовой. Уж больно здесь борщ наварист.

Вскоре соседи разговорились, представились друг другу:

— Клава Стрельчук.

— Аркадий Чумичев.

— А вы не знакомы с неким Липкиным? — спросила Клавдия.

— Еще как знаком! Работаем тут вместе, котельную подрядились перестраивать. Он мой бригадир. А вы, Клавочка, откуда же его знаете?

— Да я как-никак главбух в колхозе, от которого вы деньги получаете. Каждый месяц в ведомости на зарплату: Липкин — триста, Чумичев — триста и так далее...

— Любопытно!

— Две недели назад перед моим отъездом прикатил в колхоз ваш бригадир, — продолжала рассказывать Стрельчук. — Он и путевку мне привез. А мы ему выдали три тысячи шестьсот рублей, копейка в копейку.

— Да что вы такое говорите, Клавочка? Я здесь четвертый месяц вкалываю по выходным дням. Ни разу больше ста пятидесяти в месяц не заработал. И то хорошо, я считаю.

— Неправду вы говорите! У меня память хорошая: меньше трехсот ни разу вам не выписывала. Все удивлялась, за что это вы такие деньги получаете?

— Ну и дела! — все больше изумлялся Аркадий, — сказка, да и только!

...Вот такой разговор вышел в столовой, а поздним вечером Чумичев был препровожден в отделение милиции за, как потом было

Некоторые фамилии изменены.

указано в протоколе, «...нанесение побоев в область лица и носа отдыхавшему на танцплощадке дома отдыха «Березка» гр. Липкину».

Чумичеву надо было что-то сказать в свое оправдание. Он это и сделал. Аркадия оштрафовали, а соответствующая информация вскоре поступила в ОБХСС.

Позже были дознание, следствие, суды первой и второй инстанций, приговор, частное и просто определение, со всеми атрибутами, предусмотренными уголовно-процессуальным кодексом.

«И ВСЕ ДЕЛА...»

Долгое время Липкин был лицом без определенных занятий и места жительства с незаконченным высшим образованием, разведенным, имеющим двух малолетних дочерей. Ранее он пребывал в качестве иждивенца престарелых, но весьма состоятельных родителей супруги и одновременно студента-заочника политехнического института. Еще раньше, совсем недолго, поработал техником-лаборантом одного из НИИ, а до того был просто школьником, родившимся в г. Виннице февраля 18 дня 1948 года.

В юности обожал Липкин помечтать.

— Кем же ты хочешь стать, Мишенька? — спрашивает его, десятиклассника, отец.

— А промокашкой!

— ???

— Ну, это тип такой. За спиной у начальника стоит. Тот бумажку, договор там или еще что собирается подписать. А он тут как тут. Пальчиком место покажет, ручку подаст, пресс-папье текст промокнет, и все дела, чем плохо?

— Ты это серьезно? — спрашивает отец. — Неужто думаешь, у того «типа» все обязанности — пресс-папье стучать?

— А то нет?..

Иной раз отрок подумает и вздохнет:

— Вот еще хорошая профессия есть — чучелом работать. Ну, на котором собаки тренируются нарушителей границы ловить. Стоит себе это чучело в ватнике, а пес этот ватник рвет. И никакого образования не надо — больше профессора чучело получает. Или еще натурщиком хорошо... дублером-каскадером.

Пописывал Липкин и стишки. Все больше лирико-романтические. А женился, как говорят, с умом: на дочери директора овощной базы. Тут обошлось без романтики. Поступил в институт. Дошел до четвертого курса заочного отделения, нигде не работая. И тут нагрянула беда: «погорел» тесть. Внеочередная ревизия вскрыла злоупотребления на базе, где он работал, и не смог больше тесть кормить-поить молодых. Зятюку делать нечего, пришлось устраиваться на работу — инженером по тепловым установкам. Такого напряжения Липкин перенести не мог: бросил работу, семью, а заодно и институт. «Восстановят, куда денутся», — размышлял он, направляясь с группой лиц, именовавших себя «свободные строители комфорта», возводить дачи. Работали, надо признать, дружно, в смекалке и деловитости отказать Липкину было нельзя. «Бригада» под его руководством за год возвела четыре дачи. Однако последнюю достроить не удалось...

«ТО СЕ, ПЯТОЕ-ДЕСЯТОЕ...»

Во время стротительства одной из дач Липкин познакомился с неким Торопковым, заместителем директора крупной транспортной организации. В ее подчинении был дом отдыха «Березка». Здесь, по словам Торопкова, требовалось переоборудовать котельную. Нужна была только организация, которая взяла бы на себя производство подрядных работ, а транспортники оказали бы ей помощь запчастями и еще кое-чем. Всю эту информацию Липкин наматал на ус. И стал ждать случая, когда представится возможность раскрыть свои деловые качества.

Случай вскоре представился. В одном из ресторанов он познакомился с председателем молдавского колхоза — Петром Евстигнеевичем Нагнибедой. В ходе беседы выяснилось, что колхозу до зарезу нужен микроавтобус, а Липкин как раз тот человек, который может помочь его раздобыть, как говорится, не отходя от столика. Одним словом, через сорок минут в ресторане появился Торопков.

— Двенадцатиместный «рафик» есть, — заявил он после первой же рюмки, — но старый, списывать пора.

— Нам бы хоть его, — просительно улыбнулся председатель.

— Что ж, пишите письмо: «В порядке оказания помощи... то се, пятое-десятое».

— А когда это можно сделать?

— Да, хоть... вчера. Но и у меня к вам небольшое пожелание. В доме отдыха «Березка» нужно переоборудовать с твердого на жидкое топливо котельную. Не взялись бы?

— Знаешь, милый, ежели бы, скажем, комбайн отремонтировать или свинарник собрать, это — с нашим удовольствием. А вот котельную — не знаю. Да и устав колхозный...

— Да вам и трудиться-то не придется, — перебил его Торопков, — товарищ Липкин — специалист по теплоустановкам. Бригада у него молодец к молодцу. Они нам свои услуги предлагают, а котельная нужна вот как. — Он провел ребром ладони по горлу: — Надо только, чтобы они, котельщики эти, действовали от какой-нибудь организации, да хоть от колхоза. Ну, теперь ясно? Берем бумагу, пишем: «Мы, нижеподписавшиеся, заключили... то се, пятое-десятое». Они строят, мы вам деньги перечисляем, вы им платите. Только и всего. У нас котельная, у нас автобус, да и прибыль, а ребята-орлы подзаработают малость.

— Надо бы с правлением посоветоваться. Сам я такие вопросы не решаю.

...Долго ли, коротко, но констатируем: «Мы, нижеподписавшиеся...» было начертано в четырех экземплярах, и бригада Липкина вскоре приступила к реконструкции котельной.

«ВНАЧАЛЕ БЫЛА СМЕТА...»

В обычном случае проектно-сметную документацию заказчик обязан передать подрядчику в пятнадцатидневный срок со дня утверждения плана строительства и за месяц до заключения договора. Проект договора, составленный на основе этой документации, подрядчик направляет заказчику. Тот в десятидневный срок со дня получения обязан все подписать и переправить обратно.

При наличии возражений заказчик составляет протокол разногласий и в тот же срок вместе с подписанным договором отправляет подрядчику. В пределах следующих десяти дней стороны должны урегулировать все спорные вопросы, а при недостижении соглашения в тот же срок передать спор в ведомство по подчиненности контрагентов или в арбитраж.

Липкинские «правила» о договорах подряда разительно отличаются от общепринятых.

В свое время на вопрос следователя, с чего все началось, Липкин ответил: «Вначале была смета». Добавим, создал смету Липкин, а Липкин, как нам известно, был сметлив: возможность одновременно выступать и от имени заказчика, и от имени подрядчика, и непосредственно вести работы на объекте сулила барыши.

Какие там планы, какие протоколы разногласий, проекты договоров, арбитражи. Зачем?

По сравнению с предполагаемым объемом работ смета была завышена в восемь раз. И смету и договор стороны подписали в один день — 14 декабря. Однако на каждом из этих документов красовалась другая дата — 31 августа. Это давало Липкину возможность сфабриковать липовые наряды на якобы выполненные в сентябре — декабре работы.

Никакого контроля, да и вообще интереса со стороны заказчика, подрядчика, банка, ни с какой другой стороны к делопроизводству по переоборудованию котельной не было проявлено. Липкин пообещал закончить все работы к 1 апреля и записал этот срок в договор. Транспортную организацию эта дата вполне устраивала, остальное же было не суть важно: средства на реконструкцию объектов жилищного, коммунального, культурно-бытового назначения были выделены немалые. Во всяком случае, они намного превышали полную сметную стоимость реконструируемого объекта — 52,5 тысячи рублей.

«РАЗЗУДИСЬ, ПЛЕЧО!..»

Через три недели после оформления сметы и договора в колхоз прибыл Липкин. В его «крокодиловой кожи» дипломате покоились четыре акта формы № 2 на приемку работ, в миру именуемые «процентовки». Из актов следовало, что с 1 сентября по 31 декабря бригада Липкина в составе 29 человек произвела землеройных, погрузо-разгрузочных, монтажных и других работ на 29,4 тысячи рублей. Для начала недурно! Особенно если учесть, что фактически до нового года на объекте ничего не делалось.

В договоре, «нарисованном» Липкиным, значилось, что заработная плата членам бригады выдается не через кассу колхоза, а путем передачи денег под отчет бригадиру. Так что, когда Липкин вылетал из Кишиневского аэропорта, его дипломат был значительно тяжелее.

Явившись на реконструируемый объект, наш герой составил расписку на получение денег... четырьмя членами бригады, включая себя самого. Каждый получил по сто пятьдесят рублей. Остальные несколько тысяч задержались в «крокодиловом» дипломате.

У Липкина правая рука зудела от неустанного подписывания ведомостей на зарплату. Заказчик и подрядчик приемку работ не производили ни разу, но ежемесячно подписывали акты, состав-

ляемые Липкиным. А чуть позже в колхозе он получал деньги, забирал с собой и платежную ведомость. С членов бригады получал расписку, а в ведомости ставил 29 подписей, в том числе 25 за несуществующих людей. В свое время, оформляя договор, он привез с собой десяток-другой паспортов, заявив: «Эти ребята будут у меня работать». Их фамилии и паспортные данные были включены в соглашение.

Как он добыл паспорта?..

Подходит к человеку у винного магазина.

— Браток, хочешь подзаработать?

— Ага!

— Ну, вот тебе аванс — червонец. Давай паспорт. Через неделю я тебе его привезу. Еще получишь! А работа не бей лежачего. Успей в ведомостях закорючку ставить.

Вернувшись из колхоза, раздавал паспорта:

— Не вышло, извини, друг. Малость повременить надо...

Три человека, а изредка и сам Липкин, работали в котельной. Это происходило обычно с пятницы по воскресенье. В материалах нехватки не было: некоторые «сэкономленные» в ходе реконструкции трубы, листовое железо и прочее Липкин «безвозмездно» отправлял в колхоз. Все это плюс списанный автобус да пара путевок создали ему здесь репутацию благодетеля, отца родного, «друга хозяйства» — так его здесь и окрестили.

Всему приходит конец. Котельная была сдана заказчику досрочно с оценкой «хорошо». А Липкин поставил себе «отлично». Еще бы! Уворованные 23 087 рублей 77 копеек оказались в его кармане. Остальные три человека вместе заработали втрое меньше своего бригадира, хотя трудились-то главным образом они.

Еще не завершив реконструкцию котельной в доме отдыха «Березка», Липкин «подписался» на подрядные работы по другому объекту. Тут тоже оказалась котельная, снабжавшая теплом дома в рабочем поселке неподалеку от дома отдыха. Роль заказчика взял на себя украинский колхоз «Коммунар», которому были крайне необходимы пять комплектов запчастей для грузовых автомашин ЗИЛ-130 и стройматериалы. Все шло по отработанной ранее схеме, но в гораздо больших размерах. За три месяца работы (до начала следствия) пройдоха «заработал» еще 38 384 рубля 77 копеек, а всего за переоборудование котельных — 61 472 рубля 54 копейки.

Такова уж анатомия преступления — общество, все мы теряем, а кто-то обогащается, один за счет всех. Но преступление, как известно, кончается не этим, а расплатой.

И ВОТ ПРИШЛА РАСПЛАТА...

Только в суде окончательно была определена степень вины Липкина в содеянном.

Сперва он пытался начисто отвергать все предъявленные ему обвинения. Смета якобы соответствовала фактически предполагаемому объему работ. Позже объем был уменьшен «за счет ряда технических усовершенствований, нововведений, экономии ресурсов, изменения технологии, рационализаторских предложений». Заработанные Липкиным деньги были якобы эквивалентны затраченному труду. Часть из них он истратил на приобретение материалов.

Заслушанные в суде заключения и показания экспертов — бухгалтера, строителя, технолога по котельным установкам, анализ ряда документов показали: все, что наговорил Липкин, чистойшей воды ложь. Ни о каком соблюдении единых норм и расценок при оформлении платежных ведомостей не могло быть и речи. Четыре человека физически не в состоянии были выполнить в установленный договором срок объем работ, предусмотренный сметой. По заключению инженерно-строительной экспертизы, для этого нужно было по крайней мере 30 человек.

Липкин рассчитывал на то, что при начислении и выплате заработной платы объем выполненных бригадой работ никем не учитывался, а это не даст возможности выявить переплату. Однако сопоставление актов приемки работ (форма № 2) с актами контрольного обмера, сделанного в присутствии и с участием Липкина, все же позволили выявить реальное завышение объемов работ.

В суде было установлено: за все время ни заказчики, ни подрядчики на стройплощадках ни разу не появлялись. Мудрено ли, что, скажем, в доме отдыха, произведя работы рутинного характера (о каких-либо усовершенствованиях и речи не было) на 6 с небольшим тысяч рублей, бригада под руководством Липкина закрыла наряды на 50 с лишним тысяч.

Вот выдержки из показаний в суде свидетелей, уже известных нам Нагнибеды, Стрельчук, Торопкова.

Нагнибеда (председатель колхоза): Хозяйство у нас богатое. Продаем государству зерно, фрукты, виноград, молоко, яйца, птицу, шерсть, еще кое-что. Всего на три с лишним миллиона рублей в год. Рабочий день у меня с шести утра... Кручусь как белка в колесе. Однако до всего руки не доходят. Только успели с кормами управиться, другие заботы одолели. Понадобился, к примеру, микроавтобус — доярок на ферму возить. Никто не дает. Однако до были, вы знаете как. Отремонтировали его и, не поверите, надон на девять процентов возросли, люди спасибо говорят.

То, что нашими трудностями проходимец воспользовался, моя вина. За большим малого не углядел. В прореху пройдоха этот и влез.

Вот еще беда — юриста у нас нет. Не всегда знаем, что можно, а что нельзя.

Этот суд для меня — хороший урок. Сейчас в РАПО организуется юридическое бюро. Правовое обслуживание нашего колхоза будет налажено. Теперь ни один договор без визы юриста заключать не будем. Надо надеяться, что и обеспечение материальными ресурсами колхоза, и не только нашего, будет налажено.

Стрельчук (главный бухгалтер колхоза): В декабре прошлого года у нас была ревизия. Проводило ее КРУ Министерства сельского хозяйства республики. И вот что случилось: выявили недостачу. На складе в описи значилось восемнадцать приборов под названием «Вердо». Ни одного нет. Что делать?.. Две недели мучились, искали. А потом... И смех и грех. Оказалось, пять лет назад учетчица, готовившая инвентаризационные карточки, описалась: вместо «Вердо» поставила «Вердо». Так и пошло из описи в опись. Кто-то потом дописал «Прибор...» Вот пока мы с этим «Вердо» мучились, мне этот договор и акты впридачу на подпись и подсунули. А я их и подмахнула не глядя. Не до того было. Нам, главное, что? Не было бы для колхоза убытков. Так их и не было, наоборот, небольшая, но прибыль. Теперь-то я вижу свою ошибку, но поздно.

Торопков (работник транспортной организации): Однажды вечером позвонил мне Липкин, с которым я накануне познакомился. Пригласил в ресторан. Встречает он меня в вестибюле: «Берусь котельную вам за квартал сварганить. Есть бригада — тридцать три богатыря и я за дядьку Черномора. И еще колхоз есть, который нас на прицеп может взять».

Котельная нам очень была нужна, и средства для ее переоборудования имелись. Почему же не согласиться? Все оформили как полагается. Рафик передали колхозу с разрешения министерства.

Судья: Скажите, свидетель, если бы вы для себя строили, ну, скажем, дачу, могли бы вы работу принимать, ни разу не побывав на стройке?

Торопков: Да, я виноват. Все собирался, собирался и никак... У нас в автохозяйстве полторы тысячи большегрузных автомашин. Закрутился... То одно, знаете, то другое. Вот этот «жук» и воспользовался нашими бедами и занятостью... Когда повестку в суд получил, поверьте, сердце перевернулось. Да если бы я только предположить мог, с кем мы дело имеем...

Думаю, комментировать эти слова нет необходимости.

В суде выступили и лица, значащиеся в платежных ведомостях бригады, но не получившие ни копейки. Из заключения эксперта-почерковеда можно было сделать вывод, что Липкин никому, кроме себя, не доверял право росписи в ведомостях на получение денег. Он расписывался и за подставных лиц и за членов бригады, а последние получали деньги прямо из его рук «под расписку».

Заказчики не скупились на стройматериалы. Ничего на стороне Липкину приобретать не приходилось, а вот отправлять дефицитные материалы на сторону — да! Все эти факты были установлены судом, и в конце концов подсудимый признал, что пытался ввести органы следствия и суд в заблуждение. Тут же последовала следующая версия «невиновности». Оказывается, во время одной из поездок в Молдавию и обратно у него похитили 16,5 тысячи рублей, и он пытался своими комбинациями лишь компенсировать потери. Но, во-первых, никаких доказательств происшедшего, включая заявления в милицию со стороны Липкина, не было. А, во-вторых, разве кража у вора как-то смягчает его вину или освобождает от ответственности?!

Когда судья спросил у Липкина, какие выводы он сделал для себя из судебного следствия, тот, потрогав переносицу, заявил: — Напрасно я бухгалтерше путевку в дом отдыха раздобыл.

Хищение в особо крупных размерах, должностной подлог, частно-предпринимательская деятельность — такова квалификация его гнусных деяний судом. 13 лет придется провести жулику в исправительно-трудовой колонии усиленного режима и возместить причиненный преступными действиями ущерб.

Должностные лица, которые «в связи с большой занятостью» фактически потворствовали проходимцу, строго наказаны в партийном и дисциплинарном порядке.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Еще 35 лет назад выдающийся советский лексиколог Сергей Иванович Ожегов в Словаре русского языка следующим образом определил понятие «шабашник»: тот, кто заключает частные сделки по высоким ценам на строительные, ремонтные и другие работы.

Изучение состава сотен самодеятельных артелей строителей показало, что здесь трудятся в основном люди без каких-либо определенных [постоянных или временных] занятий. Некоторые строительные артели формируются из лиц, находящихся в очередных отпусках, или тех, кто хочет и может трудиться в свободное время, в том числе в выходные дни. Часто это бывшие члены студенческих отрядов, решившие тряхнуть стариной, подзаработать, как говорится. Ничего дурного в этом, конечно, нет. В нашей стране успешно функционируют самые различные добровольные объединения граждан для совместной работы с участием в общих доходах и общей ответственностью: старательские, промысловые, охотничьи, рыболовецкие. Но, увы, только члены самодеятельных строительных бригад получили наименование «шабашники».

Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС постановлением от 24 мая 1978 года № 168/16-23 утвердили Типовой договор на работы, выполняемые колхозниками-отходниками и другими гражданами по строительству объектов в сельской местности. Большинство самодеятельных строительных бригад руководствуются в работе этим документом.

Август 1982 года автор провел в одном из колхозов Раменского района родной области, в числе 80 москвичей оказывая, как значилось в приказе по учреждению, «шефскую помощь колхозу в уборке картофеля». Бригада приезжих строителей возводила здесь свинарник. Без перекуров и выходных с семи утра и до восьми, а то и до десяти вечера семь молодых парней вкалывали, нет, пожалуй, это не то слово — работали не за страх, а за совесть. Однажды один из нас попытался отвлечь артельщиков от работы: предложил отметить День строителя. Не тут-то было. Поддался на соблазнительное предложение всего один. На следующий день на стройке трудились шестеро. Седьмой выяснял у нас, как добираться до автостанции. Он моментально получил полный расчет. Сухой закон, полная взаимозаменяемость, выполнение всех требований упомянутого выше Типового договора и как следствие — оправданно высокие заработки, да и реальная помощь хозяйствам-заказчикам отличают лучшие из этих артелей.

К сожалению, так бывает далеко не всегда. В последнее время, «подстраховываясь», некоторые из самодеятельных строительных бригад всеми правдами и неправдами все чаще пытаются «прикрепиться» к колхозам или совхозам, выступать как бы от их имени. Наглядный пример того, что из этого выходит, — дело Липкина.

Единые нормы и расценки, обязательные при оплате труда строителей, применяются порой как редкое исключение, а принцип: «За минимум дней — максимум рублей» — действует как неизбывное правило. Именно так и поступал наш «герой». Пользуясь безответственностью и занятостью некоторых лиц, он под видом производства строительно-монтажных работ откровенно воровал.

Вывод таков. Обеспечить точное и неукоснительное выполнение вольнонаемными бригадами типовых договоров можно только одним способом — неослабным контролем со стороны руководителей предприятий, организаций, колхозов, совхозов и, конечно же, органов Госбанка СССР и Стройбанка СССР за их трудовой деятельностью.

В заключение автору остается лишь сообщить: котельные, которые реконструировал Липкин, перестраиваются сейчас заново, «ввиду наличия серьезных дефектов конструктивного характера».

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

- *Закон на страже рабочего стажа*
- *Что считать преступлением?*
- *Приписки ради премии*
- *Приусадебный участок — нормы и правила*

ИНФОРМАЦИЯ... КОНСУЛЬТАЦИИ... ОТВЕТЫ...

В целях укрепления дисциплины труда

Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года № 745 «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» предусмотрен ряд новых положений, направленных на дальнейшее сокращение текучести кадров, более полное использование рабочего времени, борьбу с прогулами и другими явлениями, мешающими нормально трудиться. Многие читатели просят более подробно рассказать об отдельных положениях этого правового акта.

Так, москвич В. Стрельцов интересуется, на каких предприятиях можно применять правило, согласно которому рабочим и служащим, уволенным за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогулы без уважительной причины или появление на работе в нетрезвом состоянии, премии по новому месту работы в течение шести месяцев выплачиваются в половинном размере. И какие конкретно премии имеются в виду? Можно ли, например, такому работнику уменьшить наполовину премию за ввод объекта, который строился один год?

Согласно разъяснению Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 25 октября 1983 года № 8/22—31 «О некоторых вопросах, связанных с применением законодательства об укреплении трудовой дисциплины», правило об уменьшении размера премии по новому месту работы лицам, уволенным с предыдущего за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогулы без уважительной причины (включая отсутствие на работе более трех часов непрерывно или суммарно) или появление на работе в нетрезвом состоянии, распространяется на работников (рабочие, ИТР, служащие) предприятий, организаций, учреждений всех отраслей народного хозяйства, и на все виды премий, предусмотренных системой оплаты труда.

Данный порядок не распространяется на единовременные поощрения и вознаграждения, а также на премии, выплачиваемые за период свыше 6 месяцев. Поэтому если объект строился свыше 6 месяцев, то премия за его ввод не уменьшается. Выплата премий в половинном размере этим работникам производится и в тех случаях, когда в течение шести месяцев они меняют место работы по собственному желанию без уважительных причин.

Приведу пример. Человек уволен за прогул 15 февраля 1984 го-

да, а 25 февраля он поступил на другое предприятие, откуда через 3 месяца уволился по собственному желанию без уважительных причин.

При поступлении на другую работу премии ему будут выплачиваться в половинном размере еще в течение 3 месяцев.

Теперь допустим, что уволенный по вышеуказанным причинам приходит в организацию или на предприятие с коллективной (бригадной) формой организации и стимулирования труда. В этом случае премия уменьшается, исходя из ее размера, начисленного работнику, с учетом его реального вклада в общие результаты бригады. Невыплаченная часть премии распределению в данном периоде между остальными членами коллектива не подлежит и остается в том фонде, из которого она должна была выплачиваться.

Если работник в течение первых трех месяцев не допускает нарушения трудовой дисциплины и добросовестно относится к выполнению своих обязанностей, администрация по согласованию с профсоюзным комитетом и с учетом мнения коллектива может решить вопрос о выплате ему в дальнейшем премии в полном размере.

Читатель И. Дорофеев из Магнитогорска пишет: «После ухода на пенсию и небольшого перерыва я вновь поступил на работу, но уже как пенсионер. Спустя три года решил уволиться совсем, о чем предупредил администрацию и указал срок — через 5 дней. Мне сказали, что я должен отработать два месяца, поскольку в связи с уходом на пенсию один раз уже освобождался от работы, сейчас же могу уволиться только на общих основаниях, то есть после отработки определенного срока. Так ли это?»

В названном выше разъяснении Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС сказано, что в случаях, когда заявление об увольнении по собственному желанию вызвано уважительными причинами, исключаящими возможность продолжать работать (зачисление в учебное заведение, переезд в другую местность, переход на пенсию и др.), *«администрация расторгает трудовой договор в срок, о котором просит работник»*. Таким образом, на первый взгляд вызывает сомнение правомерность отказа администрации удовлетворить просьбу автора письма: уволить его через 5 дней после подачи заявления. Поэтому для точного ответа на поставленный в письме вопрос остановимся на увольнении по собственному желанию более подробно.

Как вы уже, очевидно, обратили внимание, в данной статье упоминалось понятие «увольнение по собственному желанию без уважительной причины». Казалось бы, какое значение имеет причина? Человек сам захотел уволиться, никто его к этому не принуждал. На деле же причины увольнения влекут за собой определенные правовые последствия. И в связи с этим закон предусматривает два вида причин увольнения по собственному желанию: уважительные и неуважительные. К уважительным относятся: перевод мужа или жены на работу в другую местность; направление супруга на работу либо для прохождения службы за границу; переезд к месту жительства супруга; болезни, препятствующие продолжению рабо-

ты или проживанию в данной местности (согласно медицинскому заключению, вынесенному в установленном порядке); необходимость ухода за больными членами семьи (при наличии медицинского заключения) или за инвалидами I группы.

Уважительной причиной признаются также переезд в другую местность в порядке организованного набора рабочих, сельскохозяйственного переселения, общественного призыва, а также в других случаях, когда в соответствии с решениями Правительства СССР администрация обязана беспрепятственно отпускать рабочих и служащих для работы на предприятиях и в организациях отдельных отраслей народного хозяйства. Если заявление об уходе по собственному желанию подают инвалиды, пенсионеры по старости, беременные женщины, а также матери, имеющие детей в возрасте до 8 лет, то это тоже увольнение по уважительной причине.

При расторжении трудового договора по уважительным причинам рабочие и служащие предупреждают об этом администрацию письменно за один месяц. В этих случаях непрерывный стаж работы сохраняется при условии, что перерыв в работе не превысил одного месяца, если законодательством не установлены более длительные сроки сохранения непрерывного трудового стажа.

Иное дело — увольнение по собственному желанию без уважительных причин.

Установлено, что при этом рабочие и служащие предупреждают администрацию письменно за два месяца. А их непрерывный трудовой стаж сохраняется, если перерыв в работе не превысит трех недель (21 календарного дня).

Срок предупреждения исчисляется со следующего дня после подачи заявления. Так, если заявление подано 15 мая, то течение срока начинается с 16 мая и заканчивается 15 июня при месячном сроке предупреждения и 15 июля — при двухмесячном сроке предупреждения.

Вместе с тем по договоренности между работником и администрацией трудовой договор может быть расторгнут и до истечения срока предупреждения об увольнении.

Конечно, в жизни могут быть и такие случаи, когда заявление об увольнении по собственному желанию по уважительным причинам обусловлено невозможностью продолжать работу. Например: зачисление в учебное заведение, переезд в другую местность, переход на пенсию и так далее. Тогда администрация расторгает трудовой договор в срок, о котором просит работник.

Итак, увольнение по собственному желанию пенсионеров по старости считается уважительной причиной, вот почему мнение администрации о том, что пенсионер И. Дорофеев должен предупредить об увольнении по собственному желанию за два месяца, является ошибочным. Но нельзя признать обоснованной и просьбу И. Дорофеева уволить его через 5 дней. Ведь это правило распространяется только на пенсионеров, уходящих на пенсию первый раз. Как видно из письма, его автор один раз уже увольнялся в связи с уходом на пенсию, поэтому к нему применяются общие правила увольнения по собственному желанию по уважительным причинам, изложенные выше.

Необходимо также добавить, что в срок предупреждения об увольнении не засчитывается время выполнения работ, на которые рабочий или служащий переведен за нарушение трудовой дисциплины независимо от того, подал ли он заявление об увольнении до перевода на нижеоплачиваемую работу или в период их выполнения. Однако по договоренности между администрацией и работником возможно расторжение трудового договора до истечения срока выполнения работ, на которые последний переведен в порядке дисциплинарного взыскания.

«Правильно ли поступает администрация,— спрашивает читатель Е. Чибисов из Калуги,— предоставляя кратковременные отпуска без сохранения заработной платы при условии их непременно последующей отработки?»

Ответ однозначен: администрация поступает неправильно. И вот почему. Как известно, существует общее правило. Статья 35 Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик предусматривает, что администрация может предоставлять по семейным обстоятельствам и другим уважительным причинам рабочему или служащему кратковременный отпуск без сохранения заработной платы. В необходимых же случаях по соглашению сторон этот отпуск может быть отработан рабочим или служащим в последующий период, исходя из условий и возможностей производства. Иначе говоря, на отработку требуется согласие работника.

Отработка возможна в нерабочее время (до начала работы, после ее окончания, в выходные дни) из расчета один день работы соответствующей продолжительности для данной категории работников за каждый день отпуска.

Отработка не должна производиться в праздничные дни, кроме случаев, когда в соответствии с КЗоТ союзных республик работа в эти дни может выполняться (например, непрерывно действующие предприятия, работа по обслуживанию населения и т. п.).

Продолжительность отработки в течение рабочего дня, когда выполняется основная работа, законодательством не установлена. Но каждому ясно, что человек не может выполнять основную работу и еще полную смену для отработки отпуска. Продолжительность этой «второй смены» не должна, по нашему мнению, превышать половины нормального трудового дня, а в выходные дни — полной рабочей смены. Поэтому время отработки будет накапливаться по часам, а затем пересчитываться на дни.

Превышение недельной или месячной нормы за счет отработки отпусков не считается сверхурочной работой или работой в выходные и праздничные дни, а потому оплата производится в одинарном размере по фактически выполняемой работе (по тарифным ставкам или сдельным расценкам), независимо от времени отработки.

О предоставлении отпусков без сохранения заработной платы и их отработке вносится запись в личную карточку работника.

М. ПАНКИН,
начальник сектора юридического
отдела Госкомтруда СССР

П

Преступление

Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие). В советском праве общественно опасными и противоправными считаются такие деяния, которые посягают на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, социалистический правопорядок.

Как вы обратили внимание, в законе говорится о деянии, и тут же разъясняется, что этот термин означает действие или бездействие. Дело в том, что преступление не обязательно происходит в результате действий: хулиганства, кражи, нанесения побоев. Уголовная ответственность установлена и за преступное бездействие: злостное уклонение от уплаты алиментов или от содержания детей, недонесение об известных готовящихся или совершенных преступлениях, указанных в законе, халатность, неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, неоказание помощи больному и так далее. Вот почему в законе действие и бездействие объединяются термином «деяние».

Итак, преступление — это деяние общественно опасное, поскольку причиняет оно ущерб социалистическим общественным отношениям или же создает опасность такого ущерба. Преступление — деяние противоправное, то есть прямо предусмотренное уголовным законом. И это важно, поскольку если деяние законом прямо не предусмотрено, то оно не будет и преступным, а другой уголовный закон по аналогии применять нельзя.

Виновным в преступлении может быть признан только тот, кто совершит предусмотренное уголовным законом деяние умышленно или неосторожно. Когда мы говорим про умысел, то это значит, что человек сознает общественную опасность своего деяния, предвидит его последствия, желает или сознательно допускает, что такие последствия могут наступить. При неосторожной вине он либо предполагает возможность наступления общественно опасных последствий в результате своего действия или бездействия, однако легкомысленно рассчитывает их предотвратить, либо не предвидит возможности таких последствий, хотя должен и может их предвидеть.

Если же человек не мог предвидеть общественно опасного результата своего деяния и не желал его, то нет вины и, следовательно, нет уголовной ответственности.

Для того, чтобы утверждать, что гражданин совершил преступление, необходимо установить еще два признака, характеризующих непосредственно этого человека.

Во-первых, речь должна идти о возрасте. По общему правилу, уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. Лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья; изнасилование; разбой; кражу; грабеж; злостное или особо злостное хулиганство; умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества, повлекшее тяжкие последствия; хищение огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых или наркотических веществ; умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда.

Во-вторых, необходимо определить вменяемость человека, совершившего общественно опасное деяние. Согласно закону, не подлежит уголовной ответственности тот, кто во время совершения такого деяния находился в состоянии невменяемости, то есть не мог отдавать себе отчета в своих поступках или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния. К такому лицу по назначению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Факт душевного заболевания устанавливается судебно-психиатрической экспертизой.

Однако лица, которые, по их уверению, при совершении преступления «ничего не помнили» вследствие алкогольного опьянения, не освобождаются от уголовной ответственности. Более того, закон, как правило, считает такое состояние обстоятельством, отягчающим ответственность.

В. ИВАНОВ,
доктор юридических наук

Приписки и другие искажения отчетности

Приписками называется умышленное завышение показателей о выполнении производственных заданий, например, о количестве выпущенной и реализованной продукции, объеме выполненных строительных работ, продуктивности скота. Умышленное искажение данных о выполнении планов — это занижение в государственной отчетности

плановых заданий, сокрытие части произведенной продукции (или, как еще называют, «резервирование»), сокрытие имеющегося у предприятия оборудования, сырья, топлива, иных материальных ресурсов, уменьшение данных о количестве скота и так далее.

В наши дни, когда неуклонно повышается требовательность к порядку и дисциплине на производстве, особо нетерпимы стали такие грубейшие нарушения законности, как приписки и другие искажения государственной отчетности.

В данной статье мы расскажем об уголовной ответственности за приписки.

В чем особенность этого преступления? Прежде всего в том, что приписки и другие искажения вносятся в документы государственной отчетности о выполнении планов, а под ней понимаются данные, включенные в установленном порядке ЦСУ СССР или союзной республики, Министерством финансов СССР в формы статистической и бухгалтерской отчетности, которые должны представляться в соответствующие государственные органы и вышестоящие организации.

Приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов представляют серьезную опасность для советского общества. Заключается она в том, что такие действия — в народе их метко называют очковничеством — наносят существенный ущерб хозяйственной деятельности государства, создают трудности в управлении экономикой, главным образом в сфере планирования и учета. Искращения отчетности скрывают за «дутыми» цифрами невыполнение плана, бесхозяйственность, выпуск недоброкачественной продукции, нарушения договорной дисциплины. Нередко приписки и искажения отчетности связаны с хищениями социалистического имущества: с их помощью скрывают недостачи и перерасход денежных средств.

Ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов несут только те лица, на которых непосредственно возложена обязанность представлять государственную отчетность. Это руководители предприятий, учреждений и организаций, председатели правлений колхозов и директора совхозов, главные (старшие) бухгалтеры предприятий, учреждений и организаций, а также лица, фактически исполняющие их обязанности.

Статья 152¹ УК РСФСР (подобные статьи есть в уголовных кодексах всех союзных республик) устанавливает, что приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов как противогосударственные действия, наносящие вред народному хозяйству СССР, наказываются лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

Л. СЕМЕНОВА,
юрист

ИНФОРМАЦИЯ. . . КОНСУЛЬТАЦИИ. . . ОТВЕТЫ. . .

Приусадебный земельный участок

Для ведения личного подсобного хозяйства сельские жители — колхозники, рабочие, служащие совхоза имеют право получить в установленном порядке приусадебный участок. Усадьбой называется дом с примыкающими к нему хозяйственными строениями. А приусадебный участок — это земельный участок при доме и вспомогательных строениях, образующий вместе с ними хозяйственный комплекс.

Законодательством определены предельные размеры таких участков на одну семью.

Приусадебное землепользование колхозников регулируется Примерным Уставом колхоза.

Семье колхозника (колхозному двору) предоставляется в пользование земельный участок в размере до 0,50 гектара, а на поливных землях — до 0,20 гектара. Кроме того, Устав каждого колхоза определяет нормы приусадебных участков, учитывая местные условия, количество членов семьи, их трудовое участие в общественном хозяйстве. В рамках этих норм по решению общего собрания колхозников и выделяются участки каждому двору.

Право пользования приусадебными участками сохраняется за семьями колхозников и в тех случаях, когда все члены семьи стали нетрудоспособными по старости или инвалидности, когда единственный трудоспособный член семьи призван на действительную срочную военную службу либо избран на выборную должность, поступил на учебу, временно перешел на другую работу с согласия колхоза, а также если в составе семьи остались только несовершеннолетние. Во всех других случаях вопрос о сохранении приусадебного участка решается общим собранием членов колхоза.

Размеры приусадебных участков и порядок их предоставления сельским жителям — не членам колхоза — регламентируются земельными кодексами союзных республик. В Российской Федерации, например, нормы приусадебного землепользования установлены статьей 66 Земельного кодекса РСФСР. Постоянным рабочим и служащим совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий, работающим и проживающим в сельской местности, приусадебные участки выделяются в размере до 0,30 гектара на семью.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 18 августа 1972 года (СП РСФСР, 1972, № 18, ст. 117) утвержден «Перечень постоянных рабочих, служащих и специалистов, работающих и проживающих в сельской местности, которым предоставляются земельные участки в пределах до 0,25 гектара на семью». В нем, в частности, названы:

специалисты сельского хозяйства, в том числе работники, имеющие среднее и высшее специальное счетно-экономическое образование;

работники исполкомов сельских Советов народных депутатов; механизаторы и инженерно-технические работники ремонтных мастерских и производственных подразделений «Сельхозтехники», машинно-мелиоративных станций, передвижных механизированных колонн, государственной оросительной, осушительной и обводнительной сети и государственных мелiorативных сооружений;

механизаторы, работающие в колхозах по трудовому договору; директора и преподаватели техникумов и других специальных учебных заведений, работники общеобразовательных и специальных школ, школ-интернатов, сельских клубов и домов культуры, библиотек, детских домов, садов и яслей;

работники медицинских, ветеринарных и гидрометеорологических учреждений; службы быта; предприятий связи; потребительских обществ; молочных, маслодельных и сыродельных заводов;

киномеханики, обслуживающие сельские кинотеатры, клубы и дома культуры;

охотоведы и охоттехники районной службы охотничьего надзора; штатные охотники, постоянные рабочие, специалисты и служащие госпромхозов и коопзверопромхозов.

Другим гражданам, проживающим в сельской местности, но не относящимся к названным выше категориям, приусадебные участки могут предоставляться в размере до 0,15 гектара.

Площадь приусадебных участков, предоставляемых постоянным рабочим и служащим, с учетом местных условий, может быть увеличена до 0,50 гектара по постановлению Совета Министров РСФСР или автономной республики либо по решению исполкома краевого, областного Совета.

На поливных землях нормы приусадебных участков сокращаются наполовину.

По решению общего собрания членов колхоза (собрания уполномоченных) либо администрации совхоза, предприятия, утвержденного исполкомом сельского Совета по согласованию с райисполкомом, сверх нормы могут предоставляться мелкие земельные отрезки площадью до 0,05 гектара. Но только в том случае, если они образовались при упорядочении землепользования и не годятся для производственных нужд колхозов, совхозов, иных предприятий и их нельзя передать другим гражданам.

Учителям, врачам и другим специалистам приусадебные участки предоставляются по решению общего собрания или собрания уполномоченных колхоза.

При наличии свободных земель в колхозах, совхозах, государственных сельскохозяйственных предприятиях приусадебные участки могут выделяться рабочим и служащим других учреждений и организаций, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности. Решение по этому вопросу, принимаемое общим собранием колхоза либо администрацией совхоза, других предприятий, утверждается исполкомом сельского Совета.

В. СТЕПАНОВ,
заслуженный юрист РСФСР

Проверьте ваши знания

Задачи к № 5

1. К СТАТЬЕ «ПРОКУРАТУРА»

На прием к прокурору района пришла женщина.

— Я начальник отдела кадров ремстройуправления, — сказала она, — и хочу, чтобы вы опротестовали приказ начальника управления о приеме на работу бухгалтера Ипполитовой.

— А какие основания есть для такого протеста? — спросил прокурор.

— Да у нас в управлении все знают, что Ипполитова плохо характеризуется по прежней работе. Она неуживчива с сотрудниками, часто затевает с ними ссоры. Недобросовестно относится к работе, за что в мае и декабре прошлого года ей были объявлены выговоры. На прежней работе не нарадуются, что она, наконец, уволилась и перешла к нам. А у нас все в ужасе — никто не хочет с ней работать. Я обо всем сообщила начальнику управления, но он все равно принял ее на работу.

— А какие нарушения законности были допущены при приеме на работу? — заинтересовался прокурор.

— Неужели этого мало? — пожала плечами кадровик. — Разве не достаточно для протеста и того, что человек она ничемный и весь коллектив нашего управления против нее?

Вправе ли прокурор опротестовать данный приказ?

2. К СТАТЬЕ «ПРОФСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ».

Директор научно-исследовательского института вызвал лаборанта Никишину.

— Вы вчера ушли с работы утром, — сказал он. — И отсутствовали пять часов. В объяснении написали, что ходили к врачу, но ничем это не подтвердили. Прогул без уважительных причин, к которому приравнивается и отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня, дает право уволить вас по инициативе администрации. Вот приказ об увольнении. Подпишите, что вы с ним познакомились.

— Согласие профсоюзного комитета получено? — спросила Никишина.

— При чем тут профсоюзный комитет? — поморщился директор. — В законе сказано, что можно увольнять по инициативе администрации. А если надо — потом получим и согласие профкома.

Прав ли директор?

3. К СТАТЬЕ «РАБОТА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ».

— Очень хочу купить себе автомобиль, — поделился Зонин со своим другом Белкиным. — Да вот денег маловато. Не знаешь, где бы дополнительно подработать?

Белкин подумал и предложил:

— Иди-ка к нам на автобазу механиком!

— Не, не годится... — произнес Зонин, — я же работаю старшим инженером в институте.

— Ну, так что? — пожал плечами Белкин. — Отрабатываешь днем в институте — а вечером к нам, механиком по совместительству оформим...

Допустимо ли такое совместительство?

Ответы в редакцию присылать не надо. Узнать, насколько верно ваше решение, вы сможете, прочитав в следующем номере журнала статьи под рубрикой «Юридический словарь».

Совершенствовать правовое воспитание молодежи

Пути дальнейшего совершенствования правового обучения и воспитания учащихся общеобразовательных школ, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений в связи с обсуждением проекта ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» рассмотрены на заседании межведомственного Координационно-методического совета по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР, состоявшемся в конце февраля в Москве.

В выступлениях председателя Координационно-методического совета, первого заместителя министра юстиции СССР А. Я. Сухарева, заместителя министра просвещения СССР В. М. Коротова, члена коллегии Госпрофобра СССР Н. С. Уватенкова, директора школы из Ленинграда, отличника просвещения СССР А. В. Семенова и других особое внимание обращалось на необходимость вести в единстве нравственное и правовое воспитание, использовать все средства учебно-воспитательного процесса для выработки у молодежи внутренней потребности жить и действовать по принципам коммунистической морали, неукоснительно соблюдать правила социалистического общежития, советские законы. Выступающие отметили, что правовой курс, который преподается в школах и профтехучилищах уже несколько лет, пользуется популярностью у преподавателей, учащихся и их родителей, на уроках права формируется правосознание учащихся.

Совет утвердил предложения, предусматривающие дальнейшее совершенствование системы нравственного и правового воспитания учащихся с первого по выпускной класс школы, на каждом курсе профессионально-технических училищ, а также средних специальных и высших учебных заведений. В основе этой системы — обязательное изучение в школе правил поведения учащихся, правил поведения детей в общественных местах и на улице, Правил дорожного движения, правовых норм, направленных на формирование бережного отношения к народному добру, природе; изучение Основного закона нашего государства — Конституции СССР и Конституций союзных республик. Учащиеся выпускных классов школы, профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений изучают основы советского законодательства. Уроки права в сочетании с разносторонней внеклассной воспитательной работой должны быть направлены на формирование гражданина, способного активно и компетентно участвовать в управлении делами государства, в общественной жизни страны.

В работе Координационно-методического совета приняли участие ответственные работники ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, центральных органов просвещения, профтехобразования, высшего и среднего специального образования, правоохранительных органов, ученые, преподаватели и директора школ, профтехучилищ и техникумов, представители печати, радио и телевидения.

В. ГРИШАЕВА,
старший консультант
Министерства юстиции СССР

Юрий ЛОБОВ,
кандидат юридических наук

Грязная возня вокруг награбленных сокровищ

АВАНТЮРИСТЫ В ПОИСКАХ «КЛАДА РОММЕЛЯ»

Гитлеровские претенденты на мировое господство вошли в историю не только как палачи, безжалостно уничтожавшие население оккупированных ими стран, но и как мародеры, грабившие и вывозившие в Германию все попадавшие им в руки материальные ценности. Советским людям хорошо известна печальная история «янтарной комнаты» Петродворца. Но ее судьбу разделили многие музеи, картинные галереи, банки, храмы и частные коллекции Франции и Польши, Голландии и Норвегии, Египта и других африканских стран.

Согласно нормам международного права, закрепленным в многочисленных международных договорах после первой и особенно после второй мировой войны, все ценности, неправомерно изъятые и вывезенные воюющими государствами с захваченных территорий, кем бы они ни были обнаружены, подлежат возврату их законным владельцам.

Далеко не все награбленные гитлеровцами сокровища разных народов найдены и возвращены тем, кому они по праву принадлежат. Идет их поиск в разных странах. И параллельно охотятся за ними не только всякого рода авантюристы, но и объявившие себя наследниками идей и богатств гитлеровцев неонацисты, нашедшие благодатную почву в США, ФРГ, Франции и ряде других стран Европы и Латинской Америки.

Публикуемый ниже рассказ о такой охоте за ставшим легендой «кладом Роммеля» — генерала, командовавшего гитлеровским экспедиционным корпусом в Африке, — строго документален и представляет интерес для советской общественности.

Г. А. СОКОЛОВА,
заместитель председателя
«Инюрколлегии»

ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ ПИТЕРА ФЛЕЙГА

Июньским утром 1948 года в кабинет французского консула в Штутгарте вошел высокий худой человек лет двадцати пяти. Вошедший назвался Питером Флейгом и попросил выдать ему визу на въезд во Францию. По словам Флейга, во время службы в военно-морских силах Германии он побывал на Корсике и теперь хотел бы оживить воспоминания об этом прекрасном уголке Франции. На вопрос, где конкретно он служил, Флейг ответил, что был

фельдфебелем в водолазной команде СС в Италии. Это насторожило французского консула. А настойчивость, с которой посетитель домогался визы, убеждала его, что Флейг руководствуется мотивами, весьма далекими от туризма.

— Я буду рассматривать вашу просьбу лишь в том случае,— сказал консул,— если вы укажете подлинные цели поездки, а не будете морочить мне голову всякой чепухой.

Флейг растерялся, а затем после короткого раздумья поведал следующее. В 1942—1943 годах он служил в водолазной команде СС на одной из военно-морских баз в Италии. В сентябре 1943 года Флейгу приказали срочно получить водолазное снаряжение и отбыть на Корсику в распоряжение подполковника СС Людвиг Дриль. Прибыв по назначению, Флейг 17 сентября в сопровождении четырех офицеров СС, старшим из которых был Дриль, вышел на катере в море в районе залива Сен-Флоран у города Бастия. Перед Флейгом поставили задачу найти на морском дне наиболее подходящее место для захоронения груза особой важности, состоящего из 6 металлических ящиков. После многочисленных погружений Флейг обнаружил примерно на глубине 55 метров впадину в скале, которая представляла собой идеальное хранилище. Это место Флейг обозначил двумя буями.

На рассвете следующего дня в сопровождении тех же офицеров Флейг вновь вышел в море. На этот раз на катере находилось 6 ящиков размером примерно $80 \times 40 \times 40$ сантиметров. Буи оказались на месте. Флейг быстро отыскал свою впадину и за несколько погружений сложил в нее ящики. Пока он работал, один из офицеров с помощью секстанта определил координаты этой точки и записал их на листе бумаги. Флейг «случайно» увидел эти записи и запомнил на всю жизнь. Для верности он отыскал на побережье видимые с моря ориентиры (разрушенный дом, маяк, группу деревьев) и по ним лишний раз зафиксировал место захоронения ящиков.

Через два дня там же, на Корсике, Флейг неожиданно был арестован гестапо. Из допросов он понял, что в ящиках находились ценности рейха — золотые монеты, ювелирные украшения и другие ценности, — которые украдены группой офицеров, спрятавших их, чтобы потом воспользоваться в личных целях. От Флейга требовали указания места, где тот утопил сокровища. Но он твердил, что места указать не может, поскольку он всего лишь выполнял указания офицеров. Дриль и его сообщники также не называли места захоронения, о чем Флейг узнал во время заседания военного трибунала, на котором он выступал в качестве свидетеля. Трибунал приговорил офицеров к смертной казни, а Флейга направил в штрафную роту на Восточный фронт.

В заключение Флейг попросил консула оказать ему содействие в получении у французского правительства концессии на поиск и поднятие сокровищ. Консул обещал довести их беседу до сведения правительства и предложил Флейгу зайти к нему через неделю в 10 часов утра.

В тот же день в Париж полетела шифровка, для анализа которой была немедленно создана специальная комиссия экспертов. Исследуя факты, изложенные Флейгом, эксперты обратили внимание на ряд весьма странных обстоятельств. Почему, например, офицеры, решаясь на столь отчаянный шаг, как похищение сокровищ, прибегли к услугам совершенно незнакомого водолаза, каковым был для них Флейг? Почему Флейг, еще ничего не зная о содер-

жимом ящиков и преступлении офицеров, на допросе в гестапо не указал место их захоронения? Наконец, как Флейг мог подсмотреть сделанную одним из офицеров запись координат этого места?

В итоге комиссия квалифицировала сообщение Флейга как весьма сомнительное. Но, несмотря на это, было решено организовать поиски сокровищ и привлечь к ним Флейга. Непосредственное ведение работ было поручено частной компании «Лёнберг».

Ровно через неделю в 10 часов утра Флейг вновь переступил порог знакомого кабинета французского консульства. Его там ждали консул и трое в форме французской военной полиции. Не успел Флейг сказать «здравствуйте», как ему объявили, что он задерживается французскими оккупационными властями как бывший эсэсовец для выяснения его деятельности на территории Франции. Вечером в сопровождении этих же полицейских Флейга отправляют на Корсику, в город Бастия.

ФИАСКО ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Во время беседы с представителем властей в Бастии Флейг держался уверенно. Он подтвердил, что хорошо знает место, где спрятан сокровища, и выказал готовность оказать экспедиции всестороннюю помощь при условии, что ему выплатят третью часть стоимости сокровищ. Флейгу обещают вернуться к обсуждению вопроса о вознаграждении после того, как сокровища будут найдены. Флейг соглашается. Через несколько дней все суда фирмы «Лёнберг» выходят в море. На головном катере Питер Флейг, у него начертанный от руки план с указанием места, где спрятаны сокровища. Но сразу же возникли серьезные затруднения. Координаты, якобы записанные немецким офицером, не совпали с местом, обозначенным в плане Флейга. На побережье Флейг не смог отыскать названных им же ориентиров. Впрочем, и на много километров вдоль берега не было даже следов ни разрушенного дома, ни маяка. Что касается группы деревьев, то оказалось, что деревья здесь растут так густо, что сливаются в сплошной зеленый массив.

Флейг теряет, что-то бормочет насчет перемен на берегу, клянет того офицера, который плохо пользовался секстантом. Наконец с большими натяжками, пользуясь картой и путанными объяснениями Флейга, специалисты определили примерный район поисков и приступили к работам. Погружения десяти квалифицированных водолазов следуют одно за другим. Вместе с ними погружается и Флейг. И тут водолазы обнаружили, что Флейг — почти полный профан в их деле...

Проходят дни, недели, месяц... Затраты фирмы составили около миллиона франков, а результатов нет. Руководитель работ откровенно называет все предприятие по поиску сокровищ аферой, глава фирмы «Лёнберг», встречая Флейга, твердит одно: «Ты меня разорил, негодяй! Это тебе даром не пройдет, мерзавец!»

Сославшись на недомогание, Флейг несколько дней не выходит из номера в гостинице. Точнее, не выходит через двери. Он готовит свой побег в Германию. Для этого нужны деньги, и Флейг пытается продать на «черном рынке» выданное ему водолазное снаряжение и два бинокля. За этим делом его арестовывают и приговаривают к двум месяцам тюремного заключения.

А пока Флейг сидит, история о «кладе Роммеля» попадает в прессу. Одна из западногерманских газет под заголовком «Фан-

тастические богатства из тысячи и одной ночи» сообщила, в частности, что в составе африканского корпуса Роммеля, как и во всех оккупационных войсках Германии, действительно имелось специальное подразделение, которое изымало валюту, ювелирные изделия, картины, исторические ценности из государственных хранилищ и частных коллекций в тех странах, по которым прошла танковая армия Роммеля. Так набралось немало золотых монет, золотых и платиновых слитков, золотой и серебряной посуды, картин, церковной утвари и драгоценных камней. Стоимость сокровищ оценивалась примерно в 10 миллионов английских фунтов стерлингов. В мае 1943 года в связи с ухудшением военного положения фашистов в Африке сокровища были якобы перевезены в Италию, где их след затерялся.

Бывший генерал вермахта Вестфаль немедленно выступил с опровержением этой статьи. Однако французские газеты опубликовали в ответ интервью с неким Луи Бордом, бывшим бойцом одного из партизанских отрядов, действовавших на острове Корсика. В одну из сентябрьских ночей 1943 года Борд отчетливо видел в бинокль катер, с которого в воду опускали какие-то ящики.

В свете этих сообщений интерес к персоне Флейга начал возрастать. Он вышел из тюрьмы уже окруженный вниманием журналистов, которым налево и направо раздавал интервью о «кладе Роммеля», но демонстративно умалчивал о «подлинном» месте их захоронения. На вопрос журналистов, как он объясняет неудачу первой экспедиции по поиску сокровищ, Флейг намекнул, что его участие в экспедиции было вынужденным и, следовательно, «не могло быть добросовестным».

И ОПЯТЬ НЕУДАЧИ...

В тюрьме Флейг подружился с корсиканцем Андре Мотье, профессиональным водолазом, приговоренным за какое-то преступление к 4 месяцам заключения. В 1949 году Флейг поехал навестить друга в его родную деревушку Поретто, недалеко от Бастии, и предложил Мотье начать поиски сокровищ. К его удивлению, Мотье категорически отказался участвовать в подобном предприятии. Даже если успех обеспечен, объяснил он, им придется заплатить за этот клад жизнью, потому что, по слухам, кладом заинтересовалась корсиканская мафия. И не просто заинтересовалась: она объявила этот клад своей собственностью и предупредила, что не потерпит конкуренции.

Флейг не стал настаивать и заторопился домой. Вечерком, накануне отъезда в Бастию, он вышел из дома Мотье «подышать свежим воздухом» и... исчез. По версии газет, Флейг был похищен мафией и убит. Эта же версия разрабатывалась французской полицией. Но следствие зашло в тупик, и уголовное дело было прекращено. Зато исчезновение Флейга сделало хорошую рекламу «кладу Роммеля».

В 1952 году француз Анри Элле зафрахтовал яхту «Старлена» и с шестью опытными водолазами намеревался начать планомерное прочесывание дна в зоне возможного нахождения сокровищ. 23 июня 1952 года яхта стала у причала Бастии. Но произошло непредвиденное: 24 июня по линии континент — Корсика совершало свой первый рейс новое туристское судно «Сампьеро Корсо». Под звуки

«Марсслезы» «Сампьеро Корсо» вошло в порт, но вместо того, чтобы идти к отведенному для него у причала месту, направилось в противоположную сторону и на глазах у сотен зрителей протаранило стоящую у причала «Старлену». Пострадавшая яхта не затонула, но более трех месяцев простояла на ремонте в доке. Считая повреждение «Старлены» случайностью, Элле зафрахтовал другую яхту. Но за день до выхода в море на яхте произошла серьезная поломка мотора. Поняв, что две случайности подряд являются уже закономерностью, Элле отказался от своей затеи.

Следующим охотником за сокровищами Роммеля стала некая американская миллионерша, настолько наученная горьким опытом предшественников, что ей удалось сохранить инкогнито. В августе 1952 года зафрахтованная ею яхта под командованием бывшего морского офицера прибыла в порт Бастии, и капитан приступил к набору рабочих и водолазов из местных жителей.

Поскольку миллионерша не скупилась и установила весьма высокие денежные вознаграждения, люди были подобраны в течение трех дней. Но еще на стадии подготовительных работ все они под благоприятным предложением отказались участвовать в экспедиции. Как выяснилось, каждый из нанятых матросов и водолазов получил записку, в которой под угрозой расправы предлагалось порвать контракт с владельцем яхты. Зная, что шутки с корсиканской мафией плохи, люди подчинились этому требованию. Несколькими днями позже аналогичные записки получили другие участники экспедиции, включая капитана. И все они тоже сочли за благо покинуть Бастию.

В 1954 году вышедшая на поиски этих сокровищ яхта «Комета» была протаранена рыболовным судном и затонула. Один член экипажа яхты погиб. Французская пресса отметила эту новую «случайность» информацией, опубликованной под заголовком: «Кто следующий? Найдется ли смельчак, чтобы бросить перчатку мафии?»

Затем о кладе как будто забыли. Напомнила о нем еще одна трагедия. 15 августа 1961 года французские вечерние газеты сообщили об убийстве Андре Мотье, того самого «товарища по несчастью» Флейга, которому последний доверил свою тайну. Сообщалось, что, будучи сильно пьяным, Андре Мотье в одном из почных баров Бастии заявил своим собутыльникам, что точно знает место захоронения сокровищ и не намерен долго хранить это в секрете. Мотье вышел из бара около часа ночи. А через два дня его труп, прошитый автоматной очередью, нашли за городом в мелком кустарнике. Спустя год точно так же погиб человек, на которого пало подозрение в убийстве Мотье.

Смерть Андре Мотье словно вдохнула новую жизнь в историю «клада Роммеля». В 1961 году в Париже и Марселе полиция задержала несколько мошенников, продававших карты с координатами сокровищ Роммеля, вычерченные якобы рукой Флейга. В том же 1961 году на Лазурном берегу полиция задержала спекулянта драгоценностями по кличке Красавчик Саша, который сбывал золотые монеты и уникальные ювелирные изделия восточной работы. На допросе Саша сознался, что эти драгоценности он купил оптом у неизвестного ему лица, который нашел какой-то клад недалеко от Бастии.

Полиции удалось разыскать этого удачливого кладонскателя и допросить его. Оказалось, что в развалинах синагоги, в предместье Бастии, тот раскопал несколько десятков золотых монет, колец и

серег. Было установлено, что это был тайник, в котором местные еврейские семьи в период гитлеровской оккупации прятали наиболее ценные вещи...

И СНОВА ФЛЕЙГ

Так разворачивались события до той поры, пока «кладом Роммеля» не заинтересовался ирландский журналист и путешественник Джон Годли. Он внимательно изучил все материалы, опубликованные в газетах и журналах, переговорил с людьми, встречавшимися с Флейгом, опросил всех участников разных экспедиций по поиску этих сокровищ, просмотрел протоколы допроса Флейга, полицейские досье на него. И на основании всего изученного Годли опубликовал в 1961 году (журнал «Американ уикли») статью, в которой доказал, что все рассказы Флейга — чистый вымысел. Статья была перепечатана одним из западногерманских журналов. А спустя некоторое время Годли получил из ФРГ письмо. Адвокат фирмы «Феллер и Абрахам» доктор Герт Феллер, представлявший «интересы господина Флейга», сообщал, что его клиент хотел бы встретиться с господином Годли по поводу его статьи о сокровищах Роммеля.

Итак, Флейг, которого в течение 13 лет числили в покойниках, объявился живым. Первым же рейсом Годли вылетел в ФРГ. Встреча состоялась в кабинете адвоката. Флейг выразил Годли благодарность за статью, подчеркнув, что она наиболее серьезная из всех, которые он читал о себе. Далее он заявил, что все, о чем он когда-то рассказал консулу, действительно было ложью. «Правдивая» же версия Флейга выглядела так.

В 1943 году он, Флейг, служил старшим матросом на одной из военно-морских баз в Италии. 17 сентября представители гестапо погрузили на катер 6 ящиков, при них на катере остались подполковник гестапо Дриль и еще два офицера. Катер должен был идти на Корсику для присоединения к немецкому конвою, сопровождавшему грузы в Германию. Перед выходом в море подполковник Дриль решил еще раз проверить содержимое ящиков, и Флейг, по поручению командира катера, помогал их вскрывать. Содержимое ящиков потрясло Флейга: они были наполнены золотыми монетами, ювелирными изделиями, драгоценными камнями. Ранним утром 18 сентября 1943 года катер прибыл в Бастию и попал под сильнейшую бомбежку союзной авиации. Город горел, корабли конвоя были рассеяны или потоплены. В сложившейся обстановке Дриль решил затопить сокровища. Флейг помнит, что затопление произошло недалеко от берега, напротив разрушенной мечети. Если Годли окажет материальную поддержку, они, несомненно, найдут сокровища. На вопрос, почему Флейг не давал о себе знать в течение 13 лет, он ответил, что в 1949 году в Поретто он был похищен бандитами, требовавшими указать точное место нахождения сокровищ. Флейг передал мафии ложную схему, его снабдили небольшой суммой денег и отпустили. Но пригрозили, что, если он попытается сам или через подставных лиц искать сокровища, его уничтожат. Напуганный всем пережитым, Флейг уехал в маленький западногерманский городок и старается ничем не привлекать внимания к своей персоне. Но теперь, через столько лет, Флейг мог бы оказать (разумеется, негласно) помощь в розыске сокровищ при условии, что третья их часть будет принадлежать ему. Очередная версия Флейга показалась Годли еще менее убедительной, чем первая. И он решил тщательно разобраться в личности самого Флейга.

ЖУРНАЛИСТ НАЧИНАЕТ ПОИСК

Труды Годли увенчались успехом. Уже через полгода толстое досье могло пролить некоторый свет на биографию человека по фамилии Флейг. Оказалось, что Питер Флейг — вовсе не Флейг. Его настоящее имя Вальтер, а подлинная фамилия начинается на букву «К» (полную фамилию Годли из соображений безопасности «Флейга» называть не стал). Вальтер К. до 1948 года никогда не был ни на Корсике, ни во Франции. В 1941—1945 годах служил фельдфебелем в сухопутных войсках на Восточном фронте. В сентябре 1943 года, когда мнимый Флейг прятал сокровища Роммеля, Вальтер К. лежал в госпитале в Польше, с ранением в голову.

В 1945 году американская военная полиция интернировала Флейга, как бывшего эзсовца, в Дахау, где содержались лица, подозреваемые в совершении военных преступлений. Вальтер К. был, очевидно, мелкой сошкой, и режим его содержания был предельно либерален. По утрам он без охраны отправлялся на заготовку леса, а вечером возвращался в лагерь. По воле случая в лагере оказывается и один действительно важный нацистский бонза — штурмбанфюрер СС Шмидт. Внешне Шмидт был как две капли воды похож на К. Тот же рост, те же глаза, тот же цвет волос. Присматриваясь к Вальтеру, иногда разговаривая с ним, Шмидт наконец решает предложить К. сделку. В один из вечеров, примостившись в углу барака, Шмидт рассказывает К., что в корпусе Роммеля он был одним из руководителей подразделения, в задачу которого входил сбор драгоценностей для отправки в Германию. В начале 1945 года, когда крах фашизма стал очевиден, награбленные африканским корпусом ценности были тайно захоронены в трех местах — в Австрии, в Италии и в море у острова Корсика. Шмидт обещал передать К. карты с точным указанием мест захоронения сокровищ, за что К. должен передать Шмидту свои документы и одежду. Вальтер К. принял эти условия и стал обладателем планов с указанием всех трех мест захоронения этих богатств. Той же ночью Шмидта забрала военная полиция, и он бесследно исчез. Вальтер К. решает найти и присвоить спрятанные ценности. Но для их поисков нужна свобода, и К. решает обменять на нее два из трех имеющихся у него планов. Он встречается с представителем американской администрации лагеря капитаном Брайтенбахом и сообщает, что случайно ему стало известно о спрятанных нацистами сокровищах. В доказательство он вручает перечерченные своей рукой два плана нахождения сокровищ — в Австрии и в Италии.

В указанные им места выезжают специальные команды и находят сокровища! В Австрии это были произведения живописи, а в Италии — валюта и ценные бумаги. В благодарность К. отпускают на свободу, по его просьбе выдают ему паспорт на имя Питера Флейга и денежное вознаграждение. На эти средства «Флейг» безбедно живет несколько лет. В 1947 году он приезжает в Гамбург и поступает на платные курсы водолазов, готовясь к экспедиции на Корсику.

Собранные материалы вселяют в Годли уверенность, что третий клад, названный Шмидтом, существует. В 1962 году он встречается с одним своим приятелем, известным специалистом по подводным археологическим работам Эдвином Линком и рассказывает ему все известное о сокровищах Роммеля, показывает некоторые документы

и карты. Идея поисков заинтересовывает Линка. Начинается подготовка экспедиции. Яхта «Морской ныряльщик» превращается Линком в плавучую лабораторию, оснащенную самой совершенной аппаратурой. Подготовка проводится в обстановке секретности: все участники экспедиции подписали контракт, который обязывал каждого из них хранить тайну о предстоящих работах в течение 10 лет. За основу было решено взять план, переданный Флейгу в Дахау. Контакты с Флейгом Годли поддерживал через адвоката Феллера.

19 апреля 1963 года «Морской ныряльщик» прибыл в Бастию.

В ДЕЛО ВСТУПАЮТ НЕОНАЦИСТЫ

Уже в первую неделю подготовительных работ за «Морским ныряльщиком» неотступно следовало неизвестное рыболовное судно. Его присутствие действовало на нервы, заставляло воздерживаться от активных поисков. Спустя некоторое время от адвоката Флейга поступила телеграмма, в которой он просил приостановить работы. Годли выехал на встречу с Феллером. Тот показал Годли записку. «Месье,— писал неизвестный автор,— я хочу сказать вам несколько слов, чтобы предупредить относительно сокровищ Роммеля. В этом деле уже немало трупов. Я бы советовал Вам не становиться продолжением столь печального списка. Сокровища принадлежат нам. Совет исходит от хороших друзей с Корсики и из Ниццы. Мафия предупреждает также Питера Флейга». Под запиской стояла неразборчивая подпись.

С фотокопией записки Годли возвращается в Бастию. Но «Морской ныряльщик» еще несколько раз выходит в море, хотя каждый раз в непосредственной близости от него оказывается то самое рыбацкое судно. Члены экспедиции стараются не подавать вида, но настроение у всех неважное, работа валится из рук. Наконец Линк был вынужден отказаться от дальнейших поисков. Так еще одна экспедиция закончилась провалом...

В начале 80-х годов полиция Бастии заинтересовалась начавшимися вдоль восточного побережья Корсики многочисленными тренировочными погружениями курсантов различных водолазных школ Италии, ФРГ, Испании. В газетах промелькнуло сообщение, что этим путем к «кладу Роммеля» подбираются неонацистские организации.

В 1975 году французский журналист Робер Шару встретился с одним из руководителей неонацистского движения во Франции и задал ему вопрос относительно участия неонацистов в поисках «клада Роммеля». Ответ был достаточно определенным: «Флейг — шарлатан. Все, что он рассказывает, представляет собой набор слухов и сплетен. Его байки рассчитаны на выманивание денег у наивных людей. Если бы сокровища существовали, то мы их давно нашли бы. Мы были бы первыми. И, естественно, мы не оставили бы Флейга в живых. Впрочем, мы, возможно, еще накажем его за то, что он позорит войска СС в лице четырех офицеров. Я должен добавить,— сказал в заключение этот фюрер,— что для очистки совести или, точнее, для того, чтобы придать нашим подводным работам какую-то целенаправленность, сотни водолазов из наших групп исследовали метр за метром все восточное побережье Корсики — с севера на юг. Там нет никаких сокровищ.

Мы,— сказал далее неонацистский босс,— уполномочиваем вас опубликовать это заявление, которое не будет опровергнуто ни одним из наших членов в Германии, Франции и Италии».

Заявление было опубликовано. Вслед за откровениями неонациста газеты ФРГ опубликовали трусливое заявление Флейга: «Я лгал, я всегда лгал, сокровища существовали, но они спрятаны не у Корсики, а в одном монастыре в Италии».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Дело Флейга» было, таким образом, закрыто. Вероятно, окончательно.

Но отнюдь не отказались от серьезного изучения проблемы нагробленных мародерами Роммеля ценностей эксперты-историки.

Ведь в Ливии, Тунисе, Египте солдаты Роммеля разграбили многие музеи и храмы, захватив уникальные произведения искусств. Часть из них Роммель успел переправить в Германию: после войны многие похищенные шедевры были обнаружены в коллекциях фашистских главарей. Но судьба еще большего числа сокровищ пока неизвестна.

Как знать, может быть, и в этой истории еще рано ставить точку. Показательно, однако, что для всех претендентов на «клад Роммеля» словно бы и не существуют подлинные хозяева этих сокровищ. А ведь еще Гагская конвенция 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны признавала неприкосновенность частной собственности, собственности общин, церковных, благотворительных, художественных и государственных учреждений.

На заседаниях Международного военного трибунала в Нюрнберге было доказано, что гитлеровские захватчики беззастенчиво попирали нормы и принципы международного права. Разграбление ценностей на временно оккупированных территориях не было результатом стихийного мародерства солдат и офицеров, а явилось систематическим и организованным грабежом, подготовленным гитлеровским государством. Уставом Нюрнбергского военного трибунала, его приговором в отношении главных немецких преступников ограбление на захваченных территориях квалифицировано как тягчайшее международное преступление.

Справедливость и право должны восторжествовать и в этой истории, если, конечно, ей суждено завершиться.

НАРКОМАНИЯ— СОЦИАЛЬНАЯ КАЗНЬ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

По последним данным ООН, из 157 стран — членов организации контрабанда наркотиками была отмечена в ста странах. Общая рыночная стоимость незаконно провозимых ежегодно наркотических средств достигла 200 миллиардов долларов. Специалисты комиссии ООН по наркологическим средствам отмечают, что особенно широкое распространение наркомания приобрела в США.

ОТРАВЛЕННАЯ НАЦИЯ

Недавно в Вашингтоне было официально объявлено, что в США зарегистрировано 492 тысячи человек, регулярно употребляющих героин — один из самых опасных наркотиков. Общая же цифра наркоманов и алкоголиков в Соединенных Штатах превышает 30 миллионов человек.

Официальный Вашингтон, по существу, заинтересован в распространении и поддержании на достаточно высоком уровне таких человеческих пороков, как наркомания и алкоголизм. Это подтверждается, между прочим, и тем, что в США создается всего лишь видимость борьбы с наркоманией. И объясняется это просто: нынешний социальный, политический и экономический кризис в США создал такую социальную напряженность, что официальному Вашингтону выгоднее, чтобы бедняки и прочие отверженные «американского рая» становились наркоманами, чтобы они не искали решения общественных и личных проблем в сопротивлении, а спасались бегством от них в мир грез, а то и вовсе уходили из жизни.

Этот быстрый способ самоубийства в США в последнее время стали называть социальной казнью. Действительно, прибегающее к такому способу самозащиты эксплуататорское общество буквально казнит себя, загнивая изнутри. Ведь на эту «казнь» в последнее время обрекают себя буквально все слои американского общества: начиная от безработных, спортсменов, военнослужащих и кончая школьниками, конгрессменами и министрами.

При практически полном бездействии полиции и властей торговли «белой смертью» опутывают своей сетью американцев чуть ли не с младенчества. Больше того, в США широко поощряется упо-

требление наркотиков детьми. Как подчеркивается в документе Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), подготовленном к проходившей в начале 1983 года в Женеве 38-й сессии комиссии ООН по правам человека, заправилы американского рынка наркотиков, стремясь расширить свою клиентуру, не гнушаются привлечением подрастающего поколения к потреблению ядовитого зелья. Почти 10 миллионов наркоманов-американцев признают, что начали употреблять кокаин с десяти-одиннадцатилетнего возраста.

Направляемая щедрой рукой бизнесменов, зарабатывающих на торговле наркотиками миллионные барыши, американская печать популяризирует их употребление, разжигает нездоровый интерес к ним молодежи. В США издаются специализированные журналы, разъясняющие, как вырастить и «правильно» употреблять марихуану. Продаются ее семена и требующиеся для почвосмеси. Проповедь наркотиков все глубже проникает в комиксы для детей, в телевизионные передачи и мультфильмы.

Говоря о проблеме распространения наркотиков среди молодежи и детей, директор нью-йоркского центра по лечению наркоманов М. Розенталь высказал тревогу в связи с превращением наркотиков в неотъемлемую часть американской культуры. Легализация торговли ими в ряде штатов на руку лишь миллионерам наркотического бизнеса, подрывающим здоровье подрастающего поколения США, подчеркнул М. Розенталь.

Недавно французский еженедельник «Нувель обсерватёр» писал: «В середине 70-х годов кокаин спустился из высшего общества в средние классы Соединенных Штатов Америки... Чем сильнее становилась тревога о завтрашнем дне, тем нужнее были возбуждающие средства. И сегодня наступил взрыв».

Вакханалия наркомании пошла волной от атлантического до тихоокеанского побережья США. От Бостона до Лос-Анджелеса шикарные приемы завершаются (а иногда и начинаются) кокаином. И найти его просто, если, конечно, позволяют средства. В Америке сейчас три грамма «нюхательного десерта» (так открыто именуется во всех меню кокаин), стоящие, кстати, 500 долларов, — символ процветания и хорошего вкуса, залог благосклонности гостей любого званого приема к его устроителям.

В одном из самых фешенебельных клубов Манхэттена официанты наряду со спиртными напитками разносят на подносах и серебряные «фунтики», в которых завернуты дозы кокаина. Тот же «Нувель обсерватёр» так описывает одну из подобных оргий: «В крупном местном банке в пятницу устраивают кокаиновый день для перспективных сотрудников. «Уполномоченный» собирает деньги и закупает порошок. Публика расслаживается в зале административного совета сразу же после пяти часов и извлекает весь необходимый инвентарь: серебряные ложечки, специальные лопаточки для выкладывания «дорожек», а для любителей — курительницы. Все меню этого «коктейля» — белые дорожки, насыпанные по красному дереву стола. Сотрудники вынимают из бумажников купюры по 20, а то и по 100 долларов. Они скручивают из них трубочки, вставляют их в нос, наклоняются над столом и «высыхивают» дорожку. Эти «трубочки» остаются на столах. Вынюхать по дорожке на каждую ноздрю — такую роскошь могут позволить себе лишь директора, у которых повышенная доля в складчину. Между двумя заходами идет светская беседа о бирже, Рейгане, кризисе».

Кокаин в США так же обычен, как зубная паста. Им торгуют везде: в школах, барах, ресторанах, кинотеатрах. Кокаином берут гонорар даже врачи. Высший шик — оставить дозу этого зелья «на чай» официанту в ресторане.

В Нью-Йорке вполне легально существуют магазины, где продают полный набор для кокаинистов: трубки, лопаточки, весы, кальяны и десятки других принадлежностей. Мэр города Коч однажды собирался закрыть эту торговлю, но ему «отсоветовали». Ведь торговля наркотиками — весьма прибыльное дело. Только в 1982 году американские торговцы кокаином положили в карман около 35 миллиардов долларов, что превысило доходы нескольких самых крупных американских компаний, вместе взятых. Но точно подсчитать эти доходы невозможно.

Наркоманы просочились и в высший эшелон власти. Летом прошлого года агентами ФБР были арестованы трое сотрудников конгресса США. Расследование показало, что они распространяли кокаин среди законодателей. Американский тележурналист Дж. Ферруджьо в одном из своих репортажей указал в связи с этим, что ФБР располагает данными по крайней мере на 12 конгрессменов и 1 сенатора, которым поставщики наркотиков приносили кокаин прямо в их кабинеты в конгрессе.

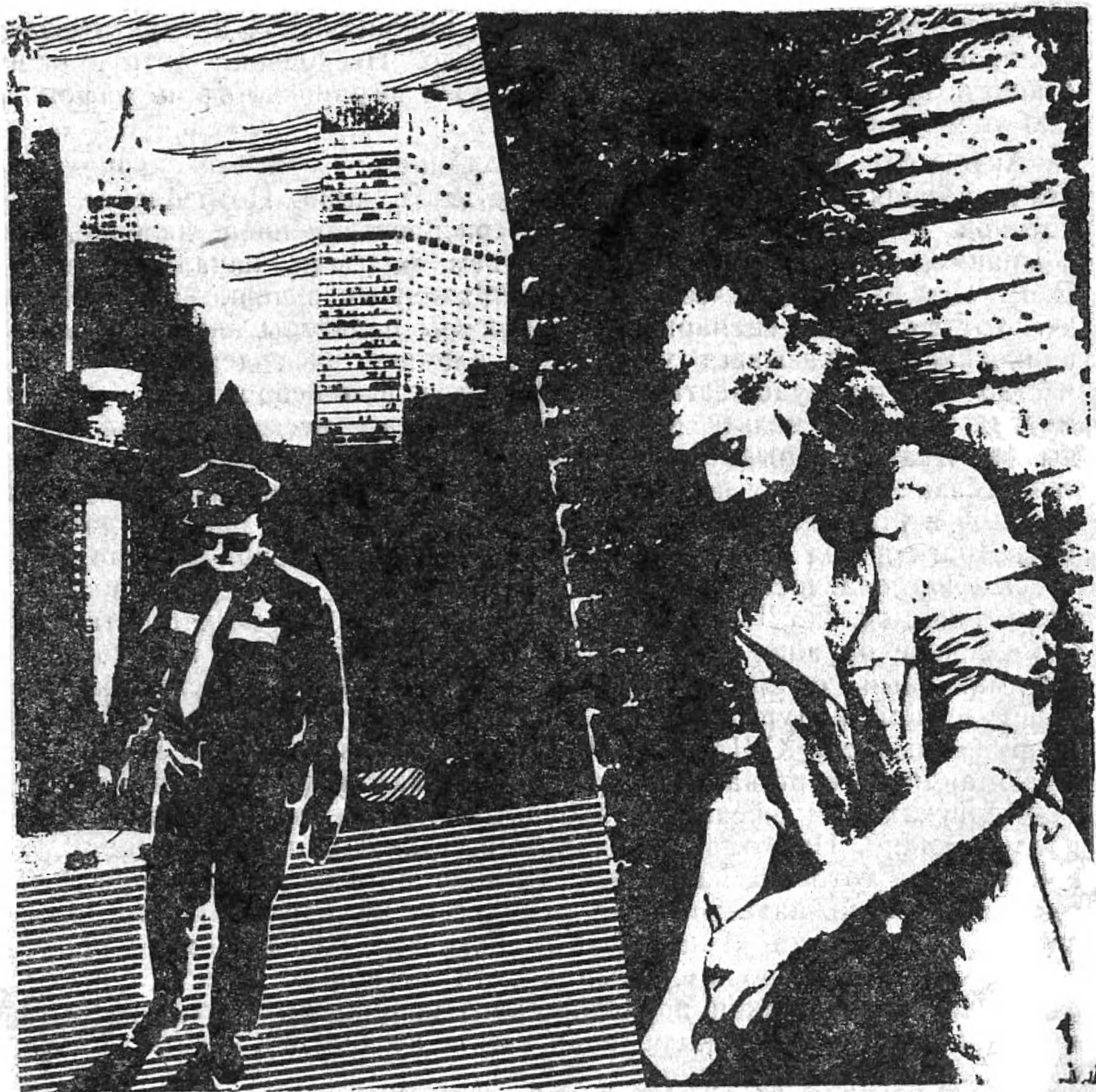
Наркотики обнаружены даже на американской антарктической полярной станции в заливе Мак-Мердо. Несколько сотрудников станции привлекли к суду, но все дело ограничилось штрафом в 200 американских долларов.

Активным пропагандистом и подлинной жертвой наркотиков стало американское искусство, в частности кино. Потребление наркотиков в Голливуде — настолько распространенное явление, что компании, занимающиеся страхованием фильмов, начали изменять свои условия, чтобы учесть риск, сопряженный с наркоманией. Причем тот факт, что сценаристы, режиссеры и актеры злоупотребляют наркотиками, оказывает уже явное влияние на содержание и качество многих художественных фильмов и телепрограмм. Логика многих фильмов нельзя понять. В результате всего этого на экраны кинотеатров врывается откровенный хаос. Режиссер Стэн Драготи сказал по этому поводу: «Никто не делает никаких моральных выводов в отношении кокаина, настолько широко он распространен». Сам Драготи был арестован в ФРГ за незаконный ввоз кокаина.

Особую опасность наркотики представляют в американских вооруженных силах. Да оно и понятно: сколько бед может натворить современное оружие, если им управляет вышедший из повиновения, одурманенный солдат. А ведь согласно недавним исследованиям, пристрастием к дурманящему зелью страдает состав всех видов вооруженных сил США. В ВМС 60 процентов рядового и младшего командного состава регулярно принимают наркотики, в сухопутных войсках ими ежедневно злоупотребляет каждый пятый военнослужащий. Наркоманы обнаружены даже в подразделениях, на вооружении которых находится ядерное оружие. В мае прошлого года произошла катастрофа с самолетом на борту американского ядерного авианосца «Нимиц». Как показало расследование причин катастрофы, шестеро из четырнадцати погибших военнослужащих находились в состоянии наркотического опьянения. Известно также, что наркоманов обнаружили среди членов нескольких экипажей стратегических бомбардировщиков «В-52».

Начальник штаба ВМС США адмирал Т. Хейуорд вынужден был издать специальный приказ, строго запрещающий личному составу американского флота употребление дурманящего зелья. За нарушение приказа предусматриваются суровые меры наказания, вплоть до военного трибунала. Об ужесточении политики по отношению к наркоманам ранее объявило также командование корпуса морской пехоты США. В связи с широким распространением наркомании командование вооруженных сил США создало более 90 специализированных лечебниц и в полтора раза увеличило число специалистов по наркотикам в штате военных трибуналов. Почти треть приговоров, выносимых военными судами, касается преступлений, связанных с употреблением «белой смерти». Но эффекта эти суровые приказы и меры пока не имеют.

Джозеф Калифано, бывший министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, назвал пристрастие американцев к наркотикам и алкогольным напиткам проблемой номер один для здравоохранения США. По его мнению, потребление этого зелья служит причиной огромного числа смертельных случаев, болезней, потери трудоспособности — гораздо большего, чем по другим

причинам. По словам Калифано, пристрастие американцев к наркотической отраве оборачивается потерей более 100 миллиардов долларов ежегодно. «Эти пагубные привычки каждый день отправляют тысячи американцев в больницы,— говорит он,— наполняют наши тюрьмы».

ТОВАР, УБИВАЮЩИЙ ЖИЗНЬ

Многие улицы Нью-Йорка превратились сейчас в арену настоящих сражений — гремят автоматные очереди и револьверные выстрелы, гибнут люди. Между двумя «семействами» местной мафии, борющимися за контроль над многомиллионным подпольным бизнесом по торговле наркотиками, развернулась война не на жизнь, а на смерть.

Одной из последних жертв этих кровавых распри стал некто Р. Ортис, изрешеченное тело которого было обнаружено полицией в одном из домов города. В квартире, которая использовалась в качестве перевалочного пункта для переправки наркотиков, хранились крупная партия кокаина, автоматы, пистолеты с глушителями и большие запасы боеприпасов.

Чуть раньше на одной из нью-йоркских автострад полиция обнаружила брошенный автомобиль, в котором лежали тела расстрелянных в упор из автомата мужа и жены Галвез и двух их грудных детей. Супруги Галвез принадлежали к шайке торговцев наркотиками, а их дом в пригороде Нью-Йорка был превращен в подпольную фабрику для очистки «товара».

Особую остроту борьба между бандами приобрела после убийства некоего Мартина де Саверно — «капо» одного из «семейств» мафии, занимавшихся торговлей героином. Полиция предполагает, что «война» развернулась между этой шайкой, представляющей «старую» итальянскую мафию, и так называемой «новой» мафией, выходящими из стран Латинской Америки.

В последнее время юристы США приходят к выводу, что у Вашингтона мало шансов на то, что уровень преступности, порожденной наркоманией, будет снижен. Наркотики содействуют преступности двумя путями: во-первых, употребление, изготовление, сбыт и ввоз наркотиков — преступления сами по себе; во-вторых, наркоманы, чтобы заполучить очередную дозу зелья, способны на любые преступления.

Между тем борьба с торговцами зельем неэффективна. По данным федеральных властей, ежегодно на американский рынок поступает до 50 тонн кокаина, в руки же полиции в 1981 году попало лишь 2 тонны и всего 2—5 процентов героина, предназначенного для США.

Если «золотой азиатский треугольник» (район, расположенный на стыке границ между Таиландом, Лаосом и Бирмой) считается одной из сырьевых баз мирового рынка наркотиков, то Сицилия — это его кухня. Здесь неочищенный опиум, поступающий в Палермо, Мессину и Катанию, перерабатывается в героин, который затем переправляется в Нью-Йорк и Гамбург. Один итальянский журналист точно подметил недавно, что для Сицилии героин значит то же, что для Турина — производство автомобилей.

Мафия крепко держит в своих руках американский рынок. Ведь прибыли огромны. Стоимость героина, например, на пути из Ливана через Сицилию в США резко увеличивается. Килограмм мор-

фия в Бейруте стоит 1000 долларов. Итальянская мафия перерабатывает его в чистый героин и продает американской «Коза ностра» уже по 22 тысячи долларов за килограмм. В США тот же килограмм этого наркотика достигает цены 225 тысяч долларов.

За последнее время превратился в крупного поставщика наркотиков на черные рынки США и Западной Европы Пакистан. Военный режим Исламабада не принимает действенных мер к борьбе с преступным бизнесом. В контрабандную торговлю наркотиками широко вовлечены и главарь афганских контрреволюционеров, оккупировавших территорию Пакистана. Средства, получаемые от нелегального вывоза наркотиков, используются для финансирования непрекращающихся бандитских вылазок басмачей в Афганистан.

Еще один мировой центр производства «белой смерти» — Боливия. По словам специалистов, здесь те, кто живет за счет торговли наркотиками, «представляют государство в государстве». Три года назад именно кокаин дал название последнему по счету военному перевороту в стране. Кокаин приносит стране вдвое больше валюты, чем весь ее экспорт в целом. Особенно преуспел в этом деле военный преступник Клаус Барбье Альтман, выданный новыми боливийскими властями по требованию Франции.

О доходах боливийской мафии говорит такой факт: «кокаиновый король» Роберто Суарес, действующий в департаменте Бени, опубликовал в конце 1982 года в боливийской печати открытое письмо президенту Р. Рейгану, в котором он предложил в обмен на свободу своего сына, который сидит в американской тюрьме за распространение наркотиков, выплатить весь внешний долг Боливии (3,8 миллиарда долларов!).

Еще одна страна, попавшая во власть торговцев наркотиками, — Колумбия. Масштабы подпольного бизнеса, связанного с производством наркотиков, здесь, по подсчетам, практически таковы, как и всей легальной экономики в целом. В интервью журналу «Ньюсунк» президент страны Б. Бетанкур прямо заявил, что «возделывание культур, из которых получают наркотики, в Колумбии никогда бы так не процветало, если бы мы не имели такого хорошего покупателя в лице Соединенных Штатов. Вопрос следует поставить так: можно ли добиться, чтобы Соединенные Штаты сократили у себя масштабы потребления наркотиков?»

НАРКОТИКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Осенью 1982 года президент Р. Рейган, выступая в Майами (штат Флорида, который считается «столицей наркотиков»), заявил: «...наша цель заключается в том, чтобы сломить власть преступных банд в Америке — и ничуть не меньше. Мы хотим положить конец их прибылям, отправить за тюремную решетку их членов и парализовать их организацию».

Ну что ж, эту цель вполне можно было бы приветствовать, если бы она соответствовала действительному намерению Вашингтона. Нельзя, конечно, сказать, что в США не ведется никакой борьбы с «белой смертью». Конфискованных наркотиков в полицейских участках скопилось столько, что их стали сжигать в топках теплостанций. Однако это лишь десятая часть того, что проникает в Америку. Каждую ночь на территорию Соединенных Штатов тайно совершают посадку в среднем 80 самолетов с «белой мухой». «Наркотики на берег доставляют в чем угодно, разве

что не в ваннах,— заявил Дуг Моррис, служащий морского патруля в Южной Флориде.— Однажды контрабандисты загрузили кокаином летающую модель самолета с дистанционным управлением и, запустив ее с судна в открытом море, посадили на пляже».

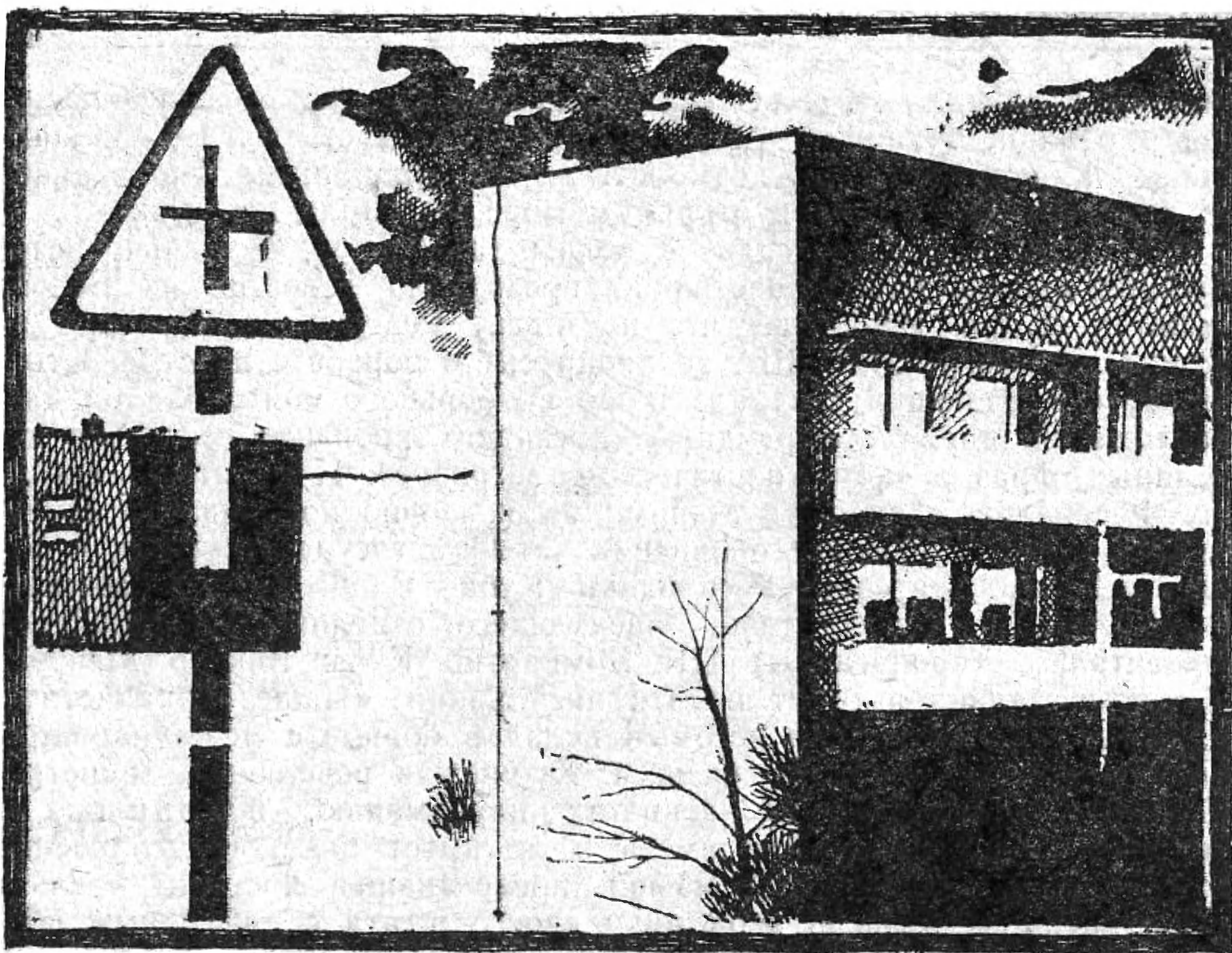
На фоне этой колоссальной волны наркотиков, буквально затопившей страну, довольно странно прозвучало известие из Белого дома в начале 1983 года, что президент Рейган наложил вето на принятый конгрессом США законопроект о борьбе с преступностью, предусматривающий создание Бюро по борьбе с контрабандой наркотиков. В порядке оправдания президент произнес несколько туманных фраз о «коммунистическом заговоре». И по этому сигналу Федеральным судом в Майами были заочно предъявлены совершенно дикие и нелепые обвинения четырем государственным и общественным деятелям Республики Куба. В интервью советским журналистам заместитель заведующего отделом революционной ориентации (пропаганды) ЦК Компартии Кубы Виктор Мануэль Гонсалес заявил в ответ на эти инсинуации: «Наше социалистическое государство внесло весомый вклад в борьбу с международными центрами преступного бизнеса. Кубинская революция, запретившая в первых же своих декретах наркоманию, проституцию и азартные игры, не может иметь и не имеет никакого отношения к заправилам флоридской мафии, превратившей доставку «зелья» в крупнейшую отрасль экономики своего штата с ежегодным оборотом в двенадцать миллиардов долларов... Начиная с 1970 года за нелегальный провоз наркотиков кубинские органы безопасности задержали 36 судов и 21 самолет. Из общей численности «трудившихся» на них экипажей в 230 человек 77 — граждане США».

По-настоящему жестко и надежно перекрыли все проложенные тропы международной контрабанды наркотиками только социалистические страны. Население Западной Европы должно быть бесконечно благодарно таможенным и пограничным службам этих стран, конфискующим немало переправляемых на Запад транзитом наркотических ядов.

Взять хотя бы такую страну, как Болгария. За последние десять лет было раскрыто 900 случаев транзитной контрабанды наркотиков через НРБ, изъято более 24 тысяч килограммов опиума и его производных. Не имея собственных проблем в этой области, Болгария стала инициатором и организатором первых двух международных таможенных конференций по сотрудничеству в борьбе с контрабандой наркотиками.

Такой же вклад в общечеловеческую проблему борьбы с наркотиками вносят СССР и другие страны социалистического содружества. И, главное, политика стран социализма направлена на то, чтобы избавить человечество от неуверенности в завтрашнем дне, спасти его от ядерной угрозы, страх перед которой толкает немало людей на Западе в руки торговцев наркотиками.

Коллаж Н. Щербакова.

Андрей МОЛЧАНОВ

ПЕРЕКРЕСТОК ДЛЯ ТРОИХ

ПОВЕСТЬ

Хорошо известно, что за каждым правонарушением, преступлением стоят условия, этому способствующие. Они коренятся прежде всего в нравственных дефектах личности.

Вещизм, иждивенчество, психология потребительства — с этими понятиями мы, юристы, сталкиваемся каждодневно, лицом к лицу, в осязаемом, материализованном виде. И вид этот не может не тревожить душу.

У явлений подобного рода одна общая основа — бездуховность. Ее художественному осмыслению посвящена повесть Андрея Молчанова «Перекресток для троих». Бездуховность как способ существования. Не жизни, существования. И они существуют: журналист Крохин, актриса Осипова и инженер Егоров — персонажи повести.

Суррогат, фальшь, подобие. Подобие отношений, подобие чувств, подобие творчества. Крохин что-то пишет — впопыхах. Осипова что-то играет — наружностью, Егоров мечется в поисках денег — любыми путями!

Один обманывает жену, другая обманывает мужа, третий обманывает всех и вся. А в конечном счете обманывают они самих себя. В погоне за сиюминутным, в суете и мельтешении быта, в меркантильных заботах о дне сегодняшнем некогда да и страшновато заглянуть в завтра. Возникают, конечно, и тревожные мысли. Нет-нет, да и прорвется недовольство своим состоянием. Но это так, скорее для проверки совести: осталось ли, сохранилось ли что-то дающее право считать себя человеком! Посыплют голову пеплом на бегу, второпях и — дальше. Но куда!

Повесть А. Молчанова заставляет задуматься. Задуматься об истинных и ложных человеческих ценностях, о тех последствиях, к которым приводят уступки своим слабостям, компромиссы с нравственными принципами.

Г. Ф. ПОЛОЗОВ,
помощник Генерального
прокурора СССР

Игорь ЕГОРОВ

Проснулся я рано, хотя впервые за последние полтора года мог спать до «каких влезет». Но я торопился жить. Те, кто был в армии, поймут меня без труда. Я встал. Мягкая подушка, мягкое одеяло... Блаженство. Даже госпиталь ни в какое сравнение не идет, хотя больничная кровать после казарменной попервоначалу мне тоже показалась вроде райского ложа. В госпиталь тогда я угодил по собственной дурости: врач, инспектировавший нашу роту, спросил, щупая мой живот: «Жалоб нет?» Я сказал, по-моему, шутки ради, что болит в левом боку. «Часто?» «Часто».

Короче, угодил в госпиталь. На обследование. С подозрением на хроническую дизентерию. Диагноз я опротестовывал, но мне приказали не рыпаться и уехали в инфекционное отделение. Месяц сидел под замком. Уколы. Лекарства. Тоска. Если бы не медсестра, вообще бы увял от скуки. Только медсестра верила, что я здоров. Потом сообщили, что вылечили, и отправили для дальнейшего прохождения службы. Но это дела минувшие...

Я долго стоял у окна, созерцая с десятого этажа панораму родного микрорайона: однообразную пустыню серых коробок зданий и хилых саженцев. Затем перевел взгляд на стул: там висела новая темно-синяя рубашка, поверх нее рыжие, в мелкий рубчик вельветовые штаны, поверх штанов пушистые, сшитые концами носки — все новое. Это постаралась маман. Маман моя — прелесть. Да и папаша нормальный мужик. Оба переводчики. Мать — с английского и на английский, отец — то же самое, только по-испански.

Вспомнился вчерашний вечер, встреча: ах, поцелун, праздничный стол. Папашины наставления, недоверчивый взгляд его поверх очков: ты должен чего-то такое... короче, чтоб не пришлось краснеть, прочая ерунда... Он меня всю жизнь наставлял на путь истинный. И вроде наставлял: окончил я вечернее отделение радиофака, стал инженером, отслужил армию, и главным вопросом для меня теперь был вопрос трудоустройства. Идти на прежнее место работы не хотелось; необходима была перемена; вообще после армии

* Журнальный вариант.

влекло к жизни новой, но новая эта жизнь представлялась пока расплывчато. Что касается прошлого места службы, то было оно в принципе ничего: трудился в КБ, в лаборатории, проектирующей запоминающие устройства, то есть магнитофоны. Но, конечно, не те — для «Йес, сэр, ай кэн бугги-вугги» и монологов комиков, а для записи цифровой информации. Начальник у нас был демократ, коллектив дружный. Но!.. Папаня мой как-то выдал по этому поводу: пиши диссертацию. Ну да, совет слепого дальтонику. Во всем КБ — а это пятьсот человек — только семь кандидатов и один доктор. Доктор — директор. Остальные тоже шишки. Нет, безусловно, это можно: поставить себе цель стать шишкой, натянуть шоры — и вперед сквозь грозы и препоны к исполнению престижного желания. Но мне такое дело не по душе, хотя ничего не имею против целеустремленности, но считаю, все должно быть естественно. Без фанатизма и потуг. Короче, в настоящий момент я хотел интересной работы. Но где ее искать, не знал. И пошел в ванную.

Долго стоял под теплым душем. Балдел от сознания того, что это сито над головой теперь банальное удобство. Растерся. Взял бритву, воткнул штепсель в розетку; дух, именуемый электричеством, мигом вселился в пластмассовую, обтекаемую коробочку и зажужжал, затрещал маленькими ножничками, освобождая меня от суточной щетины. Затем попил чайку, вяло думая о работе... О деньгах, вернее. От армейских остался червонец, еще червонец от щедрот родителей лежал под носом, прижатый хлебницей. До армии у меня имелось рублей триста, но эти сбережения я умудрился прогулять в неделю до призыва в ряды, с отчаяния, так сказать. Собственно, и не жалею, что пропил. Но, понятное дело, монеты эти сейчас бы не помешали. Повисеть на шее папаша-мамаша с недельку, конечно, не грех... но надо все-таки в срочном порядке определяться со службой. Не мальчик. Двадцать семь.

Покопавшись в шкафу, я отыскал шубейку, шапку; натянул на себя теплые шерстяные кальсоны, и это был грамотный поступок — зима прямо озверела: ртуть в градуснике за окном ежилась в районе цифры 40.

Пошел в гараж. Гараж — наследство от деда. Дед мой был жуткий автомобилист. Страстишкой своей он заразил и меня. Раньше мы вместе жили: дед, папаша, мамаша и я. Папаша и мамаша к автомобилям относились индифферентно — так, как к средству пе-

Андрей Алексеевич Молчанов родился в 1953 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Автор романа «Новый год в октябре» (сокращенный вариант в журнале «Юность» — №№ 1, 2 за 1983 год); повестей «Путь», «Первый из дней последних». По рассказам А. Молчанова снято несколько кинолент.

ремещения в пространстве без давки и не более, а я и дед ковылялись с машиной по полной программе. Да и отслужил я как водитель. Дед покойный завещал мне и машину. Машина по нашим временам — реликтовое чудовище. Марка — «Победа». Аппарат, безусловно, неказистый, но это танк с высокой степенью надежности, к нему хоть колесо от телеги ставь — все равно поедет.

Я перелез через железнодорожную насыпь — вдоль нее гуляла поземка и, проваливаясь по щиколотку в сухой, как порошок, снег, спустился к воротам гаражного кооператива. Снег возле моего бокса был расчищен. Это постарался папаня. Молодец.

Открыл замки. Реликтовый танк «Победа» тускло уставился на своего мучителя двумя глазами ветрового стекла, угловато разнесенного перегородкой. Папаня клялся, что каждые две недели проворачивал согласно моему завету коленвал и ухаживал за аккумулятором — заряжал и так далее. Он вообще-то в технике ни бум-бум.

Я накачал баллоны и снял машину с козел. Антифриз был в норме, масло тоже. Аккумулятор не дышал. То есть абсолютно: я даже накоротко замыкал клеммы — ничего, ни искорки. И сухой, как стеклянная банка с чердака. Кранты аккумулятора. Дозаряжался папаня!

Сел на стул. В гараже было тепло, сухо; пахло маслом и краской, «Победу» обволок изрядный слой пыли — будто машина только с Луны. Встреча с прошлым. Странность узнавания привычной сути его в новизне и неопределенности настоящего. Я вдруг остро и впервые до конца понял: вернулся.

Марина ОСИПОВА

Сварила кофе крепости убийственной — пить страшно. Пока этот яд остывает, смотрю в окно, вижу, как выскакивает из подъезда муж и, поднимая на ходу воротник, спешит к метро. Поторопиться ему не мешает: через полчаса начало утреннего спектакля. Вечером, когда муж вернется и, вероятно, так же будет сидеть у окна за чашкой кофе, в театр побегу я. Думаю: два года в одном театре и ни единого спектакля, где бы играли вместе. Что это? Принципиальное решение режиссера разобщить актерскую семью в процессе производства на благо искусства? Если так, то, может статься, режиссер прав. Трудно представить, как бы я и мой муж Саша были в состоянии сыграть, скажем, влюбленную пару (по пьесе, кстати, оно так и есть) после сегодняшнего утреннего скандала. Ненавижу скандалы. Утренние особенно, в них много от эмоций и мало от логики. Заспанные, вялые, с критической оценкой жизни (утро, оно мудрое, говорит пословица), мы вмиг находим повод для склоки, например: раковина набита немытой посудой — это моя вина; или сломана розетка, холодильник потек, продукты испортились — это вина мужа; и начинаем каркать друг на друга неприслушавшимися, сорванными голосами, припоминая прошлые обиды и недочеты — каждый свои обиды и недочеты другого. Генеральная схема! Отгремевший только что скандал основывался как раз на раковине.

Пью кофе, обретая ясность мышления и вместе с ним успокоенный вывод: все ерунда, ссориться, конечно, надо реже, но бескон-

фликтность тоже утопия; люди для конфликтов и созданы. Да и жизнь — вечный конфликт всего сущего между собой. Что же касается искусства, то достаточно того, что оно — отражение жизни. Ладно. В сторону философию. Мужа я люблю, он меня, кажется, тоже; остальное приложится.

С завтраком кончено, начинается операция под кодовым названием «зеркало и женщина». Слава богу, пока процедура эта особенного косметического искусства не требует. Пока. А что будет после? Вопрос, вгоняющий меня в уныние беспросветное. И обособившее. Беда во внешности, в том козыре, что, став битой картой, сведет всю мою игру к проигрышу разгромному. Имею в виду игру в театре, в кино, но подразумевается под ней жизнь. Моя жизнь. Вот, пожалуйста, конфликт. Красоты и течения времени, жизнь убивающего. Сегодня какое-то философское утро — в самом деле мудрое. Сплошные каламбуры.

Смотрюсь в зеркало. Ну, ничего так... Глазки, губки, овал лица... Редкостной красоты в себе не нахожу, хотя твердят, что красива я именно редкостно. Всерьез об этакой уникальной моей смазливости разговор зашел на киностудии, куда притащили меня прямо с дипломного спектакля. У них установка была: найти красавицу, и чтобы редкостную, и чтобы без дураков. И вот, стало быть, обнаружили. Повезло. В первую очередь повезло в общем-то мне, поскольку играла не красоточку и даже не редкостную красоточку, а ту большую роль, о коей отвлеченно мечтают актрисы в час тоски, зная, что так в жизни не везет. Итак, подфартило, был звездный миг славы: интервью, приглашение в театр, узнавание в глазах прохожих... Собственно, все это не в прошлом... Наоборот даже! Сейчас все видят во мне первую мою героиню. И много усматривать не желают. Что значит перестаралась. Теперь имеется ярлык: **характерная актриса**. Нет, предложений полно, но каких? Принцесса в фильме-сказке устроит? Нет, тогда прелестная мадемуазель в эпизоде сериала о веке минувшем. Не нравится это — еще три сценария: два о проблемах сельского хозяйства, один что-то в стиле «любовь—кровь» из конверта с эмблемой очень периферийной киностудии. Вывод прост и неутешителен: серьезные режиссеры заниматься мной не хотят. В театре наш главный мне напрямик сказал: «Не обижайся, Марина, но тебя я взял по принципу «авось сгодится». Одну роль дам, но считай, что в нее ты просто вписалась. У тебя изъян — слишком красива. Это называется: внешность актрисы. В прошлом веке тебе бы блистать, но сейчас иные критерии. Нужны живые люди. И чаще рожки нужнее, чем лица. Пойми, детка: ты можешь превосходить по внутренней своей глубине, если хочешь, десяток этих рож, взятых вкупе, но режиссеру морочки с тобой все равно однозначно больше. Так что так. Вот тебе роль, будь при деле: снимайся опять-таки и жди перемен. А лучше — ищи их». Словом, дальше твое личное горе. Ну, что ж, спасибо главному и на том. Спасибо за роль, спасибо за правду. Ждать перемен — это, я давно поняла, бесполезно; если их ждать, они всегда к худшему; а вот насчет того, чтобы искать, занятие перспективнее. Во всяком случае, попроситься на пробы в хороший фильм мне удалось. И, что примечательно, фильм комедийный. Если со своей физиономией прорвуе в комедию... держитесь, маловеры, за бока! Но это мечты. Конкуренты слишком сильны естественными или же откровенно комедийными признаками своей наружности, и по сравнению с ними шансы мои колеблются где-то

возле нуля. Смотрю на часы, и вдруг издалека доходит ошеломляющее воспоминание: радио! Вот-вот должно быть начало записи! Забыла! Ведь убьют же! Господи, как прав муж в своих претензиях относительно расхлябанности его дуры-жены! Надеваю дубленку, сапоги, запикиваю в сумку ключи, кошелек... Ах да, еще паспорт! Мелькает: радио. Киностудия. Магазины. Сетка где, черт?! Спектакль. Примирение с мужем. А посуду опять не успела... Поздно. Мчусь.

Владимир КРОХИН

Проснулся, и на меня неудержимо навалилась явь: звон будильника, безжалостная боль в висках, сонная одурь и сквозь её зыбкую кисею, наполненную тенями ускользящего сна,— аксессуары окружающего меня мира, а именно квартиры Сашки Козловского — писателя-сатирика-юмориста очень средней руки; квартиры, вмещавшей стандартное барахло типа шкафа, стола, телевизора и так далее. Кровати. На кровати, на сбившейся желтовато-серой простыне возлежал я — разбитый вчерашней вечеринкой. Состояние мое было близко к состоянию трупа. Я полагал, что легче умереть, чем встать. Но вставать было надо.

Я сунул ноги в сырые, холодные башмаки. Постепенно ко мне возвращались все пять присущих людям чувств и способность прогнозировать необходимые действия, хотя при мысли о физической сложности некоторых из них я испытывал тоску. Предметы приобрели четкие контуры, я уже различал пыль на мебели, осязал запахи, и они были неприятны: в атмосфере квартиры стоял и цвел букет трех перегаров — винного, табачного и чесночного. Дух этот был тяжел и плотен до удивления.

Из соседней комнаты слышался храп и горестные постанывания Козловского. Он еще спал, счастливчик.

Холодильник пустовал, если не считать сырых бифштексов-полуфабрикатов в целлофановой упаковке и пакета молока. Больше ничего. Я срезал тупым и сальным ножом уголок бумажного кулечка и осторожно глотнул... Тыфу, так я и знал! Проклятье! То, что было молоком, превратилось в вонючую творожную кашу. Я выплюнул ее в раковину. На кухонном столе нашлось два апельсина. Я выжал из одного апельсина сок в кружку и таким образом покончил с завтраком. Затем оттянул рычажок замка, вышел и тихонечко притворил дверь.

Морозище — жуть! Как в ледниковый период. В машине колотун.-Картер замерз наглухо. Три минуты заводилкой вращал коленвал. С похмелья дело это изнуряющее. Звон в голове, в ногах дрожанье...

В 13.00 у нас в редакции планерка. До 13.00 я, зав. отделом сатиры и юмора, принимаю авторов. Газета наша небольшая, молодежная, но «чайников» ходит — страшное дело. Сначала с ними было забавно, теперь осточертело. Благо, ввели пропускную систему.

11.00. Кто-то дергает ручку двери. Открываю дверь.

Некто Персерберг. Литературный псевдоним: Перов-Серов. Старый афоризматик. Сед, лик лунообразен, нижняя челюсть бульдожья. Личность по сути своей мне неясная. Человеку за шестьде-

сят. Что он сделал? Он пишет афоризмы в газеты. Только афоризмы. Всю жизнь. Мне жалко его. Жалко, вероятно, потому, что судьбу свою и профессию он принимает всерьез. Без убежденной веры на подобной стезе не удержишься. Этому человеку трудно сказать «нет». У него я беру все и уж потом только оправдываюсь главным: дескать, тот зарубил, а я что, я ни при чем.

Мы раскланиваемся, улыбаемся, острым, и я сажусь читать его опусы.

«Если тигр съел твоего врага, это не значит, что он стал твоим другом». Это пойдет.

«За одного битого двум небитым дали срок». Это туфта.

Следующие восемь штук тоже весьма посредственные.

— Неплохо,— сухо, но уважительно говорю я и кладу листок в ящик стола.

Мы раскланиваемся, улыбаемся, острым, и он удаляется, открывая дверь задом.

Я достаю листок и вычеркиваю девять перлов. Остается один, про тигра. Для воскресной подборки «Подумал и рек» нужно минимум пять. Ничего, время еще есть. А сатириков — их извечно с избытком. Почему-то ни одного телефонного звонка... Ах да! Втыкаю шнур в розетку. Телефон звонит. И сразу сумятица мыслей: «Жена?! Для нее вот уже два дня как я нахожусь в командировке и, по идее, должен находиться еще день... Ладно. Оправдаемся внезапным приездом».

— Старик,— сипит Козловский,— Ты в норме?

— Уже,— говорю я, глядя, как входит девочка из отдела писем и кладет мне на стол пачку конвертов.

— Как мой рассказец? Прочел?

Вчера, когда мы уезжали веселиться, а уезжали мы прямо из редакции, он положил рассказ мне на стол. Да, рассказ здесь. А. Козловский. «Правда жизни». Бумага желтая, низкого качества. Второй экземпляр. Первый путешествует наудачу по другим редакциям.

— Предложим,— говорю я неопределенно.

— Планерки не будет,— воспользовавшись паузой, шепотом вступает девочка из писем.— У главного умерла мать.

Передо мной возникает образ главного почему-то со свирепой, багровой физиономией, и с полсекунды я постигаю обрушившееся на него несчастье. Образ покойной мамы выходит у меня некоей старухой в черном, похожей на богомолку.

Я понимающе киваю, и девочка уходит.

Теперь звоню я. В комедийное объединение. У меня снимается фильм. Это большая удача, большие деньги, и все мне завидуют. К телефону никто не подходит. Я кладу трубку, достаю ножницы и начинаю подравнивать ногти. Пальцы у меня дрожат. Делать нечего. Может, позвонить жене? Приехал, мол, то-се... Но вспоминаю тещу и решаю свой отдых продлить. Расстранваюсь. Какая чушь! Вру, изворачиваюсь, живу, как подонок, боюсь телефона и ради чего? Радн трех дней, проведенных вдали от семейного очага? Тогда к чему же... Стоп! Я замираю на краю пропасти дальнейших своих размышлений и отступаю от этого ее края. Потом. Из командировки я прибываю завтра, и завтрашним днем омрачать безмятежность сегодняшнего не стоит.

Игорь ЕГОРОВ

Пахнуло морозом. Дверь гаража раскрылась, на пороге стоял тип в ватнике, далее — несмотря на жестокие погодные условия — в кавказской мохнатой кепке и замасленных расклешенных брюках.

— Здорово, хозяин! — молвил он деловито. Протянул руку, представлялся: — Эдуард.

— Игорь, — ответил я на рукопожатие.

Эдуард расстегнул ватник. Вдохнул, разглядывая машину. Я рассматривал Эдуарда. Это был человек с прекрасно развитой грудной клеткой и, судя по всему, бицепсами; скуластым, цыганистым лицом деревенского красавца; с наглыми, всезнающими глазами. Тут надо сказать, что я остро чувствую людей. И сразу понимаю, кто передо мной. Ошибаюсь редко. Сейчас передо мной стоял жулик. Мелкий, изрядно битый судьбой и жизнью, но неунывающий. Сидевший, точно.

— «Победа», значит, — произнес Эдуард, закуривая и опуская лапу на пыльный капот. — Крылья нужны?

— Аккумулятор, — сказал я рассеянно. — Можешь?

— Четвертной, — последовал незамедлительный ответ. — Новье... Блеск! Кру-тит... — И Эдуард всем лицом и туловищем изобразил восхищение по поводу того, как аккумулятор крутит.

Я показал десятирублевку.

— Чи-иво?! — Собеседник срочно застегнул ватник. Поправил кепку. — Издеваешься? Новье, аккумулятор...

— Ладно. — Я бросил купюру на капот. — И еще пять за мной. Эдуард поемотрел на деньги, такие реальные. Скривился, соя в размышлении. Сказал:

— Если б душа не горела...

Пока раскошегаривался движок, превращая гараж в газовую камеру, я стоял у входа, наблюдая, как плечистая фигура Эдуарда вразвалочку, загребая снег штанинами, удаляется в неизвестном направлении с моим червонцем. Этого кадра здесь раньше не было.

Мимо проехала «Волга». Затем остановилась и, юзя облепленными снегом колесами, дала обратный ход. Я увидел Мишку. Мишка — старый приятель. Раньше работал шофером в нашем КБ.

— Привет! — В голосе его звучала задорная радость.

Я тоже расплылся. Парень он отличный. С юмором. Таких люблю. Поэтому с чистосердечной улыбкой я вглядывался в его конопатую, бледную физиономию (он рыжий, как бульдог) и тряс худую, нешоферскую руку.

— Отслужил?

— Первый день. Сейчас в военкомат... — доложил я, кивнув на раскрытый бокс, где в клубах дыма рокотал мой танк.

— Выруби, — посоветовал Михаил. — У меня два часа свободы, подвезу. Поговорим...

Мы уже приготовились зацепиться языками, но тут возле нас чертом возник Эдуард.

— Привез? — мрачно спросил он у Мишки.

Тот открыл багажник, вытащил заднее крыло «Москвича».

— Ну, мы в расчете? — уточнил Эдуард, косясь на меня.

Мишка кивнул, и Эдуард, сунув крыло под мышку, вновь отбыл по странным своим делам. Страдая от вредных выхлопных газов, я запер гараж и уселся в «Волгу». Спросил, имея в виду Эдуарда:

— Кто такой?

Михаил крутился на пяточке между гаражами — разворачивался. — Эдик? — Он дернул щекой в ухмылке. — Инвалид! С желудком у него чего-то такое... Сторож в кооперативе. Мастер на все руки. Прием любых заказов. Спереть, достать, продать; берется за любые работы: надо — машину покрасит, надо — двигун переберет... Все умеет, и все чужими руками. Живет на комиссионных. Володьку Крохина знаешь? Из газеты? Через два бокса от тебя? Он хорошо сказал. Эд, сказал, бездельник, но человек деловой. С деньгами-то у тебя как?

— Сел пароход на мель.

— Во, — озадачился Мишка. — И у меня тоже. Я тут жениться задумал. Ну, сразу куча проблем. Во-первых, с жильем... (Мишка жил за городом в деревне.)

— С жильем у меня тоже, — вздохнул я.

— Слушай ты... по-английски волок ведь... — Михаил помедлил. — Я сейчас в «Интуристе». Вожу всяких...

— Не тяни душу.

— Ну, в общем, так, — отважился он. — Прошное лето наведаясь я к бабке. Под Архангельск. В деревню. Короче, пособирали на досуге иконки. Шастал по всей округе. Чердаки, избы заколоченные... Итог: имеется два мешка, а что с ними делать... Доски трухлявые, ни фиги не разобрать — одна чернота... И...

— И дерзкий замысел родился в твоей бедовой голове, — закончил я. — Смотри... Бедовые головы, их, знаешь, наголо любят стричь.

— Дык ведь... такова се ля ви, как говорят французы, изучающие русский язык, — грустно отшутился Михаил. — Дом надо строить. А на машине: что налево сшибешь, то и уйдет — не заметишь.

Возникла пауза, заполненная ровным гулом мотора.

— Ну и чего думаешь? — спросил я, проникаясь идеей.

— Я думаю! — сказал Михаил с тоской. — Толку! Доски расчищать надо, а это реставратор... где он? Потом язык — ни хрена же не сообщают, как глухонемой...

Я поразмыслил. Один художник, впрочем, может, и не художник, а как раз реставратор — в тонкости его специализации я не вникал, был мне известен. Олег. Школьный дружок. До армии мы с ним встречались в его мастерской: пили водку среди скульптур и живописи. Но возьмется ли он за иконы?

— С реставратором уладим, — сказал я. — Язык тоже... подвешен. А вот клиент — это уж...

— Клиент — что? — Мишка рулил, напряженно смотря на дорогу. — Клиент будет. Как бы все остальное утрясти... Знаешь, заежай вечером... Сегодня. И решим. — Он остановил машину у военкомата. — Жду?

Я кинулся к дежурному: так и так, прибыл...

— С двух часов, — донесся ответ.

— С двух часов, — сказал я Мишке. — Попали!

— Ну это... я не... — развел он руками. — Работа. А может, ты завтра? Не обязательно же сегодня?

— Обязательно сегодня, — сказал я. Мне в самом деле хотелось устроить этот вопрос именно сегодня и навсегда.

— Тогда... вечером, — сказал Мишка. — Часов в семь...

Синеватый дымок поплыл из выхлопной трубы, оранжево мигнул сигнал поворота, «Волга» круто развернулась и, юркнув в просвет между спешащими автомобилями, затерялась в их потоке.

А я остался. В одиночестве пустого ожидания. Подъехал троллейбус. Кто выйдет из дверей первым? Я загадал: если кто-то такой, ну... приятной, скажем, наружности — все будет нормально. Сам не знаю, кого бы я хотел увидеть и что именно подразумевал под этим «все будет нормально». Двери, скрипя створками, распахнулись. С передней и с задней площадки одновременно и, я бы сказал, синхронно, вышли два старикана. Оба с палочками. Один хромотал на левую ногу, другой — на правую. Столь же синхронно они поковыляли в разные стороны. Непонятное знамение...

Марина ОСИПОВА

Вскочила в вагон метро, и тут же кто-то довольно настойчиво потянул меня за рукав. Обернулась. Мой первый муж. Вот встреча...

Честное слово, обрадовалась. Да и он тоже. Ну, а почему бы и нет, действительно? Да, развелись, не сложилось, но не смотреть же из-за этого друг на друга буками? — тем более, не чужие ведь... Но все-таки грустно. Говорили, улыбались, но как бы через прозрачную перегородку. Прошлое нас связывает, но настоящее разъединяет. У него семья, дочь. Странно, я ревную, идиотка... Две остановки, и вот он выходит, коснувшись моего локтя, теряется в толпе, а я все еще вижу перед собой его лицо, печально бодрящегося в улыбке глаза... Увидимся ли мы еще? Поезд уносится в черноту, в стекле вагона — серые силовые кабели и отражения людей. Смутно как-то... Он любит меня. Я знаю — любит. Но это потеряно, это кончено, это там — вдалеке пережитого. Возникает дурацкая мысль: что будет в душе одного из нас, когда он узнает о смерти другого? Какая дрянь лезет в голову! А все же?... Нет, лучше об этом не думать. Забыть. Но не забудешь ведь. Человек жив прошлым своим. Спыхватываюсь; не спросила, как его родители...

И вспоминаю день нашего разрыва. Внешне прелестный денек. Солнышко. Гудят фонтаны. Мы идем по аллее посольства — оранжевый песочек, пальмы, кустарники в кровавых и сиреневых цветах, кактусы... Африка. Муж идет. Свекровь. Свекор. Противные слова, что-то в них огородно-неудобоваримое... Иду я. Муж здесь работает, а я и родители его здесь в гостях. Вчера прилетели.

— Марина, деточка, — говорит свекровь, — пойми меня как мать. Он, — это она про моего мужа, — не в силах так жить. Ты — там, он — здесь. Вам надо определиться. От этого зависит его карьера. А ты жена, и главное для тебя — интересы мужа. Они составляют весь смысл нашей... женской судьбы, поверь! — Последнее звучит с пафосом. Я ей не верю. — Твое актерство, — продолжает мама мужа горько и сладко одновременно. — Да, сейчас ты снимаешься, возможен успех... Но это несерьезно, это жалко в конце концов! Затем богемное окружение... разврат... — Ее полное, блаженное лицо под сенью панамы с декоративным цветком из блекло-голубой ленты идет безгловыми складками. — Ужасно! Ты все же жена дипломата. — Последнее слово произносится с благоговением. Она тоже жена дипломата. Ныне пенсионера.

Пенсионер-свекор — благородная борода, пенсне, лакированные штилеты с обрубленными носами — идет рядом, вздыхая.

— Это безответственно, Марина, — изрекает он, соглашаясь с суп-

ругой. Голос его солиден, цветист, в нем что-то определенно оперное. — Жить так... — Углы его губ опускаются, а плечи приподнимаются. — Потом в самом деле... эта шатия-братия...

Муж молчит. Он держит меня под руку. Он ведет себя дипломатично. Пальцы его напряжены. Он вмешается, когда будет последний, добивающий меня удар... Я озлобляюсь. Но стараюсь говорить корректно.

— Актеры, — говорю я корректно, — маленькие, беззащитные, ранимые люди. Но это искренние люди, как правило.

— Это подонки, как правило, — говорит свекор жестко.

Говорить корректно я уже не в состоянии.

— Ваше определение более справедливо к деятелям, вам, как правило, превозносимым, — говорю я.

Свекровь дергает головой, как испуганная лошадь.

— Прости, Мариночка, — шипит она с бархатным сарказмом, — но, к сожалению, твои родители не сумели внушить тебе ни такта, ни... правильного отношения к жизни.

— Не сумели. Зато ваши родители приложили все усилия, чтобы внушить вам, будто главное в женской судьбе — это карьера мужа, тряпки, машина... — Я перечисляю блага земные.

— Я попрошу!.. — оборачиваясь, нет ли свидетелей, говорит свекор. Пенсне и борода его прыгают от возмущения.

Свекровь, вдохновленная его единомыслием, закатывает глаза и изящным жестом прикладывает растопыренные, в кольцах, пальцы к области сердца. Актриса она никудышная, но муж мой, твердо и зло отстранив меня, спешит ей на помощь.

— Ты ничего не понимаешь, Марина, — произносит он с горечью. — И не хочешь понять!

Я вижу его озабоченное, расстроенное лицо, влажную сыпь пота на лбу; его глаза — в них холод и непонимание меня; понимание всех и непонимание меня; тогда я бросаюсь прочь и сознаю, уже убегая по аллее, что не убегу никуда, потому что бежать некуда и до того мгновения, когда я вырвусь наконец из этой страны, где чужое все, даже самый близкий человек и тот чужой, до того мгновения еще придется вынести уговоры, упреки, десятки обид — своих и опять-таки чужих; придется бесконечно решать то, что в общем-то решено...

Последнее, что я помню из того дня, — пальма на газоне, чей серый суставчатый ствол словно составлен из множества отполированных чашечек. Мне неудержимо хочется уткнуться в этот ствол лицом и заплакать. Но этого делать нельзя. И я этого не делаю. Я степенно направляюсь домой, отвечая на кивки каких-то незнакомых людей. Жалею я, что так все произошло? Сейчас, наверное, нет... Нет.

Владимир КРОХИН

В комедийное объединение дозваниваюсь и говорю с ассистентом режиссера. Только что, оказывается, завершены последние пробы. Мне называются фамилии актеров и актрис. Фамилия одной из актрис — Осипова заставляет меня в правильности выбора режиссера усомниться. Очаровательная женщина, эмоции вызывает положительные, но как актриса заурядна, а в амплу комедийного персонажа просто так неуместна. Ну да не все ли равно? Фильмишко

так или иначе скверен и пошл — дешевый, развлекательный воде-виль. Но это этап. Финансовый и в смысле имени. Связей, безус-ловно. Ну, а дальше посмотрим. Надо — я чувствую! — надо серьез-но писать, из меня может выйти поэт, и неплохой, но где взять время?! А так — все есть! И свой народ в приличных местах и... А, что там говорить!

Кручу телефонный диск, пробиваясь сквозь непрерывное «зая-то» к своему приятелю Сержику Трюфину. Он редактор на радио. — Сегодня вечером, старичок, — пыхтит Сержик, — твоя пере-дача будет в эфире. Как мои вирши?

Его вирши набраны, и я сообщаю, что его вирши набраны.

Мы страшно довольны друг другом.

Затем следуют визиты. В них принимают участие три автора и половина сотрудников редакции. Решаются сотни вопросов. Теле-фон бренчит, не переставая. Головная боль, вроде бы отступившая, возвращается, и я со страхом думаю, что вечером она дойдет меня до воя звериного. Некоторое время я терплю и сильно страдаю, но когда эта беда осложняется внезапной изжогой, иду в медпункт. Там мне оказывается неотложная помощь в виде таблетки пятир-чатки для устранения мигрени и в виде сочувствий по поводу из-жоги, ибо сода неделю как кончилась. Хватаясь за различные ста-ционарные предметы, я приползаю в буфет и, не сходя с места, выдуваю три бутылки лимонада. Становится еще хуже, поскольку общая мерзость моего состояния усугубляется от сладкого и холод-ного лимонада зубной болью. Болит дупло зуба, которое я соби-раюсь зашпаковать едва ли не год.

Качаясь и лязгая, как лихорадочный, зубами, я возвращаюсь к себе, запираю дверь и, с надеждой ожидая благотворного дей-ствия пятирчатки, просматриваю корреспонденцию. Очень хочется спать. Нет, такой жизнью я себя быстро угроблю. Соды бы где достать...

Игорь ЕГОРОВ

К Михаилу я прибыл под вечер. Шоссе, вдоль него — тонущая в сугробах деревня; свет, мерцающий в обледенелых окнах; чи-стый, выстуженный ветром с заснеженных полей воздух.

Михаил только отужинал. Жирные после еды губы, расстегну-тый ворот рубахи, меховая безрукавка... Сели пить чай. Я огляды-вал кухню. Крашенный деревянный пол, холодильник, в углу, на столике, — заботливо прикрытый чистой простынкой самогонный ап-парат Мишкиного отца, в вопросах выпивки большого специалиста и любителя.

— Во, — Мишка кивнул на мешок, втиснутый под стол с са-могонной аппаратурой. — Дотащишь?

Я выволок мешок на середину кухни. Пуд, не меньше. Затем обследовал наши сокровища. Трухлявые, искривленные дугой доски, сплошь изъеденные дровоточем, все черные, как сажой обмазаны, ничего не разобрать...

— Познакомился сегодня я с одним кадром, — оглянувшись на дверь, поведал Михаил. — Оттуда. По-русски сообщает. Ну, везу его, значит. Разговор. Спрашиваю: как вы, мол, к русской стари-не? Положительно, говорит. Ну, короче, без обнянков... Я, гово-

рит, математик, сюда приехал на месяц, так что если какие предложения — плиз, не стесняйся.

— С иностранцами, конечно... — выразил я сомнение.

— А с кем еще?! С нашими, с отечественными?! — завелся Михаил. — Коллекционерами! Да они или рвань, или Рублева им подавай. Да и надуют тебя наши-то, так надуют — шариком будешь. Один мне тут заломил цену: за мешок четвертной. Ха-ха! Да в этом мешке моих трудов... там уже столик торчит! А мне дом нужен. До-ом! — Он выразительно потряс руками. — Телевизор. Холодильник. Элементарные вещи, понял? Что предлагаешь — вкалывать, копить, недоедать? Это, знаешь, скорбная жизнь. Или левачить? Пробовал. Больше изнервничаешься. А потом чего тебе объяснять, у тебя то же самое.

— Пока не то же, — возразил я, — но...

— Но к этому мы неотвратно приблизимся, — закончил Михаил. — Не все же с мамой и с папой... Пиджачок-то, — он перегнулся через стол, брезгливо пощупал мой пиджак за плечо; затем, откинувшись, оценил все меня облачающее взглядом — тоже брезгливым, — мамочка, небось, сыночка одевает?

— Плохой пиджачок?

— Хороший. Камзол. В стиле ренессанс. Откуда, из исторического музея? Вкусы предков, чего там...

— Ну, почему, — забормотал я, вставая. — Вот маман штаны тут сообразила, вельветовые.

— Штаны сойдут, — подмигнул Михаил. — Узки только.

— Узки?! — Я, демонстрируя, сел. Что-то треснуло.

— Чего-то сзади, — констатировал товарищ. — Стрекошет, как у кузнечика.

— Ну, ладно, — оборвал я его, доедая кусок торта и вспоминая, что мать просила купить пирожных или конфет к чаю. — Иконы беру и пробую связаться с реставратором.

На этом разговор наш закончился. Я взвалил мешок за спину и, дубея от мороза, поплелся к остановке автобуса. По пути встретил Мишкиного папаню, судя по походке, перебравшего лишку. Папаня служил механиком в колхозном гараже.

— Кар-ртошка, — указуя на мешок, сказал он бессмысленно. — Пр-ромерзнет... — И попер дальше.

Совершенно очумевший от холода, заиндевелый, как лось, я с мешком все-таки заглянул в булочную. Выбил чек. Встал в очередь. За конфетами.

— Будьте добры, двести граммов «Вечернего звона», — сказала девица, стоявшая передо мной. — Или нет... лучше «Вдохновение» за три рубля.

Я, внятно хмыкнув, посмотрел на нее. И — обмер. И сразу влюбился. Насмерть. До упора. И понял: без нее теперь не прожить, она — все. Она была красива, да, но не просто красива: она была прекрасна каждой своей черточкой, каждым движением. Холодный блеск серых глаз, высокий лоб, беззащитный подбородок... Такой бы только в кино королев играть. Я стоял, не в силах пошевелиться. Наваждение какое-то.

Она взяла свое «Вдохновение» и, ни на кого не глядя, торопливо вышла. Продавщица выдернула чек из моей руки.

«Значит, живет где-то здесь... — соображал я. — Рядом».

Мешок я чуть не забыл в магазине. Я был в трансе, в шоке и вообще не в себе.

Пришел домой. Что-то отвечал родителям, думая о ней... Попил чайку. С конфетами. Потом уселись смотреть телевизор. Ну и — здравствуйте! Легкая оплеуха насмешливой моей судьбы. Непродолжительный нокдаун. С экрана на меня смотрело ее лицо. Крупным планом. Так, значит, актриса... Впрочем, чему удивляться? Такое добро зазря не пропадает. Но как же так? Только что в магазине... Может, ошибка? Я хотел, чтобы была ошибка, но нет, с ошибкой не получалось.

— Вот... женщина... — кивнув на экран, сказал папаша.

Я встал и пошел в свою комнату. Унижен и неутешен. Я был жалким, маленьким человечком, ничего не добившимся, ничего не имевшим, кроме разве горбатой «Победы» в кирпичном ящике стандартного гаража; обывателем, непонятно во имя чего и чем живущим; неудачником, и уж куда мне до нее...

Я презирал и жалел себя. Я был несчастен.

Владимир КРОХИН

К вечеру, когда я расправляюсь с последней рукописью, заполняя бланк отказа, входит еще один посетитель. Дубленка, мохеровый шарф, ондатровая шапка... Красноморд, толст и дышит носорожьем здоровьем. Кровь с коньяком.

— Из металлоремонта я, — сообщает мне басом. — Свиридов.

Вспоминаю. О нем был написан разгромный фельетон, но фельетон зарубил главный. То ли написано было небрежно, то ли не подошла тема... Короче, дела минувшие. Я механически достаю из стола папку. Да, фельетону каюк. Над заголовком «Сколько стоит ключ от квартиры?» — жирный минус.

Свиридов что-то лопочет. Доносится следующее: меры, мол, приняты, виноват — расправлюсь, давайте не будем. О том, что визит его сверхабсолютно напрасен, он не догадывается.

С какой-то торжественностью, а может, всего лишь с затаенной опаской он кладет на стол конверт. Это взятка. Интересно, сколько в конверте? Конверт большой и пухлый.

«И приступил к Нему искуститель... И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне».

Я смотрю куда-то мимо. Я произношу речь. Идея речи проста: чтоб больше такого... На стене — зеркало, и в нем я наблюдаю Свиридова в профиль. Его распирает чувство облегчения, уверенности в себе, в своем умении обращаться с людьми... Сейчас он, наверняка, приходит к пошлой мысли, что все продается и покупается. Он не прав. И когда-нибудь на этой своей уверенности попухнет. А может, и нет. Я беру конверт за краешек и кидая его на колени вsepонимающего человека из металлоремонта.

— Положение ваше, — подвожу итог, — отяготилось во многом и тем, что пришли вы сюда не с раскаянием в сердце, а со мздой в руке. Таким образом, целесообразность фельетона очевидна.

Секунду Свиридов сидит, выпучив глаза. Соображает. Затем встает и уходит, правда, вместо прощальных слов цедит матерные и хлопает дверью так, что она открывается вновь. Мелкое его хамство воспринимается мной холодно. Единственное о чем думаю — как убедить главного вернуться к материалу. Особой принципиаль-

ностью не отличаюсь, но слепо убежден, что граждан, подобных Свиридову, следует давить, как сытых клопов. Они — зло социальное, рождающее зло нравственное, что калечит бесчисленное множество людей слабых. Зараза.

Дверь открывается, и на пороге возникает Козловский. Рыжая борода, потертые джинсы, прожженная сигаретой синтетическая рубашка, пуловер в катышках свалявшейся шерсти...

— Салют! — Он садится на стол, прямо на свою рукопись. Ноги у него до отвращения тощие. — Какие на сегодня планы?

— Ммм? — говорю я, думая, что этот юморист сам по себе гораздо смешнее всех своих сочинений.

— В общем, так, — сообщает он. — Колька Панин приглашает к себе. Меня и тебя. Будут два эстрадника из Сибири. Нуждаются в сценарии концерта... Дело стоящее. С нас коньяк и сухое. Ты... при монетах? Я, понимаешь, поиздержался...

Колька Панин — зав. отделом на телевидении. Это сила грандиозного масштаба.

Я одеваюсь и запираю дверь на ключ. В этот момент звонит телефон. Мне представляется, что это — моя жена. Пока мы идем коридором и спускаемся в лифте, я что-то о ней думаю. Затем чистим снег с машины, прогреваем движок и, покуривая, слушаем мою передачку.

— Радио — большая воронка, — говорит Саша. — В этом его прелесть. Но платить там стали меньше, согласись, отец...

— Угу, — говорю я, думая, что сегодня надо попасть домой.

Я сознаю глупость такого желания, детально представляя, как вхожу, вру о командировке, цапаюсь за чаем с тещей, потом с женой — без этого ни дня не обходится, это закон; пробираюсь в потемках в комнату, где спит сын, целую его и ложусь спать. Все. Но почему-то хочу домой.

— Сегодня я должен попасть домой, — говорю я.

— Ну и попадешь, — вздыхает Саша, блаженно жмурясь от летящего в салон света фонарей. — Раз должен.

Снег идти перестал, и вечер синий-синий. Мы едем в магазин. Мне почему-то грустно. Даже пусто как-то. Приемник докладывает последние новости. Завтра ожидается усиление мороза. Ночью до минус сорока пяти! С ума сойти! Я думаю о возвращении домой, о лысых покрывах, о долге за гаражный кооператив и еще о разной житейской дребедени, настойчиво отвлекающей нас от главного. Козловский застывшими глазами смотрит на дорогу. Говорить нам не о чем. Но все же на светофоре он высказывается.

— День прошел, — говорит он.

Я жму на акселератор.

Выхлоп из машины, как пар из чайника. Это сравнение я вставляю в какой-нибудь свой стих. Обязательно. Не забыть бы только.

Марина ОСИПОВА

Прощай, ушедший день! Ты был счастливым. Ты даровал мне много удач — больших и малых. Снимаюсь! До сих пор не верю, но это явь, это счастье, это жизнь! На радио отношение ко мне со стороны режиссера установилось превосходное, и пусть мизерное

это достижение — все-таки расходы на чулки оно мне обеспечивает. Далее — приятная встреча с главным в суете за кулисами. Парочка комплиментов и неуверенный намек на мою занятость в новом спектакле. Похоже, полоса застоя кончается. Но обольщаться вредно. Наконец, удачи быта. Успела в магазины и более того — повезло на две бараньи отбивные и апельсины.

Муж, встречающий меня на пороге, хмур. Мгновенно всплывает воспоминание о посуде в раковине, вслед за тем слышу шум воды... Так. Посуду муж помыл сам и потому сердит вдвойне. Но при взгляде на сумку суровость черт лица его смягчается.

— Сашок, — бормочу я умиленно, — извини, опаздывала... Спасибо тебе, лапусь.

— Спасибо, — ворчит он, доставая из сумки апельсин и тут же начиная очищать его от кожуры. — Одно и то же! Изо дня в день! Пойми, — начинается нотация, — у нас есть дом, и хозяйка дома — ты. Что, актриса, да? Тонкая духовная организация? Я, между прочим, тоже актер. И хочу сказать: дом есть дом. Место отдыха. Место, где в первую очередь должна быть чистота. И все элементы обывательщины, включая шлепанцы, коврики, простынки, занавески, чайник, прочую фигню... Причем в нормальном состоянии. Плинтус я присобачу, с телефоном разберусь, но кухня и белье — увольте!

— Саш, — отгоняю я начинающийся зуд съязвить, — меня берут в кинокомедию, представляешь?

— Поздравляю, — бросает он.

— Главный сказал, — стаскивая сапог, продолжаю делиться радостями, — что в новом спектакле...

— Да знаю, знаю, — звучит раздраженно. — Апельсины гнилые, черт! Ты что, не смотрела, чего берешь, что ли?

Ну, друг милый, ты охамел. Просто... слезы берут от обиды. Усталая, отстояла такую очередину... Да и вообще плевать ему на меня! Я принимаюся за стряпню.

— Марин! — доносится из комнаты примиренно. — Иди. Фильм. Ты играешь...

Ну вот! Быстренько накрываю сковородку крышкой и бегу к телевизору. Смотрим фильм.

— Знаешь, — мечтательно говорит муж, уже совсем отмякший, — у нас свое счастье — актерское. Так вот увидеть себя лет через двадцать... Молодыми. Не фото, не любительщина узкоплечная, а в полный рост... голос...

Я понимаю его. Я вижу себя ту, какой была шесть лет назад. Грустно. Такая молоденькая, миленькая девочка...

Мы сидим в кресле, обнявшись. Смотрим фильм...

— Ты... на ужин-то сегодня... что? — спохватывается муж.

Спыхватываюсь и я. На кухне — будто после взрыва гранаты со слезоточивым газом. Обжигаясь, откидываю на плиту горячую крышку со сковородки. Чад, яростное шипение... От отбивных остались два сморщенных угля и две коричневые кости.

— Может... яичницу? — спрашиваю робко.

Муж стискивает зубы, подбирая словечко покультурней, но и поувесистей. Я инстинктивно, готовясь к обороне, озлобляюсь. Почти по-утреннему.

— Ты... — начинает он,

Игорь ЕГОРОВ

На работу я устроился. По-моему, удачно, хотя специфику моей службы родители горячо не одобрили. Как же! Инженер, все такое и вдруг — в госстрахе! Впрочем, в госстрах я устроился инженером. Оценивать, насколько та или иная машина пострадала в аварии. Чем я руководствовался в своем выборе? Основной и единственный стимул был прост: деньги. Доходы мои высчитывались из соображений такого порядка: зарплата — но это муть — и все остальное, что приносило умелое обнаружение повреждений скрытого характера. Обнаружение обуславливалось субъективным фактором взаимопонимания между клиентом и мной, но так как взаимопонимание существовало постоянно, возможность заработать еще несколько зарплат без особенных нервных и физических перегрузок у меня определено была. В душе же новой своей профессией я был неудовлетворен. Виделась мне в ней ущербность и суетность, но тем не менее ничего иного делать не оставалось. Мне, как и Михаилу, жаждалось пошлого, мещанского, но остро необходимого: квартиры, машины и разного барахла.

До упора набив чмодан трухлявыми произведениями живописи и, уложив между ними бутылку «Пшеничной», я отправился к Олегу. В мастерскую. Дверь мне открыл бородатый мужик с помятой, тоскливой физиономией, в драной рубашке навывпуск; тренировочные штаны с лампасами, красная повязка на лбу... Узнать в этом типе того мальчика-брюнетика с полными розовыми щечками, что лет десять назад сидел со мной за партой, было затруднительно.

Расположились за столом, заляпанным высохшими кляксами краски. Я извлек бутылку. По тому, как оживились глаза давнего моего товарища, открылось, что на вопрос полечиться-отравиться ответ у него неизменно положительный. Рядом с «Пшеничной» тут же возникли банки с пивом, пук черемши, огромная сиреневая луковича, хлеб и плавленые сырки. Слепые глаза каких-то бюстов с классическими носами безучастно следили из всех углов за нашими приготовлениями.

— Ну, доволен ли ты своим пребыванием... в мире? — вытягивая зубами серединку из стебля черемши, спросил Олег низким, простуженным голосом. На полном серьезе спросил.

— Устроился вот на работу, — поделился я. — В госстрах. По автомобилям. Оценивать...

— Суета эти машины, — отозвался мой друг и крепче затянул узел странной своей повязки на затылке. Пояснил: — Насморк.

При чем тут насморк и эта тряпка на голове, я не понял, но промолчал. Выпили. Затем приступили к осмотру досок.

— Иконы старые, — монотонно констатировал Олег. — Кажется, интересные. Но надо чистить. — Он вытащил из заднего кармана штанов очки, надел их, выжидая, уставившись на меня. Оба стекла в очках были треснуты.

— Старик, — задушевно начал я. — Ты единственная надежда. — Питать надежды... — произнес он пусто, — суетно и опасно. — И снял очки.

Я насторожился, не узнавая своего друга. Были в нем некие ощутимые отклонения. Чувствовалось это в манерах, в интонации, в неподвижном взгляде глаз с широкими, бешено-спокойными зрачками...

— Ну так... вот,— продолжил я обтекаемо.— И сколько же... тут будет... с меня?

Олег задумался. Глубоко, аж лицо отвердело. В итоге сказал так:

— Работы много. Но мы друзья. Поставишь мне символическую бутылку...

— Символический ящик поставлю!

— Двойной ковчег,— взяв одну из икон, озадачился он.— И умолк, всматриваясь в черноту доски. Потом заявил: — Религия слабых.

Во всяких церковных вопросах я разбираюсь не так, чтобы очень, но ради поддержания беседы и вообще в силу зарождающегося профессионального интереса полюбопытствовал: дескать, почему же слабых?

— А что Христос? — прозвучал горький ответ.— Прекрасная сказка для измученного человечества. Нет, вера в Мессию — вера изверившихся. Отчаявшихся. Лично мне ближе буддизм. Собственно, и тут есть,— он прищурился, кривя губу и закрыв глаз,— элемент непротивления, но секта дзен... Ну, давай... это... — указал на бутылку.

Мы вновь приложились и вновь закусили.

— Йога и дзен-буддизм! — провозгласил Олег.— Вот философия, вот мудрость. Представь океан. Что наша жизнь, а? Волны, его постоянно меняющаяся поверхность. А над нами и под нами две бездны. Ты понимаешь? — Он встал, выпитив живот в расстегнутой рубашке без половины полагающихся на ней пуговиц, и зашагал вкруп меня, погруженный в раздумье.— Совершенно нет денег,— сказал неожиданно.

— А... — Я указал на скульптуры и занавешенные мешковиной мольберты.

— Жизнь во имя искусства,— сразу понял вопрос товарищ.— Авангард мой не ценится, а реализм у меня... да и не хочу! У тебя там нет... никаких моментов? В смысле никому там...

— Разве покрасить машину,— развел я руками.— Но пульверизатором, как понимаю, ты не владеешь...

И мы стали думать, как заработать деньги. Но предварительно я сходил в магазин за новой бутылкой.

— А если эту машину застраховать и... в столб?! — мрачно спросил приятель.

Я тут же объяснил, по какой причине подобное нерентабельно.

— А если посылку на тысячу застраховать,— не унимался тот.— И... ну... с... сухим льдом... ее, например?

Идея показалась мне красивой, но, так как предполагала официальное расследование, достаточно скользкой.

Думали еще, раз но и долго. В отступлениях мне было поведано кое-что о дзен-буддизме, об авангардизме, о спиритизме и парапсихологии. Рассказы друга о парапсихологии меня потрясли. При этом он клялся, что лично видел мужика, умеющего двигать стаканы усилием воли и наложением рук избавляющего расслабленных от насморков, астм и головных болей. Тут-то ко мне и пришла мыслишка... Заработать на этой самой психологии!

— Надо заработать... на телепатии! — сказал я.

— На псевдо?.. — уточнил Олег.

— Безусловно!

— Надо думать,— сказал мой друг и прямо со стула сполз на пол; лег, раскинув ноги в драных шлепанцах, из чьих прорех торчали пальцы с длинными коричневыми ногтями.— Гимнастика йогов,— пояснил, закрывая глаза.— Поза трупа. Представляешь птицей себя... орлом... парящим в небе. Ты... сиди...

Я сидел, размышляя. Товарищ мой явно тронулся на своих авангардистских штучках и всяких японо-индийских богах и религиях. Но это, в общем, меня не смущало. Во мне он вызывал грустный, болезненный интерес, какой обычно и вызывают всякие чудики, но надо отдать должное, что, помимо всех своих вывихнутостей, кое в чем он мыслил ясно, здраво, с учетом многих жизненных тонкостей, и дело с ним можно было иметь вполне.

Минут через пятнадцать Олег, сморкаясь и с хрустом разгибая суставы, встал.

— Полет закончен? — спросил я, кстати, заинтригованный.

— Вот что,— ословело, глядя в угол, сказал он.— Идея есть. Ты приходишь... куда-нибудь. Ну, ресторан... компания. Заводишь разговор. Парапсихология. Телепатия. Скептики, конечно. Ну, говоришь... есть знакомый, угадывает мысли на расстоянии. Не верят. Споришь. Сто рублей... Ну, вытаскиваешь колоду карт. Выбирайте. Тянут туза пик... к примеру. Ну, идешь к телефону, набираешь номер... Даешь трубку. Тот спрашивает: «Олега Сергеевича». Я говорю: «Да». Он: «У нас тут с вашим товарищем спор. Вы телепат...» Понимаешь? Я ломаюсь. Тот, естественно, настаивает: какую, мол, карту вытащил? Отвечаю: «Туз пик». Сто рублей. Ну, пополам...

— Ты чего? — не уяснил я.— В самом деле телепат?

— Я хочу достигнуть,— вдумчиво сказал Олег.— Йога дает много...

— Что-что?

— Путь к совершенству долг, но когда он пройден, дух может стать свободным от тела...

— Это... когда помрешь, что ли? — спросил я, разбегаясь в мыслях.

— Да нет же,— расстроился Олег от моего непонимания.— Ты можешь покинуть свою оболочку... ну... на час, потом вернуться... Свобода, ясно? Дух твой неограничен в перемещениях по Вселенной. Звезды, луна... Космические корабли! Ха-ха... Как жалко и нелепо все! Есть два пути к познанию. Познание через моторы, бензин, лекарства, книги и углубление в себя, раскрытие в себе вселенской силы, чья мощь... Ракеты... хе! Что тело? — Он погладил себя по загорелому волосатому животу.— Кокон! А дух — это прекрасная бабочка, и, покидая тело, она делает нас свободными истинно! Тут есть неувязки с буддизмом...

— Ну так... пасчет... — перебил я.

— А,— вспомнил Олег.— Значит, так. Олег Сергеевич — туз пик. Алексей Иванович — дама крестей. Короче, кого подзовешь к телефону. Отчество — масть, имя — карта.

В величайшем восхищении я потянулся к стакану, намереваясь выпить за светлую голову своего приятеля.

Но водки уже не было. Кончилась.

Владимир КРОХИН

Черные стволы, паутина ветвей на серо-голубом фоне зари... Гашу настольную лампу. Рассветные сумерки лилово ложатся на лист бумаги. Сажу, с озлоблением сочиняя «подводки» к радиопередачке, должной сегодня до полудня оказаться перед очами редактора. «Подводки» — это то, что слащавыми голосами повествуют ведущие в интервалах между рассказчиками, байками и песенками, передачку составляющими. Если рассказик, к примеру, содержит идейку труда и лени, как тот, что я выбрал сейчас, то предварительно и вскользь следует наметнуть, что речь пойдет о труде и противлении труду и последнее — плохо. При этом желательно, чтобы в «подводке» присутствовали репризочка, пословица или же краткое соображение по данному поводу некоего писателя, философа, что ценится порой дороже легкомысленной репризы. В шпаргалке, именуемой сборником «Крылатые слова», ничего подходящего не обнаруживается. Тогда, страдая от жуткого недосыпа, пытаюсь вспомнить что-либо сам. Из памяти ничего, кроме «Без труда... рыбку из пруда», не выуживается. Выхода нет, приходится прибегнуть к запрещенному, хотя и часто используемому мной приемчику. Досадуя на незначительность свою, цитату из классика выдумываю сам. Пишу так: «Плоды труда ярки и вкусны, плоды безделья пресны и бесцветны». Афоризм от края до края перенасыщен дидактикой, но сойдет. Таким образом, ведущий произнесет следующее: «Как заметил древний философ...» — ну и далее — сентенцию. Остается надеяться, что принуждать редакцию конкретизировать авторство этого перла радиослушатели просто поленятся. Ну-с, и последнее: «До свидания, друзья! До новых встреч!» Вроде бы все, свобода.

Домашние мои, судя по голосам из кухни, сопению чайника и хлопаяню дверцы холодильника, приступили к завтраку. Я достаю скрепку, зашпиливаю ею рукопись и, удовлетворенно потягиваясь, встаю из-за стола, думая, как удивительны превращения написанного мной в радиоволны, затем в почтовый перевод и, наконец, в деньги — великого законодателя метаморфоз. Взгляд мой падает на журнальный столик, где вижу пухлую папку с моими стихотворными публикациями за все десять лет творческой активности. Каким образом папка оказалась на столке, а не в книжных полках, где ее место, непонятно, однако, раскрывая ее, я уясняю суть моментально и пронзительно ясно. Жеваные, драные листы с наклеенными вырезками, сплошь покрытые той диковатой живописью, что по манере свойственна лишь абстракционистам и малолетним пако-стникам. Гнев поднимает веки мои; я срываюсь с места и через секунду тащу за ухо к папке свего наследника Коленьку. И — пошло-поехало! Рев, вот уже сын ткнулся в колени заступнице-теще, из кухни прискакала жена, явился, дожевывая бутерброд, тесть в пижамных брюках и драной майке... Все — негодующие. Детей бить нельзя, с детьми надо ласково, я не отец, а зверь, и далее — перечисление моих прежних грехов, с детским воспитанием связанных. Дитя, утерев сопли и уцепившись за надежный подол тещино халата, смотрело, как мне читают нотацию, — торжествующе-мстительно, что меня доконало вконец. Я вспыхнул, и в ту же минуту жена была дурой, теща тоже чем-то около этого, и скандал забушевал с открытым переходом на личности. Когда, собрав

запас сарказма, супруга отметила, что в действии ребенка был элемент истины, ибо вирши мои — бред, я быстренько оделся и вышел из дому. Черт возьми, дурацкое положение! Дурацкое, дурацкое... И все из-за квартиры! По закону площади хватает всем. Значит, на что-то отдельное рассчитывать не приходится. Правда, есть выход: кооператив. Но деньги? Размен? Чушь! Да и что, собственно, значат все эти варианты, перебираемые едва ли не каждодневно, если ни один из них не увлекает всерьез хотя бы потому, что жену я не люблю и понимаю, что разрыв с ней неминуем; только вот оттягиваю разрыв всячески не то из-за слабоволия своего, не то из-за сына, не то... Сплошная неопределенность! Во всем. А ведь тридцать лет. И в главном неопределенность — в работе, в творчестве. Все написанное, за исключением десятка стихов, — дрянь, од-нодневки, неправда...

Готовлюсь забраться в машину, но тут замечаю, что крышка багажника странным образом вздыблена... Заглядываю назад. Бампер расплюсчен и вдавлен в заднюю панель. Крыло съезжилось. Крышка багажника — горбом. Фонарь — вдребезги. Свежий снежок запорошил следы, однако понятно, что ночью здесь разворачивался грузовичок. Вызываю ГАИ. Составляется протокол. Машина застрахована, но инспектор, соболевая, говорит, что случай туманный и рассчитывать на возмещение расходов по ремонту за счет госстраха — вопрос и ответ. Затем застегивает планшет, рекомендуя до ремонта на машине по городу не выступать — иначе — до свиданья, номера! Но ехать мне надо — сегодня масса дел, и, уповав на трамвай, с ними не справишься. Я пускаю движок и некоторое время сижу, пригорюнившись. В довершение всех бед не хватает, чтобы зарубили таких мук стойкую передачку.

Стук в стекло. Сосед по этажу и сосед по гаражу — Игорь Егоров. Отношения у нас самые приятельские. В школьные годы, если верить жене, Игорек за ней что-то такое, волочился, одним словом. И, вероятно, зря он не продолжил это дело всерьез — сейчас бы я мог быть счастливым, кто знает?

Даю комментарий по ситуации, воспринимаемый им довольно равнодушно. Поначалу я уязвляюсь его черствостью, но затем общается, что ныне Игорь — служащий госстраха, причем по профилю, непосредственно меня волнующему, а именно по оценке аварий. Мне гарантируется полное возмещение убытков. Мы осматриваем скрытые повреждения, и первоначально намеченная сумма компенсации волшебным образом удваивается. Если пастроение человеческое и мое в частности измерять приборами, то стрелки их, заклиненные в нуле, резко бы поднялись вверх. Выходит, от аварии я не пострадал, а напротив. Благодетель-сосед доставляется мной в страховую контору, а сам я, скрываясь от постовых в потоке автотранспорта, следую на радио. Посередине проспекта торчит машина ГАИ, но инспектора внимания на меня не обращают, занимаясь другим бедолагами, сокрушениям топчущимися возле столкнувшихся «Жигулей». Один «Жигуль», как успеваю заметить, имеет номер серии МНИ, — в него и врезались, другой — МНУ. Этот казус выжимает из меня первую за день улыбочку. На радио беру пропуск в окошечке и поднимаюсь к Сержику Триюфину. Мы сразу идем в буфет, берем по чашечке кофе, обсуждаем, что придется; выкуриваем по паре сигарет на черной лестнице, где заодно и происходит читка моей передачи. Затем передачку просматривает шеф, и выносятся приговор: «пойдет». Шеф также ставит мне в вину, что пи-

шу я для них редко, а хотелось бы, чтобы почаще, я, глупо улыбаясь, приношу извинения и сматываюсь наконец. Нет, пока эта писанина не выела мозги и не испортила перо, надо кончать! Вообще газетчина и эстрада для художника — все равно что низкооктановый, экономичный бензинчик для двигателя, рассчитанного на высокую степень сжатия. И хотя на дешевом горючем движок тоже ничего, тянет, но рано-поздно заперется. Постоянно выгадывая на мелочах, всегда продешевишь в главном. Но движок-то ладно: железно, капремонт — и все дела, а вот если себя заперешь — хана; это, как говорится, восстановлению не подлежит.

Разворачиваюсь, пропуская мимо ушей свисток постового — не расслышал, дескать, и юлю переулками от возможного преследования в сторону института. Я студент последнего курса заочного отделения. Образование ввиду преклонности лет мне давно бы пора завершить, но на это всю жизнь не хватает времени. Сегодня день сдачи «хвостов». У меня «хвост» по зарубежной литературе. За прошлый год. «Хвост» единственный, но, коли сегодня от него не освобожусь, деканат примет суровые меры. Сказали — вплоть до исключения.

В аудитории пусто, если не считать одного маленького, худенького человечка в черном костюмчике, с благородными залысинами, испуганными, слезящимися глазками, почти прозрачными за толстенными стеклами очков в тонкой, возможно, что и золотой, оправе. Выясняется, что это преподаватель. Так! Беру билет и обреченно уясняю: влип. Знаний по предложенным вопросам не набирается и на балл. Я тихо грущу, представляя разговор с деканом. В этот момент появляется еще один преподаватель — благообразная старушечка в строгом похоронном платье, со строгим лицом и вообще крайне строгая. Старушечка усаживается в другом конце аудитории, веером раскладывает на столе перед собой билеты и, выпятив подбородок, замирает, как сфинкс. Дверь вновь открывается, но на этот раз входит не преподаватель, а такой же, как я, двоечник. На вид лет тридцать. Затертый свитер, затрапезные брючки, опухшее малиновое лицо и неудавшееся стремление выглядеть трезвым.

— Античную литературу... — бросает он хрипло и с вызовом. — Сюда?

Человечек, возможно, в золотых очках пугливо вздрагивает, а строгая старушечка призывно машет рукой и скрипит, что это, мол, к ней.

Нетвердо ступая, парень идет на зов, водит пятерней в воздухе и опускает ее на билеты, вытаскивая сразу три и столько же роняя на пол.

— Вам нужен один билет, — сообщает старушечка, и остальные ей возвращаются.

— Без-з подготовки! — говорит парень эффектно. — Плавт!

— Ну, — осторожно вступает старуха. — О чем же писал Плавт?

— Плавт... — студент, вытаращив глаза, обводит взглядом углы аудитории, размышляя, — писал... о туберкулезе.

Преподаватель моргает. Вернее, моргают оба преподавателя, причем так усиленно, будто переговариваются между собой некоей азбукой Морзе.

— Обоснуйте... — изумляется старуха.

— Зачем, — с тоской произносит допрашиваемый, — я стану рассказывать вам, такой... молодой, цветущей женщине о туберкулезе? Давайте лучше лирику почитаю.

Оцениваю обстановку. Кажется, самое время идти отвечать. Я подсаживаюсь к золотым очкам и начинаю сбивчивую речь. Экзаменатор мой, как и следует ожидать, слушает не меня, а диалог из другого конца аудитории.

— Лирику? — в испуге непонимания бормочет античная бабушка. — Какую? Древнюю?

— Са... фо! — доносится мечтательно. — Или нет... может, Мандельштама, а?

— Второй вопрос, — нагло говорю я.

— Да, да... — рассеянно кивают очки.

— Назовите хотя бы одно произведение Плавта! — Бабушка, похоже, начинает приходить в себя и, более того, начинает сердиться. Развязка близка.

Я мелю откровенную дичь, бросая взгляд на парня. Тот, двигая челюстью, думает...

— Ну, что писал Плавт? — слышится сзади настойчиво. — Стихи, прозу?

— Ну... и все, — быстренько произношу я и честно смотрю в очки.

— Послушайте, — хрипло говорит парень, тоже раздражаясь. — Вы меня спрашиваете так, будто я профессор!

Экзаменатор мой потерянными жестом берет зачетку и пишет в ней «хор».

— Вы меня извините, — начинает старушечья мелодраматически, но я уже не слушаю и, мысленно благодаря коллегу по беде, покидаю аудиторию. В теории я должен быть счастливым. Впереди защита диплома и некоторые формальности. Все. Затем долгожданное высшее образование, воплощенное в благоухающих типографией корочках. Вопрос только, что оно мне дало и дает? Я пишу стихи, а сочинять их можно и без диплома. Информация о литературе как о таковой мною в этих стенах получена, но особенной ценности в ней не нахожу. Писатель все-таки образовывается самостоятельно, а не с помощью лекций. Карьера меня не занимает. Короче, кончаю институт на всякий случай и ради престижной бумажки. Я застегиваю шубу и вижу, как по коридору идет спасший меня антиквеликомученик. По лицу его бродит бессмысленная улыбка. Он лезет в карман, достает зачетку, раскрывает ее и, удостоверившись, что оценка «уд» и подпись преподавателя на месте и это не приснилось, мотает головой от удивления, усталости и восторга...

— Отстрелялся? — вопрошаю я холодно.

— Это было такое! — сообщается мне со страстью и с нецензурными словами. — Теперь — стакан!

Интересно, а ради чего высшее образование получает этот вот друг изящной словесности? Спросить не спросишь, но все-таки любопытно.

Я сажусь в разбитую машину-труженицу и смотрю сквозь запорошенное поземкой стекло в пространство. Впереди куча всяких делюшек. Сейчас — на киностудию. Планируется что-то типа совещания, где я должен не то толкнуть речь, не то высказать пожелания актерам. Что им только желать? Чтобы придали своей вдохновенной игрой моей халтуре видимость искусства? Стоп, милый! А не проще ли, чем изощряться в самокритике, поступить так: не хочешь жить с женой — уходи; не нужен диплом — не учись; халтура опротивела — откажись от халтуры!

Я пускаю движок и держу курс на киностудию. Я думаю. О ремонте машины, о том, увижу ли кинозвезду Марину Осипову; думаю, что в принципе не так все и плохо складывается: диплом, считай, в кармане, а значит, есть возможность перебраться в ответственные секретари, коли принять всерьез обещание главного... Стихи? Дойдет и до них. Раскручусь вот маленько... Впереди ведь целая жизнь. Ну, ладно, половина ее. Все равно — проживем. Главное, без меланхолии. Утрясется. Заживет. Успеется. Жаль только, что жизнь у меня какая-то бессюжетная. У всех, кого ни возьми, — сюжетная, а у меня вот...

Марина ОСИПОВА

Ненависть, гадливость и разочарование — вот чувства, с какими я покидаю киностудию. Секрет моих удачных проб теперь не секрет: оказывается, дальновидный режиссер сумел разглядеть в актрисе Марине Осиповой перспективный образ своей новой любовницы. Противно до холодной судороги. Хам! Мерзкая, по брови заросшая обезьяна с узким лобиком, одетая цивилизацией и связями в красивые зарубежные тряпки, кое-что уяснившая в плане внешних приличий, кое в чем чудом поднаторевшая и после всего этого стремящаяся урвать банан пожирней, повкусней и чтоб не подавиться.

— Марина?

Передо мной автор сценария. Как его? Володя. Этот симпатичнее. Внешне по крайней мере. Мужчина, во всяком случае, а не просто мужского полу... Лицо грубоватое, резко очерченное, но красивое. Глаза прозрачно-злы, тоскливы, запойно-усталы, но честные глаза.

— Вот эта растерзанная машина, — продолжает он низким, над-рывным чуть голосом, — в состоянии доставить вас куда только потребуется. Кстати. Может, по чашечке кофе за знакомство?

Поскольку кафе на окраине и день пока лишь на переломе к вечеру, мы оказываемся среди пустыни белых скатертей. Официантка, приметив мое лицо, является немедленно, светясь доброжелательностью и готовностью всяческой. Официанты почему-то любят артистов. Вероятно, в наших профессиях много общего.

— Поесть, — говорит Володя, и тут же косой взгляд его срезает мои возражения. — Кофе. И... что у вас — портвейн-глинтвейн? Ясно. Бутылку шампанского.

Официантка, понимая улыбаясь, скрывается.

— Но я не пью, сегодня спектакль! — уверяю я, но он просто и дружески накрывает мою руку своей, перебивая: — Ты, кажется, подзадержалась у режиссера? И что же сказала тебе эта пантера?

— Н-ну...

— Уладим! — рубит он воздух ребром ладони.

Мы пьем шампанское. Я мигом косею. И предлагаю тост:

— За фильм!

— За тебя! — смеется он тоскливыми глазами. — За фильм мне несудбно. Даже перед собой. Я же, — иронически усмехается, — поэт. Стихами неизвестный, возможно, никчемный, потому как кто поэт — копеечной сатиркой не грешит, но все-таки имеющий опре-

деленные поползновения к творчеству, а не к халтуре, занимаюсь коей. За тебя! Он вскидывает бокал. В резной хрустальной грани дрожит фиолетовый зайчик.

— А чем творчество отличается от халтуры? — вопрошаю я. Люблю риторические вопросы. Порой на них получаешь удивительные ответы. Как правило, от умных. Но, случается, что и от дураков тоже.

— Творчество? — вздыхает Володя. — Это — самоутверждение через самопознание. И еще. Желание продлить жизнь. Ну, зацепиться в ней на подольше. А халтура — она без сверхзадачи. Нет?

— Да, — улыбаюсь я, не слишком, впрочем, и вдумываясь в его слова. Мне хмельно и приятно. Я отдыхаю. Редко встречаются мне люди, с кем отдыхаешь вот так, бездумно-весело.

Приятный парень. Не зануда. Дерганный только. Что-то его грызет. Но такие слабы и ненадежны лишь перед судом себя самого. И у других уверенности не занимают. Зато с кем угодно уверенностью этой поделаются.

Мы сидим, болтая о пустяках, пока не замечаю, что кафе — битком, в окне — синяя тушь и до спектакля полчаса.

— Спектакль! — ахаю я.

— Обсчитайте нас, пожалуйста, — мило шутит Володя с официанткой, и мы опрометью вылетаем к машине.

«Жигули» срываются с места так, что меня вдавливают в сиденье.

Когда до театра остается один квартал, а до спектакля еще пятнадцать минут, набираюсь духа, робко советуя:

— Время есть... Может, потише?

И тут же — милицейский свисток.

— Машина бита, водитель пьян, нарушение явное. — Он поворачивает ко мне ковбойское, озорное лицо. — Нон-стоп. Тут есть проезчик... Прямо к театру с тыла. Устроит?

Меня устроит все. Лишь бы благополучно... Мы скрываемся в переулке, но сзади взывает сирена, в спину упирается свет фар, и властный голос гремит из динамика:

— Водитель автомобиля номер ноль-пять-тридцать два...

— Уйдем, — говорит Вова беспечно и стонет от досады: — Переулок пересечен канавой. Свет фар сзади приближается, становясь нестерпимым.

— Ну, вот что, — гася фонари, решает он. — Сейчас у тебя будет разминка перед спектаклем. Мини-сценка. Мы влюбленные. Понимаешь?

Он обнимает меня, я машинально его, и мы целуемся. Расплывчато, в зеркальце, я вижу остановившуюся рядом машину, фигуру милиционера, пригнувшись, вглядывающегося в салон... Фигура стоит, смущенно переминаясь... Затем слышится шум мотора, и машина ГАИ отруливает назад, уезжая. Мы целуемся. Теперь я уже понимаю, что мы целуемся, и, самое ужасное, сознаю, что в поцелуе партнера по мини-сценке что-то уж очень мало от театрального... Я вырываюсь, говорю какие-то слова и с диким кавардаком мыслей в голове бегу к театру. Одна мысль, правда, достаточно отчетлива. И безумна. Он мне... нравится. Я вспоминаю о муже, я... О боже!

Игорь ЕГОРОВ

С маман я договорился сердечно и четко: сто рублей в месяц на жратву и стирку я даю, остальное — мое. Та, простодушно ориентуясь на мою зарплату, просила вдвое меньше, но я проявил благородство, так что родители остались довольны. И папаня, расчувствовавшись, что ли, сказал, что как ударник в состоянии купить списанную из такси «Волгу» и считает, что «Победу» мне пора сменить на более приличный и современный аппарат. Я не protestовал. Единственное, что родителей смущало: мой новый гардероб, приобретенный через порочные связи Михаила. Гардероб включал в себя джинсы «Ли», замшевый лапсердак, три симпатичные рубашки и также сундук типа «президент». Откуда, и что, и на какие деньги, я отмалчивался, хотя честнейший папаша, опутанный подозрениями, порывался прочесть мне нотацию. Но не удалось: я пребывал в режиме крайней занятости и домой прикапывал где-то за полночь. В частности, я задался глупейшей, но неотвязной идеей: во что бы то ни стало познакомиться с актрисой. Каким образом осуществить эту затею, было пока неясно. Встретить возле театра, сказать, что питаю чувства, и предложить руку и сердце — вариант идеалистический.

Жила моя возлюбленная, как выяснилось, недалеко — полчаса спортивной ходьбы, и ночью, на сон грядущий, в порядке полезного моциона, я приходил под ее окна или слонялся в подъезде по запыленным лестничным клеткам, замирая у той двери, за которой она... Возвращался, погруженный в печаль, поздно, а однажды что-то нашло — полночи там прошатался — аж внутренности промерзли, как у мороженой курицы. Коньяком отогревал. В общем, ситуация была безрадостной. Горе сплошное. И, как понимаю, в этих блужданиях и тупых мыслях под ее окнами заключалась на этом этапе вся моя духовная жизнь. Что касается материальных ценностей, создаваемых мною на пользу себе и без пользы обществу, дело шло. В конторе о левых доходах я помалкивал — только бы не попасться; иконы Олег выправил, а систему «туз бубей» — Иван Иванович мы разучили, как таблицу умножения, хотя от теории к практике покуда не переходили. Мастерство Олега я оценил по достоинству после реставрации религиозной живописи. Из ничего, из черной, в пыль рассыпавшейся древесной трухи он воссоздал крепенькие, выгнутые дугой доски, сиявшие красками, лаком — будто только с конвейера.

Доски, перебинтованные туалетной бумагой, легко уместились в просторном чреве портфеля «президент». Тайное свидание с иностранным представителем готовил Михаил. Встречу после некоторых колебаний решено было провести в гостинице, куда под шумок мы попали, примкнув к какой-то делегации. Скажу по-честному: когда я отправлялся на это randevu, то предварительно обожрался вальерьянки и от мыслей, что в любой момент нас могут застукать на этой афебрище, потел хуже, чем в бане, хотя морознице выдался зверский, а делегацию мы караулили час. В гостинице более или менее успокоился. Посмотрелся в зеркало, пока гардеробщица бежала за номерком, — ничего прибрахлился: замшевый пиджачок, бабочка, очки с золотистыми стеклами...

— К лифту! — шепнул Мишка и стукнул меня «президентом»

под зад.— Красавчик.— Изысканностью манер он, стервец, не отличался никогда.

Я стукнул в нужную дверь. Руки у меня были противно влажные. Хотелось домой, хотелось выпить на кухне чайку вприкуску с папиной проповедью... Дверь открылась. На меня уставился лысый очкастый тип лет сорока — маленький, верткий, в потертых джинсах с бахромой и в футболке; на босых ногах — тапочки типа турецких, с загнутыми мысками; бородаща лопатой; вообще волос на его физиономии было значительно больше, чем на голове.

— Мистер Кэмпбэлл? — спросил я с английским акцентом.

— Да, да... — Он высунул нос в коридор, шваркнул глазом в обе стороны и, убедившись, что коридор пуст, пропустил меня в комнату. Номерок был вполне сносный. Тахта, торшер, коврик, ваза с какими-то корявыми сучьями — икебана, что ли? — и два кресла столь завлекательной формы, что меня сразу же потянуло усесться в одно из них.

— Я... от нашего знакомого, — сказал я и как-то невольно закрахтел.

— Да-да, я знаю... Глазки у него невинно опустились. Чувствовалось, нервничал он не меньше моего — все время дергал себя за пальцы, и они у него мерзко хрустели.

— Э... — Я покосился на шортфель.

— Открыть, давай показать, — сказал он торопливо.

Я вытащил иконы, размотал бинты туалетной бумаги. Минут пять он обнюхивал доски, ковырял их когтем и изучал по-всякому, единственно — на зуб не попробовал.

— Николая, — сказал он, ткнув в Николая-угодника волосатым кривым мизинцем.

— Точно, — подтвердил я задушевно. — Чудотворец. Семнадцатый сэнчэри. Будем брать? Или как?

— Я хочу иметь большой разговор, — подумав, сказал он и спохватился: — А вы не воровай эту штуку? Искьюз ми, но... я честный человек и скандал... Вы понимает, да?

— Ес, сэр, — сказал я. — Как не понять. Вам крышка, нам крышка. Все очень даже понятно.

— Я не везу, — сказал Кэмпбэлл. — Другой человек... Но это есть секретный дело! — Он поднял палец. — И я имею разговор...

— Ну, — сказал я, — разговор разговором, но сначала дело. За каждую доску — пятьсот долларов. Века, сами понимаете — пятнадцатый, семнадцатый; древние, так что по-божески...

— Это кошмар... — Кэмпбэлл сел и протер очки штаниной висевших на спинке кровати брюк. — Я даю тысяча для все. Фор олл. Я не имей много. И разговор...

— Стоп, — сказал я. — Тут наш знакомый... В туалете... Миша. Надо посоветоваться.

— Оу, Миша? — заулыбался Кэмпбэлл.

— Туалет, — сказал я. И пошел звать Мишку.

Когда мы ввалились в номер, иконы уже как ветром сдуло, а на месте их лежала пачка серо-зеленых бумажек. Мистер Кэмпбэлл опять ломал себе пальцы.

— Мы согласны, — сказал я, сгребая «капусту» и усаживаясь, наконец, в желанное кресло. — Все олл райт.

— Я имей разговор, — шепотом откликнулся Кэмпбэлл, пожал Мишке руку и полез в холодильник, вытащил оттуда бутылку виски, две банки с ананасовым соком, сыр и консервы. — У нас есть

бизнес. Вы можете зарабатывать, и я можете тоже. Я знаю коллекционер, очень богатая люди...— Виски он разлил в казенные рюмки. — Я оставляю телефон свой друг... Вы — звонить и приезжай, он — отдавать деньги. Он честный человек, не дрожать от страха...

— Только с политикой мы не связываемся, — строго сказал Мишка и насутился. — Вы нас не впутывайте!

— Какой политик! — воскликнул Кэмпбэлл. — Я математик! Я бедный человек! Я тоже нужно деньги...

— Ну, выпьем, — сказал Мишка, мрачно. Он думал.

— Но доставать тринадцать и интервал, да? До восемнадцать век! — сказал Кэмпбэлл, записывая на клочке бумажки телефон. — Древняя вещь. Плохой не надо мазня.

— Ну, ясно, — сказал Мишка, до краев наполняя рюмки. — Ежу понятно. Сделаем. Все путем...

— Это есть опасность! — сказал Кэмпбэлл и ловко опрокинул рюмку. Лысина его покраснела, очки сползли на нос... — Я тоже дрожать от страха. Если поймай, меня сюда не пускают. Я изучаю топология. У вас колоссальный ученый. Но меня поймай и не приглашает никто. Вы не воровай икона! Я говорил с человек, и он знает: надо покупать у старуха и дедушка в деревня. За рубель. Или очень хорошо — водка. Мне в деревня нельзя. Виза. — Он подумал. — Я бедный человек... Моя мама — госпиталь. И я имей девушка, но нет дом.

— Такая же ситуация... — подтвердил Мишка с грустью. — Жить нигде. С родителями — сам понимаешь...

Кэмпбэлл его не слушал.

— У вас дешевый квартира, — говорил он, покачиваясь. — У нас дорогой дома. Моя девушка иметь родители... Это есть кошмар! Нет дом — нет ее. Надо пятьдесят тысяча долларз... — Он полез в бумажник, извлек фотографию какой-то девицы и дал нам оценить ее лик. Затем вновь выпил, и в голубых глазах его появилась ангельская мечтательность и просветленность. — У меня есть долг! Двенадцать тысяча долларз! Это есть кошмар! Если не отдать — тюрьма. Но моя мама болеть. Я делаю еще долг...

Я соболезнующе кивал, уминая анчоусы. Под виски они идут паршиво, другое дело — под водку. А так — словно одеколон с селдкой.

— Если вас... — Мишка взял себя за шиворот, — то вы нас не знаете! А если нас... мы не знаем вас.

— Мы есть джентльмен! — выпятил впалую грудь Кэмпбэлл. — Очевидная поведение. — И, поразмыслив, сказал: — Большая опасность. Пойматься нельзя... Но это жизни! А вы? — Он обернулся ко мне. — Какая профессия? Художник?

Я помедлил, закуривая... Ответил так:

— Занимаюсь вопросами... парапсихологии, — заметив, что Мишка, информированный о моих телепатических фокусах, настороженно и даже, как показалось, неодобрительно прищурился.

Кэмпбэлл уставился на меня, как на придурка. Впрочем, благожелательно улыбаясь. Зубы у него были белые и ровные, как клавиши у рояля.

— Но это... фантазия! — заявил он так, будто бы убеждал меня, сам между тем сомневаясь.

— Хотите спор? — изящно стряхнув пепел, пошел я в атаку. — Ну вот телепатия, верите?

— На... дистанция? — уточнил тот, помахав, как веером, растопыренными пальцами у лба. — Мысль?

— Да! — Я кружил глазами по комнате, словно отыскивая некий предмет. Затем, озарив лицо рождением идеи, полез в «президент» и вытащил колоду карт.

Толковал математику суть: друг-телепат, вытаскивай карту, звони, получай ответ. На кон, после краткого торга, была выставлена сотня рублей — номинал, оговоренный с Олегом. Кэмпбэлл изучил колоду. Вытащил карту: десятку треф. Одной рукой прикрыв телефонный диск, другой я набрал номер и передал трубку специалисту по точным наукам.

— Дмитрия Теодоровича, — подсказал я Кэмпбэллу, примечая, что лоб первой моей жертвы несколько взопрел от волнения.

С акцентом, но четко тот произнес имя-отчество-код. И растерянно передал трубку мне. Сказал:

— Неправильно номер...

Я перехватил трубку, услышал далекое сопение и вслед за ним какое-то предсмертное бормотание. С трудом разобрал:

— Н-не туда же... я г-говорю... — И дали отбой.

Судя по всему, изрядная часть гонорара за иконки уже перешла через магазин в государственные фонды.

— Ну, чего там? — спросил Мишка недовольно.

— На английском разговаривает, — сказал я. — В дупель! — И тут же пояснил спасенной случаем жертве: — Забыл номер, черт...

— Фантазия, — откликнулся Кэмпбэлл. — Это модно. У нас тоже. — И уселся на батарею, задумавшись.

— Пошли мы, что ли? — предложил я, здорово сконфуженный своим провалом. Михаил закивал — пора.

— О, — Кэмпбэлл соскочил с батареи, вытер ладонь о зад и протянул ее мне. — Надо много икона, крест медный.

— Все будет, — сказал Мишка. — В лучшем виде. — По-куриному дергая шеей, он заглядывал остатки сыра. Сыр был липкий, и несло от него какой-то тухлятиной — видимо, дорогой сорт.

— Я приезжай в Москву на конференция, — говорил Кэмпбэлл. — Но у меня долг... Это тюрьма! Вы звонить и приносить доска. Очень точный договор только. Я прошу...

— О'кей, — сказал я. — Не дрожать от страха.

— ...Как ты... чуть на сотенку-то не наколосся, — позлорадствовал Михаил на улице. — Нашел место тоже! Парапсихолог хренов! Ты одно дело с другим не путай, понял?

— Чего он... лысеет-то? — кашлянул я, сознавая правоту товарища. — Молодой вроде...

— От ума, старик. Ученый.

— От какого ума? Что, у него мысли так череп распирают, что аж волосья выскакивают?

— Это ты у него спроси, — отрезал Мишка, с интересом рассматривая доллары. — Ну, как? — спросил. — Будем звонить тому хмырю? Надо же выручать человека из беды. Мамаша у него в больнице, жениться надумал, а тут еще тюрьга светит... Или врет? Хотя, знаешь, чего ему врать? Он дохлый такой, на студента похож. Что оттуда — ни в жизнь не скажешь! А за нами не следят? — Он обернулся.

— Кому ты нужен, — сказал я. — Христопродавец...

Владимир КРОХИН

В субботу утром, закупив две бутылки проклятой и, тайно похитив из тещинных припасов банку маринованных огурцов, отправляюсь в гараж. Наблюдать за ремонтом машины.

Сосед мой Игорь — автомастер-ас, вызвался устранить поврежденные кузова на пару с неким Эдиком — личностью откровенно темной — даже наши орлы-ремонтники якшаться с ним опасались и хныкали, что жулик, обдирает и сачок. Игорь, впрочем, малый резкий, отважный и в тандеме с этим гангстером от автомобиля главенствовал.

Подхожу к своему боксу. «Жигуль» мой мерзнет на улице, а в гараже стоит «Волга» старого образца. Под «Волгой» горит свет, звякают ключи. Со стула поднимается Эдик — человек атлетического сложения! Лицо его светится радостью встречи, и мне протягивается грязная лапа с дешевым перстнем. Я с омерзением в душе и с ответной радостью на лице пожимаю лапу. Даже спрашиваю: как, мол, жизнь?

— Выпьешь, станет легче, — уклончиво отвечает Эдик, и я, понимая намек, вытаскиваю из сумки водку и огурцы.

— Это я... уважаю! — говорит Эдик. — Это — начало! Тут вот халтурец подвернулся, — как бы извиняется он за «Волгу». — Дел еще на минуту. А дальше... я ваш слуга!

«А слуга всегда лукав с господином», — думаю я, но замалчиваю эту мысль.

Из ямы вылезает Игорь. Комбинезон, припорошенное мелкой крупой грязи лицо; на шее, на цепочке — серебряная монета. Вместо нательного креста, что ли?

— Лакать потом будешь, — говорит он Эду. — «Волгу» выгоняй, «Жигуль» ставь. Крышку багажника сменил? Резак наладил?

— Крышку багажника! — возмущается Эдик, с урчанием усаживаясь в «Волгу». — Резак! Я же не могу работать, как в мультфильме! Воще... горбатюсь, как ишак! Хотя чего ишак! Хозяина доведи и стой! Домкраться.

«Волга» и мой «Жигуль» меняются местами. Начинается работа. Стук, звон, и смятое крыло мало-помалу обретает надлежащую форму. Эдик прикручивает крышку багажника, косясь на бутылки. Наполненные, они его раздражают. Но командир суров. Я сижу, думая о Марине. Последнее время я очень много о ней думаю. Вспоминаю... как вез ее в театр, в сотый раз краснея за себя: ну наглец... А... может, и ничего, что так вышло? Может, рассмотреть это дело юмористически? Черт, что за напасть? Я, кажется, люблю ее. Глупость, естественно. У нее муж: насколько знаю — не первый; и наверняка девочка соображает: счастье женщины не в авантюрных увлечениях, а в семье, в заботах о ней и ее упорении. Интересно, развелся бы я с женой ради нее? Да, конечно.

У ворот гаража Эдик ведет торг с хозяином «Волги».

— Полтинничек, мужик, полтинничек, — доносился его бас. — Ты чего? Амортизатор заменили, так? Потом трапецию, так?

Позвонить ей? Допустим, имею право. Дальше? Куда-то пригласить? Куда? В театр? Ха! В кино? Еще чище! Погулять? Минус двадцать восемь. Ресторан? Пошло, да и денег нет. Домой? С семьей, мол, не желаешь познакомиться? С тещей там... К Козлу? Бред. В этом прокуренном и убогом логове я сам если и бы-

ваю, то после крупных огорчений или диких поддач, когда депрессия и на все наплевать.

— Ну, чего, может... полечимся, мужики? — осторожно предлагает Эдик, шпаклюя крыло.

— Только — если с закуской, — соглашается Игорек. — А то развезет. Родители за город укатили, жратвы уже два дня нет...

Эдик достает хлеб, колбасу, вскрывает банку с огурцами; ставит рядом с бутылкой стакан и две фаянсовые кружки.

— Только не из кружки, — заявляю я и отбираю у Эдика стакан. — Не могу из чайной посуды....

— Аристократ, — уныло роняет Игорь.

Мы пьем ледяную, с мороза безвкусную водку.

— Я вот когда на Дальнем Востоке... — рыгая и морщась, говорит Эдик, — мы там спирт из плафонов киляли — посуды не было. Матовые такие плафоны... Ну, лампочки где. Чего кружки, плафон! Ого! Литр. Не, два с полтиной! Тара. Да... Спирт теплый — реакция с водой... Песчинки на дне, фужель какой-то... С души воротит! — И его передернуло от воспоминаний.

Нас с Игорем тоже как токомхватило. В это время вошел хозяин «Волги» — улыбочивый толстячок пенсионного возраста с удивленным выражением лица.

— Рекламация, — смачно плюнув, сказал Эдуард. — Ну, чего не нравится?

— Вы знаете, — поведал толстячок, смущаясь. — Что-то у меня стуки какие-то, забыл вам сказать... Внизу.

— Понятно — не наверху, — сказал Эдик лениво. — Не под облаками. Отдельная работа.

— Конечно, я заплачу!

Эдуард мигом исчез. Толстячок присоединился к нам, рассказав страшно тупой анекдот. Юмор мы с Игорем восприняли холодно, но он смеялся за всех — долго и всхлипывая.

Вернулся Эдуард, обозрел компанию бесшабашными своими глазами.

— Смеяться, право, не грешно, — выразился он в сторону толстячка, — но лучше не смеяться. — И захохотал от собственного остроумия. Продолжил: — Крестовины у тебя накрылись, кореш.

— Но ведь их месяц назад меняли! — изумился клиент.

— Значит, так меняли, — сказал Эдуард. — Такие мастера. Нет, чтобы подъехать к Эдику и горя не знать, а то шатаешься по ханыгам и имеешь не кардан, а туфту! — И он хлопнул обескураженного собеседника по животу, издавшему звук спелого арбуза. — Гони тачку через бокс, на яму. К нему! — Он вытянул подбородок, указывая на Игоря. — И готовь четвертной.

— Крестовины у него — колоссален-великолепен, — радостно блестя зрачками, зашептал он Игорю, когда толстячок удалился. — Шлицы бьют. Пяток гвоздиков вгоню между ними, и все дела.

Мне стал остро неприятен Эдуард. Вообще захотелось вырваться отсюда. И то ли под влиянием алкоголя стало жизненно необходимо встретиться с Мариной. Сегодня же.

— Слушай, — сказал я Игорю. — Дай ключ от квартиры. Надо — позарез. Ты ведь тут целый день возиться будешь?

— Чего ж ты раньше-то? — с пониманием отозвался тот, передавая мне брелок с ключом. Добавил: — Любовь, как рыбалка. Ключуло — тани рыбку. Не ключуло — сматывай удочки.

Вскоре, как вор, шмыгнув в подъезд, я поднялся на свой этаж и, оглядываясь на дверь своей квартиры, отпер дверь квартиры соседа. Набрал номер ее телефона, рассматривая интерьер комнаты; портреты родителей Игоря на стене пришла мысль временно убрать... Падший я тип, а? Но с претензиями, сволочь.

Ее голос. Весь подбираюсь. Нервы — перетянутые струны. Аж звон под темечком. Сжимаю трубку, как рукоятку ножа перед дракой; в горле — одышка, а голос спокойный, ровный, насмешливый, не мой голос: сижу вроде того что дома, в скуке беспечного дня, болею — давление — мечтаю увидеться, но удобно ли выступить с приглашением посетить меня, такого ординарного, почти безвестного, такую знаменитую, осыпанную славы лучами, признанную широкими массами трудящихся и бездельников... Не верю барабанным перепонкам своим: придет через час! Ну... дела! Лицо горит. Противно лихорадит. И давление наверняка подскочило — тут, выходит, я не соврал. Иду на кухню. Так, чай есть, конфеты... Вспомниваю Эдика. Провожу некоторые параллели между собой и этим мазуриком. Усмехаюсь, но тут же цепенею лицом — на лестничной площадке подозрительно знакомые голоса... Приникаю к дверному «глазку». В мутной сплющенной сфере вижу жену и тещу в шубах и с сумками — видимо, собрались в магазин. Жена смотрит в мою сторону, и я, невольно приседаю, ныряю прочь от «глазка». Котяра пакостный.

От кого-то слышал, что душа художника или светла, или порочна. Среднего не дано. Моя душа... подловата. Ну, да я и не художник. Молодой, циничный и посредственный журналист, в часы досуга упражняющийся в рифмах. А что от такого ждать?

Плохо живу! Плохо.

(Окончание следует)

Рисунки П. Караченцова.

Е. ИЩЕНКО,
кандидат юридических наук

КОГДА РАСКРЫВАЮТСЯ ТАЙНЫ

Криминалистика — наука, помнящая родство. Она щедро возвращает то, что когда-то, позаимствовав, приспособила для своих нужд. К криминалистам обращаются за помощью литературоведы, историки, музыковеды, работники музеев и картинных галерей, археологи. Был случай, когда, исследовав рукопись поэмы, они назвали ее истинных авторов. Криминалисты доказали, что покаянное письмо Пушкина к царю по поводу поэмы «Гаврилиада» писал... не Пушкин, восстановили картину дуэли между великим поэтом и Жоржем Дантесом. Таких интересных «некриминальных» исследований с помощью криминалистики проведено немало. Вот некоторые из них.

ВОЗРОЖДЕННАЯ МУЗЫКА

Кто не любит музыку гениального русского композитора Петра Ильича Чайковского! Поклонники его таланта высоко ценят, в частности, виолончельные «Вариации на тему рококо». Но немногие, наверное, знают, что к возрождению истинного звучания этого произведения криминалисты имеют самое непосредственное отношение.

Впервые «Вариации» исполнялись в Москве 18 ноября 1877 года в третьем симфоническом собрании Русского музыкального общества. Однако уже тогда звучала музыка, весьма далекая от оригинального замысла, потому что профессор Московской консерватории В. Ф. Фитценгаген, которому П. И. Чайковский их посвятил, отредактировал произведение по своему вкусу.

Обошелся он с рукописью очень вольно: заменил целые музыкальные фразы, вписав свои, а оригинал заклеил сургучом. Причем это коснулось не только виолончельной партии, но и произведения в целом: восьмую вариацию он изъясил, остальные переставил местами. В таком виде «Вариации на тему рококо» в 1878 году были изданы и исполнялись более шестидесяти лет.

В конце тридцатых годов обладателем оригинала «Вариаций» стал профессор Московской консерватории В. Л. Кубацкий, который решил восстановить произведение в первоначальном виде. Сделать это оказалось нелегко, потому что Фитценгаген имел сходную с великим композитором манеру нотного письма и пользовался такими же чернилами. Профессор Кубацкий осторожно отдирает сургуч, стараясь прочесть уничтоженные ноты, интуитивно проникает в замысел композитора, освобождая «Вариации» от правки, а когда завершил этот большой труд, музыкальные эксперты усомнились в подлинности восстановленной рукописи.

Вот тогда-то на помощь В. Л. Кубацкому и пришли криминалисты. Все, на что он затратил годы упорного труда, А. И. Пуртов, В. И. Ваганов и В. Д. Зуев с помощью современной криминалистической техники проверили за несколько дней. При косонаправленном ультрафиолетовом и инфракрасном освещении они сделали с рукописи более трехсот снимков, на которых прочли ноты великого композитора. Добросовестность восстановительной работы, проведенной В. Л. Кубацким, была авторитетно подтверждена, и «Вариации на тему рококо» прозвучали в Концертном зале имени П. И. Чайковского в первозданном виде.

ИОГАНН СЕБАСТЬЯН ИЛИ АННА-МАГДАЛЕНА?

Творческое наследие Иоганна Себастьяна Баха включает в себя свыше тысячи музыкальных произведений, среди них шесть сюит для виолончели соло. С изданием этих сюит связана история, которой пришлось заниматься криминалистам в пятидесятых годах нашего века.

Готовя публикацию, музыковед А. П. Стогорский решил найти оригинал, который служил первоисточником для всех предыдущих изданий, и сравнить его с подлинниками других музыкальных произведений Баха, дошедшими до нас. Сходство казалось поразительным: совпадали манера нотного письма, одинаковым было начертание трелей, лиг, дизезов... «Да, это рука самого Баха!» — такой вывод сделал А. П. Стогорский. Тем не менее многие специалисты придерживались иного мнения, они настаивали, что виолончельные сюиты переписаны с оригинала женой композитора Анной-Магдаленой. Чтобы разрешить спор и установить истину, музыковеды обратились к московским криминалистам.

Из Лейпцигского архива в Москву прислали несколько оригинальных рукописей, относящихся примерно к тому же периоду творчества великого композитора. Тут эксперт-почерковед В. П. Власов и обнаружил различия, которых не смог заметить музыковед: по-иному обозначены знаки ключа, размера, повторения, более быстрым, чем в рукописи виолончельных сюит, оказался темп нотного письма. Все это позволило сделать вывод: спорная рукопись написана не И. С. Бахом, а его женой Анной-Магдаленой, старательно копировавшей почерк мужа.

Для криминалистов здесь оказался важным другой момент: в ходе этого сложного исследования подтвердилась гипотеза о том, что почерк индивидуален и неповторим, поэтому его нельзя абсолютно точно подделать не только при буквенном или цифровом, но и при нотном письме. Стало быть, любой выполненный рукой человека письменный знак в принципе может точно указать на своего исполнителя.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ВОЛОСЫ НАПОЛЕОНА

Наполеон Бонапарт умер 5 мая 1821 года на острове Святой Елены. Однако, как установлено полтора века спустя, его последние дни были отравлены не только в переносном, но и в прямом смысле. По официальной версии, Наполеон умер от рака желудка, что не очень-то вязалось с описанием хода болезни, составленным личным врачом. Анализ истории болезни наводил на мысль, что скорее его отравили мышьяком. Это доказали английские судебные медики

Х. Смит и С. Форшувуд вместе со своим шведским коллегой А. Вассеном.

Сделаем небольшое отступление. Хотя сурьма, ртуть, фосфор и такие растительные яды, как цикута и белена, широко применялись с целью отравления, все же изобретенный арабским алхимиком VIII века Джебером белый, не имеющий ни вкуса, ни запаха мышьяковистый ангидрид стал беспримерным сеятелем смерти. Сколько убийств, совершенных с его помощью, остались тайной! Мышьяк получил весьма широкое распространение: все знали, как легко его подмешать в любое кушанье и как трудно отличить симптомы отравления от распространенной тогда холеры. При королевских дворах и в феодальных замках такая расправа с неугодными стала в средние века обычным явлением. Черными буквами вписаны в историю имена папы римского Александра IV и его сына Цезаря, некой Теофании ди Адамо, которая не только сама убивала водой «аква тофана», но и торговала ею.

Только в 1898 году врач-дерматолог из Англии Эдуард Шиф обратил внимание на то, что в человеческих волосах встречается мышьяк, и в случаях отравления рекомендовал исследовать волосы жертвы. Когда на рубеже XIX и XX веков в английском городе Манчестере пострадали от случайного отравления почти шесть тысяч человек, королевская комиссия установила: следы даже незначительного количества мышьяка накапливаются в волосах. Вначале его можно обнаружить у самых корней, а поскольку волосы за месяц отрастают в среднем на полтора сантиметра, то и яд постепенно удаляется от кожи головы. Чем дальше от корня находится мышьяк, тем раньше началось отравление; если встречаются только отдельные участки, значит, яд давали с перерывами.

Все это Х. Смит, С. Форшувуд и А. Вассен уже знали. Раньше предположение об отравлении Наполеона проверить было невозможно, а теперь к услугам ученых был надежный метод выявления ядов в биологических тканях — нейтронно-активационный анализ. Ртуть, мышьяк, сурьму, таллий удается обнаружить, даже если они находятся в волосе в ничтожно малом количестве.

Кстати сказать, в волосах человека присутствуют еще более сорока химических элементов: медь, цинк, хром, йод, золото, серебро, алюминий и другие. Соотношение микроэлементов в волосах зависит от обменных процессов организма и воздействия внешней среды. Как недавно установлено, по нему можно обнаружить не только отравления, но и заболевания поджелудочной железы, сахарный диабет, нарушения обмена веществ и даже шизофрению. При этом психическом заболевании чрезвычайно мало содержание в волосах кадмия и марганца и чрезмерно велико — железа и свинца.

Несколько волос Наполеона поместили в ядерный реактор и подвергли бомбардировке нейтронами, в результате чего образовался радиоактивный мышьяк-76. По скорости его распада и интенсивности сопровождающих излучений ученые определили, что содержание мышьяка в волосах в тринадцать раз превышает нормальное. Когда исследовали самые длинные волосы, то установили, что в организм бывшего французского императора четыре месяца вносили большие дозы мышьяка. Распределение яда позволило определить промежутки в приеме зловещего «лекарства», которые соответствовали данным об обострениях в течение его болезни. Значит, Наполеона действительно отравили английские тюремщики.

КОРНИ СЕНСАЦИЙ

В руки криминалистов иногда попадают совершенно удивительные предметы.

...150—200 тысячелетий назад одна из ветвей неандертальцев, жившая на территории современного Перу, достигла высокого уровня развития и создала свою цивилизацию. Неандертальцы возвели циклопические постройки у себя на родине, вытесали и установили каменных длинноухих истуканов на острове Пасхи, соорудили аэродром длиной пятьдесят и шириной десять километров в долине Наска. Путешествуя на летающих ящерах, они обследовали всю Землю и составили самую древнюю карту мира, обозначив на ней ныне не существующие материки Атлантиду и Лемурию, и так далее и тому подобное.

Так утверждал ученый Хавьер Кабрера Даркеа, живущий в перуанском городе Ика. В подтверждение он ссылался на неопровержимое, по его убеждению, доказательство — около шестнадцати тысяч камней различных размеров с нанесенными на них рисунками. Эти камни, которые он счел документами неандертальской цивилизации, и побудили его выстроить целую гипотезу.

Сенсационные сообщения о загадочной камнотеке из города Ика обошли весь мир. Гипотеза доктора Кабреры вызвала, как и следовало ожидать, серьезные возражения. Советские криминалисты взялись установить достоверность каменных «документов». На первый взгляд изображения напоминали стилизованные и упрощенные древние рисунки. Как и чем нанесены они на твердую поверхность?

Эксперты пробовали действовать древними орудиями из бронзы, кремния и обсидиана, взятыми в музей, затем современным напильником из прочной инструментальной стали. Бронзовые резцы не оставили вообще никаких следов, а остальные — лишь поверхностные царапины. На исследуемых же камнях линии ровные, довольно глубокие, подобные следы оставляла только фреза бормашины, причем бороздки практически не различались. Итак, инструмент «неандертальского» художника установлен: резец из современного твердого сплава, пригодный для гравировки. А разрисованные камни — локвая мистификация, жертвой которой стал доктор Хавьер Кабрера.

Вторая сенсация, на сей раз связанная со следами инопланетян, благодаря усилиям криминалистов вообще не состоялась. Таких следов, если верить любителям инопланетных чудес, на Земле немало: большой храм Гелиоса в Баальбеке, Кутубовая железная колонна во дворе мечети Кувват-уль-Ислам в Дели и якобы вращающийся на высокой орбите вокруг Земли спутник «Черный принц». Криминалистам пришлось заниматься куда более скромными следами «космических пришельцев».

Вот что о них рассказал один из любителей таких чудес: 200 миллионов лет назад, в середине так называемой пермской эпохи, в районе, где ныне стоит город Ухта, приземлился неизвестный космический корабль. Управляли им, видимо, автоматы, так как наследили они довольно странно: оставили шестигранные, размером с двухкопеечную монету, следы с выпуклыми непонятными знаками. Два таких следа обнаружили на глубине 760 метров геологи, о чем и сообщили в редакцию центральной газеты. Привезенный керн (пробу грунта) с загадочными отпечатками передали в Институт палеонтологии Академии наук СССР. Сотрудники института дали

заключение: следы такого вида невозможно объяснить естественными процессами, известными геологии и палеонтологии.

Назревала сенсация. Чтобы исключить последние сомнения, редакция попросила заняться расшифровкой таинственных следов криминалистов из ВНИИ МВД СССР. Им дали небольшой, объемом около 64 кубических сантиметров, кусочек мергеля с двумя отпечатками шестигранной формы, в одном отчетливо просматривались знаки, порознь похожие на зеркальные отображения цифр 8 и 4. Эксперты установили, что эти следы оставлены... головкой современного нестандартного болта. Таким же болтом криминалисты оставили на влажном куске мергеля следы, которые ничем не отличались от «космических».

ФАЛЬШИВЫЕ ШЕДЕВРЫ

Криминалистам приходится сталкиваться и с более искусными подделками, в частности с фальшивыми произведениями искусства. Особенно распространены они на Западе: поддельные полотна Рафаэля, Веласкеса, Тициана, Матисса, Тинторетто, Шагала... Выдающийся французский художник Коро оставил около трех тысяч полотен, а только в США сейчас более пяти тысяч картин, приписываемых его кисти. На Западе существуют целые корпорации мошенников, фабрикующих и сбывающих фальшивые шедевры. О масштабах их деятельности можно судить хотя бы по такому факту: за последние сорок лет из 750 произведений Рембрандта, находящихся в музеях и галереях, 376 признаны поддельными.

А вот какой случай произошел в Ленинграде. В одном из народных судов рассматривался гражданский спор по поводу картины «Бурное море». Коллекционер, приобретя полотно, вскоре захотел возратить его бывшему владельцу и получить обратную крупную сумму. Поводом для расторжения сделки он выдвинул мнение известного художника, усомнившегося, что автор картины — И. К. Айвазовский. Страсти еще более накалились, когда привлеченные судом в качестве экспертов четыре художника не смогли прийти к единому мнению: двое признали картину подлинной работой великого мариниста, а двое других утверждали, что это просто хорошая подделка. Попав в затруднительное положение, суд решил привлечь к установлению авторства известного криминалиста А. А. Салькова. Осмотрев полотно, он особенно заинтересовался пенной в углу картины, на которой была подпись художника, и решил осмотреть полотно в ультрафиолетовых лучах. Под их действием многие вещества начинают светиться — люминесцировать, а некоторые становятся прозрачными. Белые хлопья пены в углу картины исчезли, и проступила размазанная подпись настоящего автора.

При исследовании картин, вызывающих сомнения, криминалисты используют рентгеновские лучи, лазерные анализаторы, телевизионную аппаратуру, приборы для спектральных исследований и другую современную технику. Важен химический анализ состава красок. Дело в том, что художники прошлого писали свои полотна особыми красками, изготовленными по их собственному рецепту. Каждый художник добавлял в краски определенные микропримеси, отличные от других. Известно также, что до XIX века художники пользовались только свинцовыми белилами, примесь меди в которых указывает на их итальянское происхождение, а серебра — на изготовление в Германии или Голландии. Созданы специальные уста-

новки, выявляющие берлинскую лазурь, которой в эпоху старых мастеров не было.

Недавно, например, разработан изотопный метод анализа художественных произведений, позволяющий, в частности, установить имя неизвестного мастера по микропримесям, включенным в состав красок. Специальный источник радиоактивного излучения, заключенный в небольшой свинцовый контейнер, кладут на полотно. Он испускает гамма-лучи, которые, отражаясь от слоев краски, попадают в приемник, затем усиливаются и поступают в анализатор. Так как каждому химическому элементу присущ определенный структурный рисунок на экране анализатора, определить состав красок изотопным методом довольно просто, а по ним установить имя автора картины. Небезразлично и то, что этот метод в отличие от других не причиняет картине вообще никакого вреда.

В сложных случаях советские криминалисты помогают работникам музеев и картинных галерей отделить работы мастеров от фальшивок. Но не только картины становятся объектом фальсификации. Подделывают иконы, старинные изделия из керамики, меди и бронзы, золотые украшения и монеты этрусков, греков, римлян, византийцев, старые русские монеты. Возраст написанных на деревянных досках икон и картин определяют по годичным кольцам вплоть до раннего средневековья. Подлинность керамических изделий устанавливает термолюминесцентный анализ: чем старше изделие, тем интенсивнее излучение. Применяется и метод археомagnetизма. При охлаждении молекулы железа, содержащиеся в керамике, выстраиваются вдоль силовых линий магнитного поля Земли. Зная характер изменений этого поля, можно определить и возраст изделия. Когда керамика выкрашена, прибегают к химическому анализу красителя.

Нередко подделывают украшения и древние монеты. В таких случаях важны анализ материала и технологии изготовления. Несомненно, что у преступника очень мало шансов получить действительно старое золото и к тому же применить старинные методы его обработки. Золотые и бронзовые украшения античности настолько своеобразны, что злоумышленникам не под силу найти технические средства для изготовления точных копий подвесок, брошей, диадем, колец, перстней. К тому же современные золото и бронза в отличие от старых содержат ряд примесей, по которым их нетрудно распознать. Подделки из меди выявляют по особенностям поверхности и химическому составу, который в течение веков неоднократно менялся. Здесь помогают металлографический и химический анализы, лазерный микроанализ и другие современные методы. Так криминалисты помогают спасти от дискредитации древнее искусство, произведения средневековых мастеров и художников прошлого, разгадывают загадки, которые загадали история и люди, готовые пожиться за ее счет.

ИМЕНЕМ САТИРЫ/

М. ХАЗИН

Жаль, что не ведаю театрами

ФЕЛЬЕТОН

Костя Александров разработал свою систему развлечений и постоянно ее совершенствовал.

Когда он был помоложе и мать еще осмеливалась робко недоумевать по поводу его хронического нежелания общаться с учителями, Костя просто уходил из дома. Он обживал чердаки, пустующие сараи или, в зависимости от климатических условий, люки теплоцентралей. Кстати, он не представлял свои временные обиталища таким пиратским корветом или пещерой Лихтвейса — об этих вещах Костя почти ничего не знал из-за обыкновенной нелюбви к чтению. Зато как приятна была уверенность, что ни один учитель туда не сунется, особенно ночью. А к работникам инспекции по делам несовершеннолетних он испытывал даже нечто вроде симпатии и не прочь был общаться с ними почаще. Но приходилось считаться с тем, что люди были при официальной должности, а Костя у них не один.

По мере того как он в соответствии с модой постепенно обрастал длинными волосами, недоумение матери становилось уже неуместным. Тем более что недоумевать следовало теперь по поводу хронического нежелания общаться с младшими командирами производства — бригадирами и мастерами. Впрочем, и со старшими командирами вроде начальников цехов и отделов он не торопился укреплять дружбу. А самым главным — директорам — было как-то не до него. Данный возрастной период имел по сравнению с предшествующим громадное преимущество в том смысле, что теперь можно было не убегать из дома, а просто-напросто накричать на мать, предварительно истребовав полтинник на кино.

В кино идти, впрочем, было необязательно, ничего интересного он лично от него не ожидал. Зимним днем можно погонять чужих голубей, а вечером заглянуть на каток, сохранив в нестронутости запоев 50 копеек. Костя знал: обязательно найдется кто-нибудь из ребят, у кого есть немного копеек добавки, что позволяло приобрести бутылку «бургундского» местного розлива со всеми вытекающими отсюда удовольствиями.

Если кому-либо мое повествование покажется нудноватым, то в этом нет ничего удивительного, ибо ярко и красочно описать чью-то нудную и бессмысленную жизнь еще никому не удавалось. (Попытки нудно описать яркую и красочную жизнь всегда были успешнее.)

Итак, продолжим. В один прекрасный весенний день Костя Александров с беспощадной трезвостью взглянул на свое бесцветное существование и понял, что в его жизни не хватает экспрессии. То есть этих слов он не знал, но подсознательно чувствовал, что в жизни каждого мужчины основное место должны занимать любовь и борьба.

Полный решимости самоутвердиться, Костя в присутствии сверстников оскорблял девушку, демонстрируя своим друзьям, как следует обращаться с женским полом. На память об этом своем «смелом» поступке он взял у девушки часы...

И за борьбой дело не стало. В тот же день Костя сбил с ног до толе неизвестного ему прохожего, оседлал его и с помощью кирпича «внедрил» ему в голову мысль, что он, Костя, заслуживал всяческого уважения.

Когда его изолировали от девушек и прохожих, сверстников и матери, от чужих голубей и «бургундского» местного розлива, стали думать над случившимся. Как же так? Он ведь подвергнулся воздействию трех мощных сил — семьи, школы и милиции. И хотя в отличие от лебеда, рака и жуки они пытались тянуться в одном направлении, результат их усилий оказался таким же, как и у басенной тропицы.

Но, говорят, есть еще и волшебная сила литературы и искусства. Возможно, они сыграли бы свою партию на «тонких» струнах Костиной души — тех самых струнах, что не отозвались на сугубо прозаическую воспитательную работу? Неужели даже прочитанные книги, увиденные спектакли и кинофильмы, прослушанные, наконец, концерты не облагородили в свое время его несовершеннолетнюю душу? И оказалось вдруг, что не облагородили, потому что Костя, находясь в часе езды от десятков московских театров и концертных залов, имел о них такое же представление, как, скажем, об экуменизме.

Да и откуда, скажите, было взяться этому представлению? Костина мать отродясь по театрам не хаживала, о существовании отца напоминали лишь нерегулярно высылаемые алименты. И даже если бы школа в те времена, когда он еще не прекратил своего с ней знакомства, попыталась бы свозить его в столицу, то культпоход вряд ли удался бы — два детских театра просто не в силах эстетически обслужить тысячи столичных и подмосковных школьников.

Правда, недалеко от дома нашего героя (или антигероя) находится Дом-музей П. И. Чайковского, однако для его регулярного посещения Костя был духовно не подготовлен так же, как, скажем, академик — к забиванию в дворовом садике козла.

Вот и получается, что к созданным специально для Кости сокровищам мировой культуры он до сих пор не приобщился и неизвестно, приобщится ли после вынужденной изоляции от них.

А ведь — кто знает — посмотри он в свое время «Ромео и Джульетту», может быть, и не стал бы вести себя так с девушкой; увлекись отцом и сыном Домби и Оливером Твистом — глядишь, и не увечил бы прохожего; взволнуй его «Судьба человека»... Продолжать можно до бесконечности, и никто не опровергнет математически точ-

ных выводов судебной статистики: среди не поладивших с уголовным кодексом подростков число завязтых кинолюбов или театралов почти равно нулю... Наверняка театральные и библиотечные статистики также располагают информацией о подобной зависимости.

Кстати, не совсем верно утверждение об абсолютном отсутствии влияния массовой культуры на молодых правонарушителей. В некоторых городах есть случаи, когда избивают друг друга в индивидуальном и групповом порядке «апахи», «гуроны», «волки». Блистая одинаковыми белыми заплатами жвачки на верхней губе, они при встрече все же опознают друг друга: у «апахи» за поясом торчит молоток, а излюбленная забава «гурона» — велосипедная цепь...

Бедная учительница, всей душой рвущаяся указать своим питомцам, скажем, кинопример, достойный подражания, не может вспомнить никого, кроме довоенного Тимура и его команды... Многие же современные подростковые фильмы либо слабо посещаемы, либо плохо запоминаемы. А следовательно, и неподражаемы...

Впрочем, вернемся к театру. Недавно мне довелось побывать на детском спектакле. То есть я думал, что это спектакль для детей, потому что начался он в 12 часов и зал был забит организованными в группы школьниками с чинными учительницами во главе. Каюсь, я даже посетовал на профессиональную неупорядоченность распространителя билетов, не предупредившего меня, что пьеса А. Кутерницкого «Нина» предназначена не для меня.

Увы, мой поставщик билетов оказался ни при чем. Я с удовольствием следил, как отрицательный герой, отец семейства, опорожнив бутылку водки, кривлялся на сцене и вообще вел себя крайне не поджентльменски. Его юный сын, положительный герой, естественно, будучи недоволен поведением отца, называл его дураком и трусом, а с сестренкой изъяснялся не иначе, как «дай мне в морду», «жрать хочу», «на фиг»...

Особый восторг доставил ребятам такой эпизод. Восемнадцатилетняя Нина снимает длатище и предлагает всю себя возлюбленному, а тот недвусмысленно колеблется: воспользоваться предложением или нет. Его волнение и душевная борьба проявлялись не только, вернее не столько в артикуляции, сколько в жестикуляции, сводившейся к более чем нескромным прикосновениям.

Изложение этих подробностей отнюдь не следует считать отрицательной рецензией. Может быть, именно так и следовало написать пьесу и поставить ее. Но при чем здесь дети?

После спектакля я взял микроинтервью у нескольких учительниц. Смущаясь и слегка краснея, они признались, что привезли детей из Казахстана, Оренбурга, Куйбышевской области, и первое знакомство с театром представляли себе несколько иначе. Билеты, мол, оптом сбывли им неизвестные распространители, прознавшие, в каком интернате поселили детей, приехавших на экскурсию.

Ну, а добросовестные распространители — что они могли предложить школьникам, пэтэушникам и рабочим подросткам? Какой «взрослый» театр ставит пьесы специально для них, будущих взрослых? Пожалуй, что и никакой...

Вот если бы я ведал театром, то обязательно посоветовал бы каждому из них каждый сезон иметь хотя бы одну вещь только специально для подростков. И ставить ее каждый выходной.

А на билетах можно крупным шрифтом написать: «Взрослым старше восемнадцати лет вход в зрительный зал запрещен»

зарубежная мозаика

КОГДА ЧАСЫ ПРОБИЛИ ПОЛНОЧЬ...

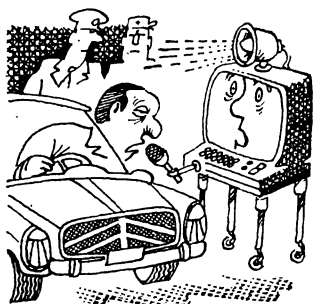
В шведском городке Асторп полицейский заметил ночью, что в продовольственный магазин забрался грабитель. Вор тоже заметил полицейского и пустился наутек. Полицейский — за ним. Но в этот момент часы на городской башне пробили 12 раз. И полицейский немедленно прекратил преследование: его дежурство кончилось в 24 часа, а профсоюз решительно запретил полицейским сверхурочные дежурства.

ВУНДЕРКИНДЫ

Двое гангстеров ограбили почту в английском городке Уэстон-Тервиль. С удивительным проворством отвлекли они внимание служащего и молниеносно очистили денежный сейф. Полиция захватила грабителей в ближайшем универмаге, где они... лакомятся пирожными и конфетами. Обоим грабителям не было еще по одиннадцати лет...

ТЕХНИКА ПЛЮС ЧУВСТВО ЮМОРА

В Венгрии началось производство новых электронных приборов, которые в течение доли секунды могут установить степень опьянения водителя автомашины. Последний должен только произнести несколько слов или просто дыхнуть в рецептор прибора, и на экранедисплее показывается количество содержания алкоголя в крови. Если этот показатель превышает 0,2 промили, то прибор издает резкий свист, звучащий примерно как «ого!».

Рис. Н. Щербакова.

Не пришла...

Рис. Р. Самойлова.

— На работе приходится крутиться — одна нога здесь, другая — там...

Рис. В. Тамаева.

Рис. В. Тамаева.

— Не беспокойтесь: хочу половить удочкой с плота...

